

ლიტერატურა

გეოგრაფია

6

1976

საქართველო
საბჭოთაო სოციალიზმი

Литературная Грузия

Ежемесячный
литературно - художественный
и
общественно-политический
журнал

Орган Союза писателей Грузии

6

ИЮНЬ

19

Издательство
ЦККП Грузии

76

КОНТРОЛЬНЫЙ
ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

«ლიტერატურნაია გრუზია»

(რუსულ ენაზე)

ქრველთვიური ლიტერატურულ-მხატვრული
და საზოგადოებრივ-პოლიტიკური ჟურნალი

გამოდის 1957 წლის ივნისიდან

№ 6

ივნისი, 1976 წ.

საქართველოს საბჭოთა მწერლების კავშირის ორგანო

Издается
с июня 1957 года

Главный редактор

Георгий ЦИЦИШВИЛИ

Редакционная

коллегия:

Тенгиз БУАЧИДЗЕ,
Гиви ЖВАНИЯ,
Марк ЗЛАТКИН,
Исидор КОЗАЕВ,
Георгий ЛОМИДZE,
Георгий МАРГВЕЛАШВИЛИ,
Владимир МАЧАВАРИАНИ,
Михаил МРЕВЛИШВИЛИ,
Гурам ХАРАИДZE
(заместитель главного
редактора),
Владимир ХОМУТОВ
(ответственный секретарь),
Эммануил ФЕЙГИН.

380008, ТБИЛИСИ, ул. ЛЕНИНА, 5.

Приемная — 99-06-59
Главный редактор — 93-65-15
Заместитель главного редактора —
93-13-57
Ответственный секретарь — 93-31-28

Отдел прозы и очерка
(редактор КОРИНТЭЛИ К. Н.) —
93-31-43
Отдел поэзии и искусства
(редактор ЗИНИНА В. Б.) — 93-31-43
Отдел критики и публицистики
(редактор ДОБРОДЕЕВА Л. Т.) —
93-65-19

Рукописи объемом менее авторского листа не возвращаются.

Содержание

ПРОБЛЕМЫ ДЕСЯТОЙ ПЯТИЛЕТКИ

- СТРОИТЬ БЫСТРО, ДОБРОТНО, ЭКОНОМНО.** На вопросы «Литературной Грузии» отвечает министр строительства Грузинской ССР тов. Н. А. Медзмариашвили 5

ПОЭЗИЯ

- МАРИДЖАН.** Мать. Четки матери. Сила улыбки. Тебе, сердце мое. Перевод Леонида Темина 8
- СИЛОВАН НАРИМАНИДЗЕ.** Большая жизнь. Земля родная. Полевые травы. Перевод Аллы Беридзе. «На дороге одному одиноко...». «Пастушок и стадо...». Перевод Яна Гольцмана. «Я, как прежде, зову...». Перевод Натальи Орловой. Миг. Перевод Виктора Широкова. Дай руку. Перевод Александра Радковского 9
- МУРМАН ДЖГУБУРИЯ.** Весна. «Солнце, начав восхождение утром...». «А что в селе соседнем происходит...». Погода. «Вот пришло безмятежие ночи...». «Скоро дождик просыплется дробно...». «Вот солнце за синие горы устало садится...». Перевод Леонида Темина 11

ПРОЗА

- ВАНО УРДЖУМЕЛАШВИЛИ.** Преображение. Роман. Продолжение. Перевод Маргариты Гржендзица 13
- ТЕЙМУРАЗ МАГЛАПЕРИДЗЕ.** Жажда. Роман. Продолжение. Перевод Нодара Тархнишвили 37

ОЧЕРК

- ВЛАДИСЛАВ ГУЛАШВИЛИ, РОБЕРТ МЕГРЕЛИШВИЛИ.** Небо звало... 54

საქართველოს
ლიბრეოთეკა

КРИТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

ГРАЖДАНСКАЯ МИССИЯ ПОЭЗИИ. («Круглый стол» «Литературной Грузии»)	58
АЛЕКСАНДР ТВЕРСКОЙ. Проникновение	69
ЛАДО АВАЛИАНИ. Акакий Гацерелия, мастер прозы	74
НАЗИ КИЛАСОНИЯ. Жизнь ее книг продолжается...	76

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВЗАИМОСВЯЗИ

ФАННИ ДЖИНДЖИХАШВИЛИ. Яркий факт испытанной дружбы	77
ВАСИЛИИ ЛАПЕРАШВИЛИ. Я слушал Багрицкого...	81

ИСКУССТВО

ГЕОРГИИ ГОЦИРИДЗЕ. Молодо, талантливо	82
---	----

К 150-ЛЕТИЮ ГАБРИЭЛА СУНДУКЯНА

БОНДО АРВЕЛАДЗЕ. «Край родной у нас один...».	84
ИОСИФ ИМЕДАШВИЛИ. Встречи с Габриэлом Сундукяном	87

В МИРЕ КНИГ

ВЛАДИМИР МАЧАВАРИАНИ. Отпор антисоветчикам от литературы	93
АНАТОЛИЙ ДЬЯЧЕНКО. Повесть о дороге к солнцу	95

Наши
интервью

СТРОИТЬ БЫСТРО, ДОБРОТНО, ЭКОНОМНО

На вопросы «Литературной Грузии» отвечает министр строительства Грузинской ССР товарищ Н. А. МЕДЗМАРИАШВИЛИ

— В СВОЕМ ДОКЛАДЕ НА XXV СЪЕЗДЕ КПСС «ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА СССР НА 1976 — 1980 ГОДЫ» ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СОВЕТА МИНИСТРОВ СССР А. Н. КОСЫГИН СКАЗАЛ: «РЕШЕНИЕ ЗАДАЧ, ПОСТАВЛЕННЫХ ПЕРЕД ВСЕМИ ОТРАСЛЯМИ ПРОМЫШЛЕННОСТИ, СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА И ТРАНСПОРТА, ВО МНОГОМ БУДЕТ ОПРЕДЕЛЯТЬСЯ ОРГАНИЗАЦИЕЙ КАПИТАЛЬНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА». ЭТИМИ СЛОВАМИ ПОДЧЕРКНУТА НЕОБЫЧАЙНО ВЫСОКАЯ РОЛЬ РАЗВИТИЯ КАПИТАЛЬНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА. В КАКИХ МАСШТАБАХ, НОДАР АКАКИЕВИЧ, БУДЕТ ВЕСТИ СТРОИТЕЛЬСТВО В X ПЯТИЛЕТКЕ В НАШЕЙ РЕСПУБЛИКЕ?

— В десятой пятилетке Министерству строительства Грузинской ССР предстоит выполнить значительный объем подрядных строительно-монтажных работ, значительная доля в котором принадлежит промышленному строительству. Предстоит значительно увеличить мощности действующих заводов черной и цветной металлургии и химии, восполнить мощности выбывающих рудников и увеличить мощность заводов треста «Чиатурмарганец», закончить строительство Рачинского горнометаллургического комбината, реконструировать Кутаисский автомобильный завод, построить заводы по производству машин для горного земледелия, построить в Лагодехи филиал Тбилисского завода им. 26 коммиссаров, приборостроительный завод в Ланчхути, предприятия легкой, пищевой и мясо-молочной промышленности в Тбилиси, Кутаиси, Ткварчели, Хашури, Сурами, возвести здания санаториев, домов отдыха, турбаз и гостиниц на 12—13 тысяч мест.

Как видно из этих задач, строительство крупных промышленных объектов будет проводиться на всей территории республики.

Кроме того, за пятилетие будет выполнен объем жилищного строительства в сумме 570 млн. рублей, т. е. на 10 процентов больше, чем в девятой пятилетке, и ввод в действие 3,8 миллиона квадратных метров жилья.

Жилые дома уже в настоящее время на 80 процентов строятся в специализированных организациях, т. е. в домостроительных трестах и комбинатах, а к концу десятой пятилетки все жилищное строительство и подавляющая часть культурно-бытовых объектов будут сосредоточены в домостроительных комбинатах.

Объем строительно-монтажных работ будет выполнен строителями без прироста рабочей силы, исключительно за счет роста производительности труда.

Однако, для того чтобы обеспечить выполнение принятого роста производительности труда, необходимо резко повысить индустриальный уровень строительства — максимально укрупнить элементы сборки, доведя их до полной заводской готовности с тем, чтобы на строительной площадке труд рабочих сводился преимущественно к монтажу.

Десятая пятилетка объявлена пятилеткой качества и эффективности. Для строителей это означает строить быстро, добротнo, экономно, на современной технической основе.

— КАКИЕ КАЧЕСТВЕННЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ ПРОИЗОШЛИ В ОБЛАСТИ РАЗВИТИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ СТРОИТЕЛЬНЫХ МАТЕРИАЛОВ И КОНСТРУКЦИЙ?

— Строить эффективно — значит строить с наименьшими затратами материально-технических и трудовых ресурсов. Для этого особо важно внедрять в строительство прогрессивные материалы и конструкции.

Осуществление научно обоснованного перевооружения строительной базы — создание новых и реконструкция действующих предприятий по производству строительных материалов и конструкций, а также быстрее освоение мощностей введенных в действие предприятий — задача первостепенной важности.

В 1975 году в Грузин вошел в строй действующих новый домостроительный комбинат в Тбилиси — в Лило. Это первое домостроительное предприятие в республике, оснащенное современной техникой, с автоматизацией процессов и гибкой технологией. Ввод предприятий позволит значительно разнообразить застройку жилых кварталов Тбилиси и улучшить качество домостроения. Введен в действие также домостроительный комбинат в Гори.

В 1976—77 годах войдут в строй действующих комбинаты каркасно-панельного домостроения в Бзыби и ЗАГЭС, комбинат крупнопанельного домостроения в г. Сухуми.

В этот же срок завершится реконструкция домостроительных комбинатов в Тбилиси (Навлуги) и Батуми.

В этом году даст продукцию завод керамзитового гравия в Батуми. Войдут в строй цех по изготовлению древесностружечных плит в Рустави, цех битумоперлитовой изоляции труб в Тбилиси и ряд других предприятий.

Особое внимание уделяется развитию производства нерудных строительных материалов, добыче высококачественных обогащенных песка и щебня, в которых республика испытывает острый дефицит. Изыскиваются возможности разработки новых карьеров, а также реконструкции и расширения действующих карьерных хозяйств.

Значительно возрос и будет постоянно увеличиваться объем производства и применения предварительно напряженных железобетонных конструкций как в промышленном, так и в жилищно-гражданском строительстве.

— В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО ИНДУСТРИАЛЬНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА ВСЕ БОЛЬШЕЕ ЗНАЧЕНИЕ ПРИОБРЕТАЕТ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ОРГАНИЗАЦИИ СТРОИТЕЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА И СФЕРЫ УПРАВЛЕНИЯ. ЧТО ПРЕДПРИНИМАЕТСЯ В ЭТОМ НАПРАВЛЕНИИ В СИСТЕМЕ КАПИТАЛЬНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА ГРУЗИНСКОЙ ССР?

— Высокая степень индустриализации требует прежде всего строгой ритмичности и четкости работы всех звеньев строительного механизма.

А это, в свою очередь, требует применения новых, более совершенных методов и форм управления строительством.

У нас разработаны и осуществляются комплексные мероприятия по улучшению структуры управления, развитию специализации и кооперирования строительного производства, укрупнению строительных организаций.

Целый ряд мероприятий направлен на совершенствование планирования, повышение его оперативности, на улучшение организации строительства.

В министерстве проведена работа по упорядочению системы подбора, расстановки и закрепления инженерно-технических и рабочих кадров, по изменению структуры центрального аппарата с учетом специализации в строительстве, широко внедряется новая система планирования и экономического стимулирования.

В настоящее время в Министерстве строительства Грузии намечен и осуществляется комплекс мероприятий по переходу от системы материально-технического снабжения к системе инженерной комплектации строящихся объектов.

Осуществляется переход поставки материально-технических ресурсов не по отдельным элементам, а комплектно.

— НАХОДЯТ ЛИ У НАС, НОДАР АКАКИЕВИЧ, ПРИМЕНЕНИЕ АВТОМАТИЗИРОВАННЫЕ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ? ЧТО ДЕЛАЕТСЯ ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ ОБЕСПЕЧИТЬ ИХ РАЗВИТИЕ И РАСПРОСТРАНЕНИЕ?

— Одной из важнейших проблем совершенствования системы планирования и управления строительством является широкое применение средств вычислительной техники и связи, математических методов, автоматизированных систем управления строительством.

В 1974 году введена в действие первая очередь автоматизированной системы управления министерства, а с 1975 года внедряется вторая очередь.

Сегодня автоматизированные системы управления (АСУ) решают более тридцати различных задач по вопросам текущего планирования, оперативного управления, материально-технического снабжения, учета и отчетности. Это почти 40 процентов всех задач, которые, по предварительным данным, включаются в рамки всей АСУ министерства.

С помощью АСУ осуществляются оперативный учет и контроль выполнения планов подрядных работ, расчеты потребностей в ресурсах, информационные задачи о состоянии строительства, задачи учета и контроля поставок материалов, учет труда и заработной платы, учет материальных ценностей и др. Это стало уже повседневной потребностью министерства.

В министерстве внедряется автоматизированная система АСПУТ — планирования и управления деятельностью треста. Она позволит автоматизировать процессы текущего пообъектного планирования со сводом результатов по стройуправлениям и трестам с одновременным расчетом материально-технических ресурсов.

В министерстве регулярно функционирует также автоматизированная система контроля исполнения — система АСКИ, которая осуществляет контроль за сроками исполнения приказов, распоряжений и отдельных поручений.

На 1976 год намечено дальнейшее развитие работ по разработке и внедрению отдельных задач и подсистем автоматизированной системы управления строительством в министерстве. При этом мы стараемся из большого количества задач и подсистем выбрать наиболее важные и первоочередные, внедрение которых вызывается настоятельной необходимостью.

— В ПОВЫШЕНИИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОИЗВОДСТВА ОГРОМНУЮ РОЛЬ ИГРАЕТ ЭНТУЗИАЗМ КОЛЛЕКТИВОВ, ТВОРЧЕСКИЙ ПОИСК ТРУДЯЩИХСЯ, НОВЫЕ ПОЧИНЫ. КАКОВЫ УСПЕХИ В ЭТОЙ ОБЛАСТИ У СТРОИТЕЛЕЙ НАШЕЙ РЕСПУБЛИКИ?

— Исторические решения XXV съезда КПСС были встречены строителями с огромным подъемом. В бригадах, на участках, в стенах министерства рождаются и приобретают массовое распространение интересные начинания, почин трудящихся, направленные на достижение наивысших результатов работы коллективов.

Стремление строителей успешно выполнить установленные задания нашло яркое выражение в социалистических обязательствах на 1976 год, в которых предусмотрено дополнительно к плану выполнить строительно-монтажных работ на два миллиона рублей за счет повышения производительности труда.

Большую роль в этом важном деле мы отводим улучшению организации труда на местах с максимальным внедрением бригадного хозрасчета по методу Н. Злобина.

В 1971 году начинателем метода бригадного подряда у нас в республике был Тамаз Галдава, а в настоящее время в системе министерства уже 212 бригад, работающих по этому методу. В бригаде Т. Галдава начал работать молодой рабочий Тенгиз Голетиани, который сейчас стал самостоятельно руководить одной из таких бригад, достиг высоких производственных результатов и вызвал бригаду Т. Галдава на соревнование.

С ценным почином выступила бригада стерженщиков тбилисского завода «Центролит», руководимая депутатом Верховного Совета СССР, Героем Социалистического Труда Г. Куртанидзе, которая, учитывая, что десятая пятилетка объявлена пятилетней качества, приняла на себя обязательства значительно улучшить качественные показатели работы. Почин Г. Куртанидзе подхвачен и передовыми бригадами министерства.

Главное место в социалистическом соревновании занимает всемерное использование имеющихся резервов для успешного выполнения конкретных задач десятой пятилетки.

Беседа вела Л. БРАЙЛОВСКАЯ

МАРИДЖАН

М а т ь

Тянутся десятилетия
 Чередою длинной.
 Мать одним жива
 на свете —
 Ожидает сына:
 Может, ставший
 инвалидом,
 В тягость он кому-то,
 И домой вернуться
 стыдно,
 И в чужбине — худо?
 А во сны приходит —
 тот же,
 И глядит спокойно...

Смерти мать отдать
 не может
 Сына добровольно!
 Вот отец — пропал
 надолго,
 Но вернулся. Значит,
 Сын пошел в отца...
 И строго
 Ждет она, не плачет.
 Все худые мысли гонит
 Из десятилетий.
 Ей улыбкою сыновней
 Даже солнце светит.

Верит в первенца и
 любит,
 Сердце закалила,
 И слезу, когда
 подступит,
 Вытрет торопливо.
 В полдень ждет и среди
 ночи,
 Ибо — все едино! —
 Смерти мать отдать
 не хочет
 Дорогого сына.

Чётки матери

Ты в кресло отдохнуть присела
 С усталым, бледным ликом,
 Ласкает солнце то и дело
 Тебя нежнейшим бликом,
 И про печали забывая,
 Перебираешь четки...
 Картину эту я, родная,
 Поныне вижу четко.

О, как тебя пытало время —
 Боль, голод и забота,
 И мысль одна — над всем, над всеми:
 Придут ли письма с фронта?
 Там — двое сыновей, два зятя
 В сплошном огне и громе...
 Здесь — только женщины и дети
 В осиротевшем доме,
 И ты одна для всех опора,

Для них важней всего ты...
 Вот отчего прошли так скоро
 Отпущенные годы.

А четки — до минуты страшной —
 Тебе служили честно.
 Достались мне они как старшей —
 На память и в наследство.
 Я берегу их, эти четки...
 Прошу вас:

бога ради,
 Вы сберегите их, потомки,
 Вы их не потеряйте!
 Все материнские печали,
 Тепло вобрали четки
 От рук, что их перебирали
 Привычно, безотчетно...

Сила улыбки

Кто усомниться в улыбке посмеет?
 Это ее животворною силой
 Девушка наша вдруг станет нежнее
 И, словно роза весною, красивей.
 А улыбнется суровый мужчина —
 И доброта в нем проступит так ясно,
 Что вдруг почувствуешь ты
 беспричинно
 Радость и веру: живем не напрасно.
 Мать, улыбаясь, склонилась над
 зыбкой
 (Дети вернут нам улыбки — сторицей!),
 Труженик утро встречает улыбкой,
 Другу с улыбкой протянет десницу.
 А пожилой улыбнется — и в роде

Сразу улыбка морщин поубавит,
 Тяжесть прожитого плечи не давит,
 А впереди еще — годы и годы...
 Строки поэт со слезами рождает —
 Может быть, сердце рыдает, как
 скрипка,

Но прочтает читатель — и знает:
 Все же в глазах у поэта — улыбка!
 Холит с улыбкой грузин наши лозы.
 Давит с улыбкой тяжелые грозды,
 Ведро с улыбкой встречает и грозы.
 Настежь ворота с улыбкой —

для гостей!
 Сына на фронт провожали —
 с улыбкой,

Мать прикрывала печали — улыбкой,
Ведь удалцов закаляют — улыбкой,
Хмурость хребтов озаряют — улыбкой.
Как же могли вы на свет появиться,
Воры, завистники — рой нечестивых?
Не озаряет улыбка их лица —
Хмуры и прокляты те, кто растил их...

Ну так возьмемся же за руки, люди,
Дружно — от мала все и
до велика —
Будем трудиться!
И в праздник, и в будни
Пусть наших губ не покинет улыбка!

Тебе, сердце мое

Когда смерть наклонилась над койкой
И надежды уже не осталось,
Ты одно, мое сердце, так стойко
За спасение жизни сражалось.
В потолок я глядела бессильно,
Только ты и боролось за это,
Чтоб из самой бездонной трясины
Гостьей жизни вернулась я к свету.
Мне казалось: судьбы моей пики
Я уже одолела...
Могла ли
Знать, что подвигом тихим, великим

Ты откроешь мне новые дали?!
И когда я куда-то порою,
Ни слова не сказав, уходила,
Оказалось: ты было со мною —
Покровитель, опора и сила.
Ты боролось и дено и ночью
За спасенье мое!
Потому-то,
Верный друг мой, спасибо за то, что
Рассвело мое новое утро!
Перевод Леонида ТЕМИНА

Силован НАРИМАНИДЗЕ

Большая жизнь

Большая жизнь шагает по земле.
И можно ли такого не понять?
Поднять из мглы живое!..
Свет во мгле —
Большая жизнь. Твой друг, и брат, и
мать.
Большая жизнь шагает по земле.
Познай же силу будней — страдных
дней,

Чтоб жар ее — огнями по золе —
Согрел тебя, склоненного над ней.
За то, что я назвал ее большой, —
Она воздаст старицею тебе,
Жизнь, как звезда, сплетенная с душой
В высокой человеческой судьбе.

Земля родная

Раскинув руки, прикился я
К твоей груди, чтоб слить
сердцебиенья.
Счастливейшей любовью опьянялся,
Всем телом чувствуя твоё тепло...
Я и сейчас раскидываю руки,
К груди твоей с любовью прижимаюсь
И нежное твоё сердцебиенье
Все с той же дрожью радостной ловлю.
Изменится ли что-нибудь в конце?
Быть может, то, что только горячее
Тогда еще прижму к твоей груди.

И нежному её сердцебиенью
Всецело покорюсь. И вздох последний:
«Люблю тебя всем сердцем...» —
будет таять,
Ты ж — вечно жить.
И я навек с тобой —
Не ведающий смерти — буду вечным.
Ведь дни твои заставили меня
Плач побороть свой в мужестве
нелегком,
Чтобы познать: каким высоким духом
Ты празднуешь, родительница, в нас!

Полевые травы

Полевые травы...

Я люблю
От земли простые ваши нравы.
Вслед горячим посвистам ловлю
Переливы всей зеленой лавы.
Простота, открой свой дивный лад,
Прорастая в теле в буйный сад!
Это полное счастье — пока
И небо твое,
И эта земля твоя...

В ком самая малая всходит толика,
С великою силой творя!
Но этого я не могу оглашать —
Да кто и поверил бы в то ж? —
О, дующим ветрам нельзя помешать
Раскачиваться под дождь.
Где молнии вывих у плеч волевых
И близость целительных трав полевых.

Перевод Аллы Беридзе

* * *

На дороге одному одиноко —
Возвращаюсь к позабытым истокам.
Путь далекий: неожиданно много
В одиночестве прошли по дорогам.

Ветер юности свистит, нарастая,
Или вспясть поворотыль понемногу?
...Школа белая — известка простая —
Светит издали, глядит на дорогу.

Тени, милые душе утомленной,
Оживают, словно детские мысли.

...Тишина у школы свежебеленой
И на окнах занавески повисли.

Неужели все слова позабыты?
И не думая о том, не гадали...
Погодите! Мы еще не убиты
Беспощадно летящими годами.

Отчего тогда пустынна дорога?
Или дружбу победила разлука?
Сердцу друга до последнего срока
Должно чувствовать дыхание друга...

* * *

Пастушок и стадо
У реки родимой..
Вот и я когда-то
Бегал с хворостоиной.

Над старинной пашней —
Детскую Вселенной —

Кружит стая птичья...
Это — день вчерашний?
Или неизменной
Вечности обличье?

Перевод Яна ГОЛЬЦМАНА

* * *

Я, как прежде, зову
Тех, кем раньше душа любовалась,
В новый дом, где живу,
Моего здесь — лишь самая малость.
А высокая сень
Освещает, как миг возрожденья —
День рождения, день

Моего к вам сюда возвращенья.
И когда подойдут
Старых праздников новые сроки,
Снова память о вас
Принесут мне осенние строки.

Перевод Натальи ОРЛОВОЙ

М и г

Мне захотелось встретить Вас,
вернуть рассветы и закаты,
пусть не сказав и в этот раз,
что в памяти храню Вас свято.

Что лишь с утратою любви
утрату юности связую...
Остановись на миг, твои
глаза — и Этна, и Везувий...

Перевод Виктора ШИРОКОВА

Дай руку

Чтобы узнать, для чего я однажды
Женщиной был на рассвете рожден,
Я испытал и великую жажду
И навеваемый вьюгою сон.

Горные я одолел перевалы.
До крови руки свои ободрал.
Слева и справа топорчились скалы,
Гулом утробным встречал я обвал.

Все мне порою бывало немило.
Целые годы провел в забытьи.
Солнце дыханием жарким целило.
Снег забинтовывал раны мои.

Часто ночами сидел со свечою,
Грязь отдирая с заржавленных дней.
Белою бабочкою ночью
Память к душе подлетала моей.

Волны студеные тело качали.
Плечи
корябали ветки тайги.

Солнце
как тучи
закрыли печали:
Сумрак кромешный — не видно ни зги.

Богом тебя я молил о спасенье.
Встав меж дубов, обратился к судьбе...
Чудо свершилось — и песней весенней
Сердце мое устремилось к тебе.

Сбросив удушливый сумрак могилы,
Старость души моей преодолев,
Юный и полный живительной силы
Перелетел через горы напев.

Перевод Александра РАДКОВСКОГО

В КОНЦЕ 60-х годов в грузинскую поэзию пришло молодое пополнение, талантливое и своеобразное. Сегодня эти поэты уже хорошо известны широкому читателю. Один из них — Мурман Джгубурия, автор пяти поэтических сборников, а мне когда-то, в 1968 году, довелось редактировать первый из них.

Живя в Тбилиси, Мурман Джгубурия корнями своей поэзии неразрывно связан с родным краем — Мегрелией, с живописными окрестностями Одиши, кстати, так и назвал он первую свою русскую книгу стихов — «Окрестности Одиши», которая выйдет в издательстве «Мерани». Поэт любит тихий, мягкий пейзаж и сознательно избегает обобщений и деклараций: за него говорит сам стих, насквозь лирический, органичный, точный.

Мне кажется, уже наступила пора представить Мурмана Джгубурия русскому читателю. И мне это тем приятней, что грузинский читатель высоко оценил работу Джгубурия — переводчика и пропагандиста русской классики. Судите сами: «Граф Нулин» и «Валерик», стихи А. Фета, С. Дрожжина, А. Блока... В переводах Джгубурия вышла книга стихов И. Бунина «Листопад» и «Стихи и поэмы» Велимира Хлебникова.

Шота НИШНИАНИДЗЕ,
лауреат Государственной премии имени
Шота Руставели

Мурман ДЖГУБУРИЯ

Весна

Что-то случилось в селении нынче,
Но — удивительно: кажется, будто
Все так обыденно, все так обычно,
Нету событий, и утро — как утро.

Краски рассвета играют на небе,
На винограднике мокнет тропинка,
Жгут на полях кукурузные стебли,
Стелется дым, точно синяя дымка...

Юная травка у церкви пробилась.
Изгородь чинит сосед. Поминутно
Бьет молотком. Все, что было, — забылось,
Все, что приходит, — неясно и смутно...

Что-то случилось в селении нынче,
Но — удивительно: кажется, будто

Все, что приходит, — неясно и смутно...
Нету событий, и утро — как утро...

* * *

Солнце, начав восхождение утром,
Перевалило и скрылось за Урту,
А в отдалении — справа как будто,
Где рододендрон с терновником спутан,
Птица вечерняя пару искала:
Вот позвала она и помолчала,
Крикнула снова, прислушалась чутко —
Отклика нет...

Все длинней промежутки,
Паузы эти — от зова до зова,
И все тревожней: а крикнет ли снова?
Пауза новая длится и длится...
И отчего это сердцу невмочь
Слышать призыв обездоленной птицы,
Видеть, как входит хозяйкою ночь?

ПРЕОБРАЖЕНИЕ

● Роман

— Я же тебе сказал, что мало рассчитываю на помощь Санеблидзе! — говорил Элизбар жене, после того как поведал ей о своем визите к начальнику паспортного стола.

— Но как мог предвидеть Санеблидзе, что он сошлется на такую причину? — вступилась за своего патрона Ирма.

— Не понимаю, почему ты всегда стараешься его выгородить? Если бы он действительно хотел нам помочь, то сам бы поехал со мной.

— А может, он и поедет, когда ты ему расскажешь о результатах своей беседы с этим начальником.

— Да ну его! Лучше я сам попробую что-нибудь сделать.

— Не понимаю, на что ты надеешься?

— На свои собственные силы.

На второй день Элизбар снова пришел в паспортный отдел. В приемной было полно народу. Не желая попадаться на глаза давешней светловолосой девушке и начальнику паспортного стола, он приткнулся в уголке. Это друзья посоветовали ему потереться здесь среди посетителей — может-де удастся разузнать, как люди устраиваются с пропиской...

Главный врач больницы два дня в неделю дежурил в нервном отделении поликлиники.

Накануне одного из своих дежурств он обратился к Ирме с просьбой: не поможешь ли ты мне, дескать, завтра — моя медсестра в отъезде.

Назавтра Ирма, разумеется, явилась ко второй половине дня в поликлинику. Главного врача еще не было, но у кабинета ожидало человек пять больных.

Сбросив жакет, Ирма облачилась в белый халат и стала готовиться к приему больных.

Подошел и главврач.

Они успели принять всего двух больных, когда позвонили из приемного покоя: главного врача просят на несколько минут спуститься вниз.

Увидев, что главврач задерживается, Ирма решила сбегать в приемный покой. Доставили, верно, какого-нибудь тяжелого больного, или, может, где-нибудь в городе произошла авария. Иначе главврача не посмели бы беспокоить.

А главврач в это время как ни в чем не бывало мило болтал в коридоре с какой-то женщиной. Увидя его, Ирма успокоилась — значит, все в порядке — собралась уже возвращаться назад, да побоялась: не покажется ли, что она из одного любопытства шныряет взад-вперед, и решила заглянуть в приемный покой.

Продолжение. Начало в №№ 4, 5.

На кушетке лежал прикрытый простыней юноша лет двадцати. Он уже, видно, не имел сил кричать и только глухо и протяжно стонал, обводя находящих в комнате исполненными муки и мольбы о помощи глазами.

Дверь распахнулась, и в комнату вошел главный врач. Глянув мельком на больного и на присутствующих, он обратился к дежурному врачу-женщине:

— Что тут у вас? Почему меня вызвали?

— Я ничего не могу без вас решить, — вежливо начала та свои объяснения: — Больного не принимают ни терапия, ни хирургия.

— Направление имеется?

— Нет!

Притихший больной не спускал глаз с главного врача, приход которого его несколько успокоил: вот сейчас этот солидный доктор осмотрит его, устанет, что с ним, поможет и облегчит его страдания.

Терапевт пощупал больному живот, измерил давление, а затем, отозвав главврача в сторону, шепнул ему, что он подозревает заворот кишок, но просит, однако, не основываться на одном заключении, а дать осмотреть больного и хирургу.

Главврач медленно прошелся раз-другой по комнате, потом порывисто обернулся к дежурному врачу и распорядился срочно вызвать хирурга. Та несколько раз согласно кивнула головой, присовокупив между тем тихим голосом, что она сама уже несколько раз пыталась связаться хоть с кем-нибудь из хирургов, но безуспешно.

Главврач на некоторое время задержался на ней взглядом, видимо, о чем-то думая, а затем, повернувшись к сестрам, велел им немедленно уложить больного в хирургическое отделение.

— Но там же нет места! — нерешительно возразила медсестра хирургического отделения.

— Поставьте кровать в коридоре! — приказал главврач...

Дежурный врач, беспрерывно звонившая по телефону, бросила в конце концов трубку и с отчаянием проговорила:

— Не знаю, что делать? Никого не могу застать дома. Кто — в Цхнети, кто — во Мцхета.

— Санеблидзе в Цхнети? — спросила Ирма.

— Да, — ответила дежурная. — И у него там нет телефона. Придется кого-нибудь за ним посылать. — При этих словах она выглянула в окно и безнадежно махнула рукой: — И машины нет! Должно быть, повез куда-нибудь жену директора.

— Ничего! Я поеду! — предложила Ирма.

— А на чем?

— На такси.

Тут же сбросив с себя халат и даже не поднявшись за жакетом, чтоб не терять времени, Ирма, как была, в одном платье, выскочила на улицу и бросилась к стоянке такси.

— Товарищи, дорогие! — обратилась она к небольшой очереди: — Я из больницы, прошу вас, пропустите меня! Мне нужно срочно привезти из Цхнети хирурга — человеческая жизнь висит на волоске!

— Иди, иди, дочка! — тотчас откликнулась стоявшая первой пожилая женщина...

Шофер гнал машину всюю. Когда они уже миновали кладбище Ваке, он пристроил свое зеркальце так, чтобы видеть Ирму, но она отодвинулась в самый уголок.

— Кто болен, сестрица? — спросил он.

— Один студент. Его, оказывается, схватило, на улице. Он там же и упал.

— Вот бедняга! А надежда есть?

— Если успеет с операцией.

Санеблидзе встретил Ирму с распростертыми объятиями — он как раз оказался во дворе.

— Вот порадовала! Заходи, заходи.

Ирма сообщила ему о причине своего приезда.

— Я только переоденусь и поеду. А ты пока здесь погуляй, пройди в огород, — крикнул он ей, уже взбегая по лестнице...

Когда такси подъехало к больнице и Санеблидзе уже собрался расплатиться с водителем, Ирма вдруг объявила, что она только сбегает за жакетом, который остался в кабинете, и сейчас же домой: Элизбар там, наверное, с ума сходит, что ее до сих пор нет.

— Тебе виднее, — сказал Санеблидзе и сунул ей в руку двадцатипятирублевку, шепнув: «Сама потом расплатишься».

— Но зачем столько? — запротестовала она и попыталась вернуть ему деньги.

— У меня при себе одни двадцатипятирублевки, — скороговоркой ответил он и стал быстро подниматься по ведущей к больничному подъезду нице.

Ирма хотела побежать за ним следом, но воздержалась: подле подъезда топтались две медсестры, которые давненько уже, завидев ее вместе с Санеблидзе, начинали многозначительно переглядываться и о чем-то шептаться.

И вот уже Ирма мчится на машине домой...

Ничего бы не хотела Ирма, только бы Элизбар хоть немного походил на Санеблидзе. А пока-то у него за душой ничего, кроме диплома, тетрадки стихов и надежд на будущее.

Но вот она и приехала. Хорошо бы, Элизбар поехал вместе с нею обратно в больницу. Как там этот бедный юноша?

Но Элизбара дома она не застала. Судя по оставленной им записке, он пошел в библиотеку на литературный вечер.

Как же теперь быть Ирме — сидеть и ждать мужа или же снова ехать в больницу? Главное, уже поздно — начинает темнеть... Пока поедешь, пока вернешься обратно... Но дома ей тоже не сидится. Эта маленькая комнатуха — настоящая клетка. Хотя бы был телевизор или проигрыватель! Послушать бы хорошую музыку! Нет, дома оставаться невозможно!

И тут она почему-то снова вспомнила о Санеблидзе. К чему обманывать себя, думала она, ведь никому же не услышать голоса ее сердца! Почему же не быть искренней хотя бы перед самой собой? Так вот, если говорить искренне, никому она так не хочет нравиться, как Санеблидзе, ни с кем не ведет себя так кокетливо...

Прежде чем выйти из дому, Ирма черкнула на обороте записки Элизбара: «Возвращаюсь обратно в больницу. В тяжелом положении парнишка-студент. Ему сейчас делают операцию. Если не поленишься, приходи в больницу...».

Она снова решила воспользоваться услугами такси.

В больничном коридоре не было никого, кроме дежурной медсестры. Ирма сочла это за добрый знак. Будь что-нибудь неблагоприятно, весь медперсонал толпился бы сейчас возле операционной. Медсестра сообщила Ирме, что операция еще не закончилась, но хирург, кажется, подоспел вовремя, иначе бедняге было бы несдобровать.

Ирма стала вышагивать взад-вперед по коридору. Изредка она останавливалась подле операционной и прикладывала ухо к дверям или заглядывала в замочную скважину. Но прошло еще довольно много времени, прежде чем из операционной вышел Санеблидзе. На губах его блуждала та счастливая улыбка, которая обычно освещает лицо человека, достигшего успеха в любимом деле — в деле, ставшем главным в его жизни.

«Устал, небось, бедненький, пот катит градом, а каким держится молодец!» — подумала Ирма.

— Ну как, уважаемый Лади, прошла операция?

— Превосходно! — весело откликнулся он и, понизив голос до таинственного шепота, который так безотказно действует на женщин, добавил: — Без меня не уходи. Я провожу тебя.

— Не надо, вы и без того устали, — шепотом же ответила она.

— Для меня лучший отдых побыть рядом с тобою. Подожди меня у продуктового магазина. Я быстренько. — И он, больше не задерживаясь, быстрым шагом пошел дальше, так что она не успела ничего возразить. Правда, ей бы ничего не стоило догнать его, однако она этого не сделала, а только решила про себя: не стану ждать, и все. Ведь, слава богу, это от меня самой зависит!

Выйдя на улицу, она медленно, не торопясь, дошла до продуктового магазина, поравнявшись с которым, снова подумала: нет, пойду, не стану ждать! Чего, спрашивается, мне здесь топтаться? Если бы он и в самом деле хотел меня проводить, то не мешкал бы там столько времени. И что вообще за никому не нужные предосторожности! Ведь все же думают, что мы близкие родственники.

Когда магазин остался позади, она еще раз сказала себе, что не будет ждать, но почему-то оглянулась и выжидательно посмотрела в сторону больницы. Санеблидзе все не показывался. Раздосадованная, она медленно переступила несколько шагов, потом пошла еще медленнее, наконец совсем остановилась и постояла минуту-другую на месте, как человек, который внезапно

но вспомнил, что оставил что-то там, откуда идет, и не знает, возвращаться ли ему или идти дальше.

«Чего же ты остановилась, если не собираешься ждать?» — спросил ее внутренний голос.

Но нет, она и не ждет никого! Ей только подумалось, что надо пожалуй, заглянуть в магазин и купить кое-что — ведь дома хоть шаром покати, ничего, кроме хлеба. Входя в магазин, она еще разок скосила глаза в сторону больницы, и как раз в этот момент кто-то вышел из больничного подъезда.

«Нет, не он!» — мелькнуло у нее в голове, и она тут же подсадила себя: «Да не все ли мне равно, Санеблидзе это или не Санеблидзе! Я же совсем его не жду!».

Она только успела подойти к прилавку, заваленному продуктами — колбасными изделиями, ветчиной, жареными курами, — когда в магазин, запыхавшись, влетел Санеблидзе.

— Вот ты где, оказывается, а я ношусь как угорелый — ищу тебя.

Ирма так опешила от неожиданности, что только и нашла сказать:

— Напрасно зашла. Того, что мне надо, тут не оказалось. — А сама в это время подумала: «Все-таки хорошо, что я зашла сюда. Он так или иначе нагнал бы меня и только бы разобиделся».

— Ты сегодня какая-то особенно интересная. Принарядилась, подкрасилась, — стараясь не выдавать внутреннего волнения, сказал Санеблидзе, когда они вышли из магазина.

Ирма вся вспыхнула от удовольствия.

— И косыночка эта тебе очень к лицу, — продолжил он и ласково провел рукой по ее голове, но, почувствовав, что переборщил, притворился, будто хотел только пощупать косыночку. — Где ты ее раздобыла, а? Я уже сколько времени за такой охочусь, хочу приобрести... — Он чуть не закончил невольно: «для супруги», но вовремя спохватился: — Для дочурки.

Ирма хотела было умолчать, что косыночку преподнес ей главврач, но подумав: «А зачем? Ведь он это от чистого сердца!», ответила:

— Мне сегодня подарил эту косыночку главный врач.

— Главный врач?! А по какому поводу? — удивился Санеблидзе. — Ты что — именинница?

— Нет, дня Ирмы вообще не существует.

— Тогда, верно, сегодня твой день рождения?

— Нет, я родилась в апреле.

— Так вот почему из тебя бьют ключом жизнь, веселье, радость! — Санеблидзе заглянул Ирме в глаза, будто ожидая от нее подтверждения, а потом спросил: — Но все-таки непонятно, с чего он решил сделать тебе преподношение?

— Я и сама не знаю. Вот, говорит, тебе маленький подарочек, и пожалуйста, не отказывайся, это от чистого сердца. Как же я могла не принять?

— Ну еще бы, разумеется! — воскликнул Санеблидзе иронически, так, что его слова приобрели обратное значение, и потер при этом пальцами свой подбородок, а это обычно свидетельствовало о том, что он нервничает.

Да, поразительно. Вот уже двадцать лет Санеблидзе знает этого человека и еще ни разу не слышал, чтоб тот преподнес кому-нибудь хоть иголку! А женщины для него вообще никогда не существовали. Они на него даже в обиде за то, что он с ними всегда ведет себя букой. Никогда, мол, не увидишь улыбки на его лице. И вдруг этот женоненавистник ни с того ни с сего галантно преподносит Ирме косынку! Уж не поддался ли и он ее чарам? Да, черт возьми, наверное, так оно и есть! А Ирма, кажется, вне себя от радости. И как ей не радоваться, когда у нее столько недостает! Ведь красивые тряпки не только молоденькую женщину, но и самого черта способны свести с ума.

Они поравнялись с кафе, и Санеблидзе нерешительным тоном предложил:

— Не посидим ли, как в прошлый раз? Кстати, мне хотелось бы с тобой кое о чем поговорить.

— Нет, нет, я спешу. Да и вы устали. Лучше вам пойти домой и как следует отдохнуть.

— Если ты хочешь, чтоб я отдохнул, посидим полчаса в сквере.

— Только не сегодня. Элизбар там, наверно, все глаза проглядел.

— Не смею настаивать. Тогда, может быть, завтра вечером? Я буду ждать тебя на крайней скамейке.

— Нет, завтра я тоже не сумею.

— Я тебя очень прошу.

— Не надо просить о невозможном... Мне пора, вот и автобус.

Пока она добежала до остановки, автобус как раз подошел. Она легко вспрыгнула на подножку, глянула с задней площадки через окошко на Санеблидзе и, подняв руку, едва заметным движением пальцев послала ему прощальный привет.

Тамар поначалу намеренно старалась не показать мужу, что она чувствует, какую опасность представляет собой Ирма для их семьи, хотя женское чутье подсказывало ей, что между ее Лади и Ирмой уже завязалась незримая нить, соединяющая сердца. Элизбар же в самом деле понятия ни о чем не имел. Видно, жена сумела убедить его, что они с Санеблидзе действительно близкие родственники. Да и не удивительно. Мужчина всегда тем более доверчив к жене, чем менее сам он опытен и искушен.

Иногда Тамар казалось, что она придает значение каким-то пустякам и делает из мухи слона — ведь за ее мужем испокон веку водилась слабость к женскому полу. Разве она не почувствовала с первого же дня знакомства с ним, как легко он воспламеняется и какие способен творить глупости, увлекшись женщиной? Все это так свежо в ее памяти, будто с той поры прошло не десять лет, а какие-нибудь десять дней.

Ирме и Элизбару жилось очень трудно, но они любили друг друга и легко сносили свою бедность. После той счастливой ночи, когда их первенец подал им тайный знак о своем существовании, оба они впали в такое блаженное состояние, что теперь им и во все море было по колено.

Ирма никому не говорила о том, что беременна. Молчал и Элизбар — для чего, мол, навязывать кому-то свою радость, может, людям, это совсем не интересно. Но между собой они без усталости говорили о своем еще не появившемся на свет ребенке, будто он уже был тут, около них. Немало разговоров, и даже споров было, в частности, о том, как его назвать. Ирма почему-то настолько твердо была уверена, что у них родится девочка, что заставила поверить в это и Элизбара.

Дни шли за днями. Месяц сменялся месяцем. Элизбар почти ежедневно наведывался в министерство, но получал все один и тот же ответ: «Вам придется немного подождать».

Ирма предлагала мужу, что она опять попросит помощи у Санеблидзе — иначе, мол, никто ему все равно места не даст. Элизбар же не соглашался, считая это неудобным. Но стоило ли слушаться Элизбара?! Лучше снова обратиться к Санеблидзе, чем напрасно ждать у моря погоды.

Однако удивительно все же, как это так у них все складывалось, что им никак было не обойтись без поддержки Санеблидзе. Он оказывался нужен им на каждом шагу. Хорошо хоть, что он такой добрый и отзывчивый человек, что так охотно идет всегда навстречу, всегда готов протянуть руку помощи.

Как-то раз Ирма намеренно замешкалась в коридоре, сделал вид, что звонит куда-то по телефону.

Санеблидзе, выйдя из кабинета, направился прямо к ней и взял ее за локоть:

— Ты не знаешь, главный врач у себя? — спросил он для отвода глаз.

— Нет, доктор, он только что ушел, — деловито ответила она.

После этой необходимой инсценировки Санеблидзе шепнул ей, чтоб она спускалась к выходу, и быстро прошел вперед.

Когда она вышла на улицу, он уже ждал ее в машине, приоткрыв переднюю дверцу. Ирма быстро села в машину, и они отъехали.

— Куда поедем? Приказывай, я к твоим услугам, — сказал он, когда больница осталась позади.

— Мне надо домой.

— Слушаюсь, поведительница, — покорно ответил он, но через некоторое время вполголоса проговорил: — В такой прекрасный вечер просто грех сидеть в четырех стенках.

«Куда мне действительно торопиться? — подумалось Ирме. — Более удобный случай вряд ли представится. Вот сегодня и скажу ему обо всем».

Санеблидзе будто читал ее мысли.

— А не проехать ли нам до Тбилисского моря? — предложил он.

— Там, пожалуй, теперь будет холодновато, — ответила она и не потому, что ее в самом деле пугал холод, а просто считая неудобным сразу соглашаться. Он почувствовал по ее голосу, что она в общем не против, и, не сказав больше ни слова, свернул на дорогу к Тбилисскому морю.

Ирма беспокойно ерзала на месте — она собиралась начать разговор, но у нее не хватало духу.

— Ты что-то от меня таишься, Ирма! Скажи, не стесняйся, я же вижу! «Как он почувствовал, что меня что-то томит?» — подумала она и сразу испытала облегчение, начала рассказывать ему о своих делах.

— Элизбар, — сказала она, — представил в министерство справку о том, что я работаю в Тбилиси, и попросил, чтоб ему предоставили работу здесь. А ему ответили, что в городе у них ничего подходящего нет. Пришлось ему самому начать искать работу, но куда он только ни пошел — везде отказ. Очень мешает эта временная прописка, а хозяин не соглашается прописывать постоянно. Получается замкнутый круг. Вот и не знаем теперь, что делать, кого прсвить...

Санеблидзе слушал ее как будто со всем вниманием, выражая глазами ту полную заинтересованность, которую так приятно видеть каждому рассказчику в своем слушателе. На самом же деле он пропускал половину ее слов мимо ушей, беспрестанно думая о том, какой это будет ужас, если его любимая (а про себя он уже иначе Ирму не называл) переедет жить в деревню. Ведь в любви всегда выходит победителем тот, кто поближе. Недаром говорится: с глаз долой — из сердца вон! И дело не только в муже. У Ирмы, куда бы она ни поехала, везде будет куча поклонников. Кто-нибудь непременно начнет ее обхаживать, стелиться ковром под ноги, самозабвенно угрождать ее прихотям, а чувство, как известно, всегда рождает ответное чувство...

— Гм, это дело не из легких, — покачал он головой. — Но мы все же попробуем. Я думаю, нам кое-что удастся-таки сделать. Пусть Элизбар завтра заглянет ко мне.

— Конечно, обязательно! — радостно выкрикнула Ирма.

Машина уже мчалась берегом моря. Опускались фиолетовые сумерки, но из-за гор еще взметались пиками в небо лучи только-только спрятавшегося солнца. А под ногами будто стелилось второе небо. Ирму охватило такое чувство, словно она плывет в безбрежном просторе, и от этого сердце ее исполнилось неизъяснимого волнения.

Санеблидзе остановил машину. С ним творилось что-то невероятное. Он схватил обеими руками руку Ирмы и судорожно прижал ее к своей груди.

— Не надо, не делайте этого, — прошептала она с тревогой в голосе.

Но мужчина уже ничего не слышал и не соображал. Он только осыпал жадными поцелуями ее длинные тонкие пальцы и, задыхаясь от страсти, шептал:

— Не сердись на меня, Ирма! Умоляю тебя, не сердись. Я как в дурмане, я не владею собой.

Санеблидзе отлично видел, что его ласки ей не противны, и это внушало ему надежду на победу.

— Вы же хороший, благородный человек, — молила Ирма. — Я знаю, вы очень хороший! Я не могу не быть с вами откровенной, я вас так люблю и уважаю...

У мужчины зашло сердце — а ну, как она укорит его возрастом, скажет, какая-де вы мне пара, когда я вам в дочери гожусь! На этот случай он и ответ загодя припас: любви, дескать, все возрасты покорны. Но, к счастью, женщина сказала совсем другое:

— Чего скрывать; я не только ценю вас и глубоко почитаю, как хорошо и всеми уважаемого человека, нет, я вас почти боготворю! — Сказав это, она отвела глаза в сторону, устремив их на морскую гладь, и некоторое время помолчала, точно проверяя, не проскользнуло ли у нее что-нибудь лишнее.

Мужчина облегченно перевел дух — ему не пришлось услышать того, чего он больше всего боялся.

— Да, почти боготворю, — после небольшой паузы снова заговорила женщина. — Но я не могу, я не вправе вас любить — у меня есть муж и я скоро собираюсь стать матерью.

Мужчина опешил. Его словно обухом хватили по голове.

Как? Неужто ему придется навеки распрощаться со своею упительной мечтой — с мечтой, которой он живет и дышит?! На кой черт ему без Ирмы все его возможности, имя, положение?! Значит, всему конец! Значит, напрасно он мечтал, строил планы, надеялся?! Все погибло, все пошло прахом! Ведь материнство привязывает женщину к колыбели, гасит в ней все страсти, заставляет забыть обо всем на свете! Нет, он будет ждать, он будет ждать сколько угодно, но получит свою долю счастья!..

Ирма и слышать не хотела о том, что за прописку в Тбилиси надо заплатить какую-то сумму: Санеблидзе, мол, и так нам все устроит. Поэтому Элизбар, ни о чем ей заранее не говоря, попросил у матери в письме, чтоб она прислала ему, если сумеет, в ближайшие дни триста рублей — он вернет их ей сразу же, как только начнет работать. Вскоре деньги пришли, а с ними и коротенькое письмецо: я-де, сынок, копила эти деньги для тебя, можешь употребить их по своему усмотрению.

Ирма на радостях наделила свою свекровь целым ворохом хвалебных и благодарственных слов, а потом, обняв мужа за шею, ласково проворковала:

— А ну отгадай, что бы мне больше всего хотелось купить?

Элизбар в ответ только недоуменно пожал плечами: бог, мол, тебя ведает — тебе то одно хочется, то совсем другое...

— У нас нет ни радиоприемника, ни телевизора, давай купим хоть проигрыватель. Как иногда приятно послушать музыку, ведь правда? И развлечение, и нервы успокаивает.

— Если ты меня любишь, прошу, не говори мне больше об этом. Ты ведь знаешь, на что предназначены эти деньги!

— А чего ради нам напрасно тратиться? Я попрошу Санеблидзе, и он наверняка нам поможет.

Ирма потащила в больницу и Элизбара — может-де ты окажешься нужен. Почему это я одна должна повсюду бегать?

Решено было ехать на такси: приближался конец дня, и они рисковали не застать Санеблидзе. И правда, когда они подъехали, он как раз выходил из больничного подъезда. Тепло их приветствовал, он, прежде чем они успели что-нибудь сказать, сразу же сам сообщил:

— Я ваше дело уже уладил, вот только что у меня был разговор с начальником паспортного стола. Он обещал, что пропишет вас, только надо где-нибудь подыскать жилплощадь. Может быть, кто-нибудь из ваших родственников пропишет к себе Элизбара?

— Нет, у меня в Тбилиси никого нет, — ответил Элизбар.

— Что ж, тогда я, пожалуй, пропишу вас у себя. Только сегодня же надо зайти в домоуправление и взять прописные бланки.

Санеблидзе был на машине и предложил супругам подвезти их.

Элизбар вошел в домоуправление, чтоб взять бланки, и через две-три минуты вернулся обратно с возбужденным, пылающим лицом.

— Ну, как дела? — спросил его Санеблидзе.

— Отказали! Говорят, хозяин должен письменно подтвердить свое согласие на прописку.

Санеблидзе вышел из машины, сильно хлопнув дверцей в знак неизвестно кому адресованного недовольства, и направился в домоуправление.

Элизбар впал в замешательство, не зная, следовать ему за Санеблидзе или оставаться в машине с женой.

— Ты тоже зайти, Элизбар, — посоветовала ему Ирма, — может, ты окажешься там нужен.

Элизбар нехотя потащился за Санеблидзе.

«Какой он все-таки неповоротливый, настоящая ямля! Санеблидзе в два раза старше него, а сколько в нем энергии, напористости!» — с досадой подумала Ирма.

Мужчины очень скоро вернулись. Когда они сели в машину, Санеблидзе протянул Элизбару два голубых листочка и сказал, чтоб он их тотчас же заполнил. Раз они уже здесь, надо воспользоваться случаем и сразу же заверить...

Он довез супругов до дому и при прощании предупредил Элизбара, чтоб тот ровно к десяти часам был у него в больнице.

— Какая ты у меня сегодня веселая, я давно тебя такой не видел, — говорил в тот вечер Элизбар жене.

— Да и ты тоже, Элизбар.

— Теперь, когда с пропиской уладилось, все остальное уже проще.

— Я же тебе говорила, что Санеблидзе всегда от души рад нам помочь. Как все здорово получилось! И деньги на месте!

— Ты знаешь, когда я получил на почте деньги и положил их в карман пиджака, у меня будто по всей груди разлилось тепло. Домой шел такой важный, гордый, прямо куда тебе! Такое чувство, словно небо тебе шапкой, а земля — обувкой. Хозяин вселенной, да и только!

— А хорошо иметь денежки, верно, Элизбар! Какие счастливыцы те, у кого они всегда есть!

— А бывают, интересно, такие счастливыцы на свете?

— Раз одним не хватает денег, мой дорогой, значит, у других их ^{слишком} много.

— Ты у меня прямо экономист!

— Вот ты и должен во всем меня слушаться. Я думаю, надо ^{сегодня} приобрести проигрыватель. Это вещь на всю жизнь, ведь правда?

— Лучше переждать немного, пока утрясется вопрос с моей работой, Ирма. Проигрыватель от нас не убежит.

— На работу тебя Санеблидзе тоже устроит, Элизбар, он сам мне сказал сегодня об этом.

— Давай не будем его беспокоить. Может, мне самому удастся что-нибудь сделать.

Начальник отдела кадров министерства глядел на Элизбара глазами человека, исполненного сочувствия к своему попавшему в беду собрату, но бессильного ему чем-нибудь помочь.

— Хоть убей, ничего не могу для вас сделать, — говорил он, внимательно выслушав невеселый рассказ Элизбара. — Во-первых, места распределяем не мы — у нас тут только анкетное хозяйство. А кроме того, в Тбилиси почти совершенно невозможно найти место. Никто не хочет выезжать в район. Кто и откуда только не звонит нам по этому вопросу. Один дает указание, другой просит, третий приказывает. У нас тоже положение не из завидных, доложу я вам.

— Я же не претендую обязательно на должность инженера. Пошлите меня бригадиром или еще на какую-нибудь другую работу.

— И этого не могу обещать. Мой вам совет — обратитесь непосредственно к министру.

Но разве к министру так просто попадешь? Однако надо все-таки попытаться заглянуть в приемную. Может, там живая очередь, а может, следует записаться заранее. Все-таки дело как-то сдвинется с места.

Но Элизбара ждала приятная неожиданность: в приемной министра он, к своему удивлению, не застал ни одного человека. Секретарша вежливо пригласила его присесть, сказав, что ему придется немного подождать, так как министр принимает посетителя.

Элизбар сел.

А хорошо он сделал, что решил прийти сюда! Видно, министра легче повидать, чем некоторых мелких сошек. Вот уже две недели он ходит в райисполком, и все впустую. Попасть к начальнику жилуправления — целая проблема. Прием там два раза в неделю от десяти до двенадцати часов, но в эти часы начальника почти никогда не бывает на месте — он то в горсовете, то на бюро райкома, то в Тбилисском комитете. А как-то даже объявили, что он на банкете с иностранными гостями. Подле его кабинета в приемные часы толпится столько народу, что не двух часов, а и двух недель не достало бы, чтоб всех их пропустить. А в неприемные часы начальник, как правило, сидит в своем кабинете, но никого, кроме сотрудников, не принимает.

Как только посетитель вышел из кабинета, сразу же звякнул колокольчик, и секретарша спросила Элизбара, из какой он организации. Он ответил, что закончил институт и пока только ждет назначения. Она понимающе кивнула и вошла в кабинет.

В просторном кабинете за огромным столом сидел плотный седеющий мужчина, как показалось Элизбару с первого взгляда, весьма располагающей внешности...

Рассказав о своих делах, Элизбар закончил словами:

— Я прошу, я умоляю вас, товарищ министр, пошлите меня на работу в какое-нибудь из подведомственных вам учреждений.

Министр, который до этого все время сочувственно кивал головой, придумался.

— Хм, это вопрос сложноватый, — начал он после изрядной паузы, — его не так просто отрегулировать. Будь вы еще тбилисцем...

— Но я же по семейным обстоятельствам вынужден здесь оставаться.

— И тем не менее, вряд ли я смогу вам что-либо определенное пообещать. Мы и так идем на уступку, не принуждая вас в обязательном порядке ехать в район. А уж работу вам придется подыскивать самому.

— Как же мне, товарищ министр, самому найти работу? Кто ее мне даст?

— Руководители производств сами принимают людей. Надо вам порасспросить, поразузнать. И не падайте духом. У вас все в будущем, вы молоды. Главное — не раскисать, не поддаваться, не терять надежды. Это для человека самое важное! — С этими словами министр поднялся с места.

Элизбар понял, что прием окончен, и тоже встал.

— Ну, желаю удачи, — сказал министр и протянул Элизбару руку. Отвечая на рукопожатие, Элизбар проговорил:

— Я вам очень признателен, товарищ министр. До свидания.

— Да за что ж вам меня благодарить, я ведь ничем вам не помог?

— За хороший прием. Для меня и одно это много значит.

— Ладно, ладно... — кивнул головой министр и, видимо, собиравшись еще что-то добавить, но ему помешал телефонный звонок. Он поднял трубку, но, прежде чем поднести ее к уху, сказал Элизбару: — Во всяком случае, оставьте заявление. Если появится какая-нибудь возможность, мы вас вызовем...

С грустными мыслями возвращался Элизбар из министерства и — не чаял, что дома его ждет приятная новость.

— Я встретила по дороге в женскую консультацию Санеблидзе, — радостно доложила ему Ирма, не успев он переступить порог — и знаешь, когда он узнал, что ты до сих пор без работы, то тут же позвонил какому-то своему приятелю — директору завода. У меня, говорит, есть один близкий родственник, молодой инженер, прекрасный парень — ну, в общем разрисовал тебя всю, — надо, говорит, помочь ему устроиться на работу. Может, приютишь его у себя? И, представь, тот пообещал подыскать для тебя в ближайшее время что-нибудь подходящее.

— Ну и что дальше? Это «ближайшее время» может растянуться на целые годы! — безнадежно махнул рукой Элизбар.

— Я и сама, грешным делом, об этом подумала и даже сказала Санеблидзе — не пришлось бы, мол, нам слишком долго ждать. Но он уверяет, что этот человек многим ему обязан и ни в коем случае его не подведет.

Элизбар с недоверием покачал головой: поживем, мол, увидим!

— А впрочем, терять нам нечего, — заключил он. — Если Санеблидзе удастся нам помочь, то ему кроме спасибо ничего не скажем, но все же на это трудно рассчитывать, надо и мне самому что-то предпринимать.

На следующее утро Элизбар поднялся чуть свет, потихонечку оделся и осторожно приоткрыл дверь. Скрип ржавых петель разбудил Ирму. Она встрепенулась и широко открыла глаза.

— Куда это ты в такую рань, Элизбар? — спросила она с зевком и, выпростав из-под одеяла руки, сладко потянулась.

— Пройдусь по базару. Авось, встречу кого-нибудь из наших — хочу отправить матери письмо.

— Но чего ты так заторопился? Пошел бы немного попозже.

— Нет, я все-таки пойду, раз уж поднялся. Ты меня не жди, Ирма, по-завтрак одна.

Однако, пройдя по улице шагов двадцать, он остановился, не зная, куда податься.

Чем послать матери письмо, лучше, пожалуй, самому на этих днях съездить в деревню. И мать повидать, и привезти постель и люльку для ребенка. А сегодня он, пожалуй, пройдет на Колхозную площадь. Накануне хозяин дома говорил, что там можно подрядиться на какую-нибудь работу.

В воздухе чувствовалась еще утренняя свежесть, но солнце уже начинало припекало, обещающая знойный день...

На широком тротуаре, опоясывающем небольшой скверик, кучками терлись какие-то ничем, по виду, не занятые мужчины... Они стояли и ждали. Нет-нет то к одной, то к другой кучке подходил какой-нибудь гражданин, и тогда на него с разных сторон налетали те, ожидавшие, и засыпали его вопросами и предложениями.

Элизбар с интересом наблюдал со стороны, как быстро заключались сделки между заказчиками и всякого рода мастеровыми.

Неподалеку от скверика остановилась «Волга», и сидевший рядом с водителем грузный мужчина с таким жирным двойным подбородком, что, казалось, подступившая к горлу полнота вот-вот его задушит, обратившись к одной из кучек мастеровых, просипел, превозмогая одышку:

— Ребята, рабочий мне нужен, рабочий! — потом глубоко вздохнул и, раздувая щеки, с шумом выпустил из легких воздух.

— А что у тебя за работа? — спросил молодой парень в синей спецовке, подойдя к машине вплотную.

— Да ничего такого... подвал нужно вырыть.

— Сколько кубометров?

— А откуда мне знать, черт его дер!

— А на сколько дней двоим, как скажешь, добрый человек?

— Бог его ведает!

— Ишь ты! Ну и ну! Да кому же и знать, как не тебе?!
— Вот садись в машину, десять минут — и мы на месте. Сам и прикинешь на глаз!

— Ну что ж, давай! — согласился парень в синей спецовке и повернулся к Элизбару: — Поедем, что ли, дружище.

— Я? — вместо ответа спросил Элизбар.

— Ну да, ты! Пошли, пошли, — подмигнул он Элизбару, — видать, этот бурдюк с толстым карманом. Такого заказчика только поискать. — И, не дав Элизбару опомниться, втолкнул его в машину.

«Волга» быстро проскочила набережную, поднялись по Варазисхеви и вывернула на проспект Чавчавадзе.

В конце Мцхетской улицы машина свернула в короткий проулок и остановилась у выступавшей со двора на улицу беседки. Двор окружала такая высокая каменная стена, что из-за нее виднелись только верхушки деревьев и ничего больше.

Мужчина с двойным подбородком тяжело вылез из машины и отпер ворота. По пути во двор спутник Элизбара шепнул ему на ухо, что договариваться обо всем будет он сам, и быстро зашагал вперед.

Небольшой дворик так густо был засажен деревьями и цветами, что походил на миниатюрный парк. От ворот к дому — каменному двухэтажному особняку — протянулся свод наподобие тоннеля, образующийся из обвитого виноградной лозой металлического каркаса. Дорожка под ногами была выложена каменными плитками. Справа сквозь зелень виднелся большой бассейн с воздвигнутой посредине, на каменном возвышении, фигурой обнаженного мальчика, вскинувшего горн. По другую сторону дорожки стояла выкрашенная в желтый цвет деревянная беседка с перильцами по кругу и ярко-зеленой кровлей. Беседка вся была увита вьюнком.

Под домом имелся подвал, но такой низенький, что в него надо было входить, согнувшись в три погибели.

— Вот хочу метров до двух углубить, — пояснил хозяин дома.

— А фундамент выдержит? — спросил парень в синей спецовке.

— Будь здоров! С этим полный порядок. Когда я строил дом, то не хотел сразу особенно разворачиваться, потому подвал сделал поскромнее, чтоб разговоров меньше было. А сейчас люди таких дворцов себе понастроили, что мой по сравнению с ними — хибарка!

Парень в синей спецовке вымерил подвал шагами вдоль и поперек, что-то в уме прикинул и сказал:

— Восемьдесят квадратных метров.

— Не думаю! А впрочем, какая разница? Что есть есть. Договоримся чохом.

— Ну, это ладно. А с землей что будем делать? Куда ее?

— Ссыпем на улице, а потом заберем на машине. Но давайте решать о цене — мне некогда.

— Двести рублей, и ни копейки меньше!

— Ой, хватанул, браток!

— Клянусь совестью, я еще мало сказал. Тут семь потов прольешь! Нам двоим на десять дней работы с утра и до ночи. Да и то управимся ли?! Нет расчета, если хоть по семь—восемь рублей в день не возьмем.

— Господь с тобой! Я два института закончил, и то мне никто по восемь рублей в день не дает.

— Что тебе дают и что не дают, хозяин, это не мое дело. Сколько имеешь, на столько и живи себе на здоровье. А ты сколько думал дать, если это много?

— Нет, так дело не пойдет!

— Ух ты! Коли это по тебе много, назови свою цену.

— Знаешь, что я тебе скажу, вы — хорошие ребята, берите восемьдесят, и по рукам. Другим бы я и этого не дал.

— В таком случае будьте здоровы! Нечего нам тут попусту лясы точить. — Парень в синей спецовке повернулся к Элизбару. — Пошли, чего стоишь?! А может, один возьмешься? На здоровье. Я не обижусь. — И он выскочил из подвала, не дожидаясь ответа Элизбара.

— Ну и пусть проваливает, — шепнул Элизбару хозяин дома. Мне сразу его харя не понравилась. Давай сам берись. Я тебе сто двадцать дам, и харчи мои.

— Деньги деньгами, а нехорошо вышло перед человеком. Мы-то с ним вместе пришли, — нерешительно проговорил Элизбар.

— Да он же сам отказался. Берись, говорит, сам, если хочешь. Ты погоди тут, я сейчас все улажу.

— Нато, Нато! Выгляни-ка на минутку.

На балконе вышла пригожая молодая женщина.

— Что такое? — спросила она ровным голосом, перевесившись через перила всем телом.

— Вот этот парень будет работать в подвале. Смотрите, не обижайте его, чтоб был накормлен-напоен как полагается.

— Не надо учить меня, батоно Димитрий, я его и так голодным не оставлю! — горделиво выпрямившись и выставив свою пышную грудь, ответила женщина, одарив Элизбара приветливой улыбкой.

Димитрий вынес из чулана два ведра, ломик, кирку, лопату, затем вывел Элизбара за ворота и показал ему, куда можно сыпать землю. К этому времени машина успела вернуться обратно.

— Ну, я пошел. А ты свое дело сам знаешь. К шести вернусь, — сказал на прощание Элизбару хозяин дома.

Элизбар скинул пиджак, отпустил посвободнее пояс на брюках, закатал рукава сорочки и взялся за работу. Рыть было трудно — грунт оказался каменистым и временами лопата, как он на нее ни налегал, не хотела входить в землю. Тогда ему приходилось обращаться к кирке. Часов у него не было, но, как ему показалось, пока он вырыл примерно кубометр, прошло не менее часа. Он немного передохнул и стал таскать землю ведрами на улицу.

Поначалу груз показался ему не тяжелым, и он быстро без передышки вынес на улицу несколько ведер. Но чем дальше, тем носить становилось трудней, и очень скоро он почувствовал, что руки у него буквально отваливаются. Рубашка на нем вся взмокла и липла к телу, по лицу градом катился пот. Почти два часа он проработал без отдыха, потом отложил инструмент, вымыл водой из бассейна руки, освежил лицо и прилег минут на десять отдохнуть в тени деревьев, подсчитывая меж тем в уме, сколько ему понадобится времени на весь подвал. Тщательно все взвесив и предусмотрев возможную потерю времени на отдых и еду, он пришел к заключению, что никак не управится меньше чем дней за двенадцать. Но пусть даже и за пятнадцать, и это совсем не плохо! Ведь он за два месяца не заработал ни пятака. А тут всего за две недели заребет целых сто двадцать рублей. И еще хорошо то, что в этом районе его никто не знает. Да, впрочем, хотя бы и знали! Стыдиться ему нечего и не перед кем.

Он снова принялся за работу и рыл часа полтора подряд, потом перетащил землю на улицу и снова прилег отдохнуть.

На балконе вышла девочка лет шести — семи, худенькая, неказистая, с насупленным, неприветливым лицом. Втянув голову в плечи, она зверьком поглядывала на Элизбара.

— Как тебя звать, девочка? — попробовал он с ней заговорить.

Девочка ничего не ответила, только еще больше насупилась и отступила подальше от перил.

— А сколько тебе лет?

Девочка продолжала угрюмо молчать.

— Ты почему, малышка, мне ничего не отвечаешь?

— Не хочу, потому и не отвечаю, — ответила она недовольной слезливой скороговоркой.

На балконе появилась Нато с накрытым газетой подносом в руках. Она осторожно спустилась вниз по лестнице, прошла в беседку и разложила на стоящем там маленьком столике хлеб, соль, сыр, зелень, тарелку с лобio, поставила полный стакан вина и кликнула Элизбара:

— Иди, братец, перекуси!

Слова эти были сказаны таким мягким, дружелюбным тоном, что Элизбар сразу же поднялся, надел сорочку и направился к беседке.

— Хозяйка просила передать, что пока больше ничего не успела. Счти это за завтрак, а позже мы покормим тебя обедом, — сказала Нато, когда он подошел.

— А разве вы не хозяйка? — спросил Элизбар.

— Нет, я у них работаю.

— То-то же, а я удивился, что у такого пожилого человека такая молоденькая жена.

От этих слов Элизбара у женщины вспыхнули глаза. А Элизбар испугался, что, может, сболтнул что некстати и обидел свою собеседницу. Поэтому он постарался изменить тему разговора и спросил с простодушной улыбкой:

— А девочка чья?

— Чья-чья?! Мамина и папина! — отозвалась сама девочка.

Нато не очень-то, видно, хотелось оставлять парня, и она крикнула на балкон:

— Спускайся сюда, Нази, здесь прохладнее.

— Не хочу, — капризно ответила та.

— Почему?

— Иди сюда и сама сведи меня.

Нато, ворча что-то, поднялась на балкон и потянулась к девочке, чтоб взять ее на руки. Но та увильнула и сама сбегала по лестнице. Оставленная баловницей с носом, Нато что-то снова про себя пробормотала и вернулась во двор.

Нази покаталась некоторое время на велосипеде, потом схватила в охапку куклу и стала носиться с ней по двору. Но вскоре она бросила куклу и начала приставать к Нато то с одним, то с другим, требуя, чтоб ее развлекали. Она без конца ныла, капризничала и наконец обиженно захныкала. Нато терпеливо ее уговаривала, старалась как-нибудь развеселить, но она продолжала все громче хныкать и не слушаться. Хорошо, что Нато подхватила ее на руки и потащила в дом, а то ей, наверно, досталось бы от Элизбара, который устал смотреть на ее выламывания.

Позавтракав, Элизбар запил еду холодной водицей, полежал еще минут десять под яблоней и снова спустился в подвал и взялся за лопату.

Солнце уже вовсю припекало, а в воздухе не чувствовалось ни малейшего дуновения, и Элизбару казалось, что не он один, а все кругом — деревья, трава, цветы — исходит потом.

Сначала он скинул сорочку, а потом добрался и до майки, но работы не прерывал ни на минуту, все так же усердно орудуя лопатой и киркой. На ладонях у него вздулись волдыри, тонкие дужки ведер резали руки, как ножом. Он обмотал кисти каким-то тряпьем, но это мало помогло.

Нато покрутилась некоторое время на кухне, расположенной в нижнем этаже дома, а потом взяла в руки две большие сумки и отправилась на возвратившейся машине Димитрия на базар.

Когда домработница садилась в машину, в выходящем на улицу окне дома показалась хозяйка.

— Смотри, чтоб тебя не обставили, как вчера, — крикнула она ей вдогонку, — бери обязательно только мегрельских кур.

— Мегрельские по десять рублей штука, — откликнулась Нато.

— Лишь бы мегрельские были, и куры, а не петухи, а десять или двадцать — это неважно.

Когда Элизбар в очередной раз понес ведра на улицу, он почувствовал на себе чей-то направленный из окна дома пристальный взгляд. Он мельком глянул в ту сторону — за тюлевой занавеской смутно обрисовывался силуэт. Его движение, видимо, перехватили, потому что силуэт тотчас же исчез.

«Вероятно, та маленькая девочка!» — подумал он, но тут же отказался от своей догадки — взгляд ребенка его бы так не смутил. А может, это всего-навсего кошка сидела на подоконнике, а потом спрыгнула в комнату?

Проходя в следующий раз по двору, он снова глянул на окно, но там уже никого не было. Ему подумалось, что нехорошо пялить глаза на чужие окна. Но взгляд его против воли нет-нет да обращался в ту сторону.

Вскоре на балконе показалась молодая золотоволосая женщина. Проходя мимо, Элизбар поздоровался с нею кивком головы. Она ответила ему милой улыбкой, быстро окинув его с ног до головы взглядом больших, искрящихся теплым светом глаз. Он потупился, почувствовав смущение оттого, что предстал перед незнакомой женщиной в таком идиотском виде — голый до пояса, весь взмокший от пота, с полными ведрами земли в руках.

Когда он вернулся назад с пустыми ведрами, то застал уже хозяйку стоящей у входа в подвал.

— Батюшки! Как много ты уже вырыл! — сказала она с нотками сочувствия в голосе, глядя на него своими ласковыми глазами.

— А сколько еще осталось! Это только двадцатая часть всей работы! — ответил ей Элизбар.

— И всю эту землю ты должен перетаскать ведрами? А хочешь, я дам тебе игрушечную четырехколесную тачку? Можно прикрепить к ней сверху ящик, и это тебе здорово облегчит работу. — И она вопросительно заглянула парню в глаза.

Он не выдержал ее взгляда и опустил глаза, но почувствовал вдруг неодолимую тягу еще раз поглядеть на нее, и, вскинув голову, уставился ей в лицо.

— Как ты думаешь, а? — с какой-то необычайной теплотой переспросила она и, не дожидаясь ответа, направилась к гаражу. Элизбар проводил ее взглядом. Она перехватила этот взгляд и, поведя в его сторону головой, улыбнулась, словно бы поощряя его смелость.

Войдя в гараж, она выкатила оттуда маленькую четырехколесную тачку, а следом вытащила и ящик.

Когда они склонились рядом над тачкой, прикрепляя к ней ящик, Элизбар в какой-то момент поймал жадный взгляд хозяйки, устремленный на его грудь. Она это заметила, но нисколько не смутилась и не подумала ответить его голой мускулистой груди своего взгляда, в котором явно читалось желание, но вместе с тем и надменная самоуверенность избалованной женщины, великолепно сознающей все свое превосходство.

У парня слегка закружилась голова, и он, побоявшись выдать себя, быстро отвел в сторону глаза.

— Так гораздо лучше. И быстрее управисься, и труда меньше, — заметила хозяйка, когда Элизбар пристроил наконец ящик к тачке.

— Разумеется, калбатано, спасибо вам.

— Да брось ты Христа ради это свое «калбатано». Мое имя Верико, понимаешь? Вот так и зови меня.

На балкон вышла, протирая припухшие со сна глаза, давешняя девочка. Только глянув во двор, она сразу же закончила:

— Мама, ма-амочка, кто дал ему мою тачку? Он поломает, поломает!

— Не бойся, детуля, ничего он не поломает, — ласково успокоила ее мать. Но девочка продолжала нудить свое. И как ни уговаривала ее Верико, чего ей ни сулила, все впустую. Поконец девчонка совсем расходилась и начала вопить во все горло: пусть-де отдаст мою тачку, и все. Подняв истощенный визг, она бросилась ничком на пол и стала бить по нему ногами. Однако Верико не пошла на потачку баловнице, которая, видно, привыкла, чтоб все ее капризы выполнялись.

Ящик вмещал до шести ведер земли и легко катился на колесах по выложенной плитняком дорожке. Так что дело пошло теперь у Элизбара более споро.

Но непривычный к такому тяжелому физическому труду, Элизбар скоро выдохся и уже едва держался от усталости на ногах. К тому же ему надо было спешить домой — Ирма, верно, потеряла всякое терпение в ожидании его. И все-таки он решил хоть немного еще поработать. Может, хозяин, увидев, сколько он уже сделал, даст ему хоть немного денег. Однако вскоре он узнал со слов Нато, что хозяин частенько запаздывает с работы, и решил собираться.

Вывьвшись по пояс и одевшись, он шел уже к выходу, когда перед домом остановилась машина.

— Папка приехал, папка приехал! — закричала все еще крутившаяся на балконе девочка.

Димитрий направился прямо к подвалу, прихватив с собой и Элизбара.

— А ты, видать, работяга! Гляди-ка, сколько успел за один день! Если у тебя пойдет так и дальше, то за недельку ты со всем управисься. Что еще хочешь, братец? Ведь я тебя обогатил, а? — самодовольно говорил он Элизбару. Тот хотел было вернуть словечко о деньгах, но не рискнул. Однако Димитрий сам сунул ему при прощании десятку:

— Вот получай для начала, пригодятся.

Когда Элизбар ушел, Верико с укором заметила мужу:

— Какой славный парень! Другие ведь требовали от тебя двести рублей! Мог бы на машине его отправить.

— Да черт с ней, с этой машиной! Что мне, жалко, что ли? Да только боязно — не разнахальничался бы. Потом каждый день захочет раскатывать на машине. Или еще за дураков примет и потребует вдвойне!

Вот уж, можно сказать, — подфартило Элизбару! Ведь какое выгодное подвернулось ему дело. Да и люди попались симпатичные. Хозяин — настоящий добряк, да и хозяйка, видать, неплохая женщина. А как хороша собой! Царственная, горделивая, словно пава. А в глазах одна доброта, одно сочувствие. Так и хочет чем-нибудь помочь человеку. И голос грудной, бархатистый, прямо ласкает слух. Наверно, во всем Тбилиси никто не живет так шикарно, как они. Какой прекрасный особняк! Вот бы им с Ирмой когда-нибудь заиметь такой. Хотя такой огромный дом им ни к чему, им бы и двух комнат хватило, пусть даже и с низкими потолками. Но время ли сейчас философствовать? Лучше подумать о том, что говорить Ирме: где он пропал день напролет и откуда у него эта десятка?

Не успев ступить во двор, он услышал какой-то шум. Из окна их комнаты выглядывала озабоченная жена хозяина, которая при его появлении крикнула:

— Скорее машину!

Он опрометью бросился в комнату.

— Помоги, Элизбар! Ой, как мне больно! — со слезами причитала Ирма.

— Потерпи, родная, потерпи, моя хорошая!

— Ты чего стал, как пень, парень! Беги за машиной, говорят тебе! — крикнула на него хозяйка.

Элизбар выбежал на улицу. На его счастье, со стороны Авчала показалось свободное такси. Он бросился навстречу и замахал руками, прося водителя остановиться.

Машина замедлила ход.

— Через Дигомский массив в Сабуртало! — высунувшись в окно, крикнул шофер.

— Сделай милость, дорогой, подвези до родильного дома! У жены начинаются роды.

— Твоя взяла, садись! — остановил шофер машину.

Судорожно вцепившись руками в спинку кровати, Ирма вся извивалась от боли и громко стонала. Осторожно подхватив под руки, ее вывели на улицу и усадили в машину. По обе стороны от нее на заднем сидении сели одна из соседок и хозяйка квартиры.

Шофер, словно слившись всем телом с рулем, вел машину очень быстро, но в то же время мягко, со всеми предосторожностями.

На некоторое время боль отпустила Ирму, а потом снова гримаса страдания исказила ее лицо, и она, закусив нижнюю губу, испустила мучительный стон. Женщины стали ее уговаривать, чтоб она не сдерживала себя: поплачь-де, не стесняйся, тебе полегчает. А когда машина подъехала к родильному дому, они снова взяли ее под руки с двух сторон и бережно повели вверх по каменной лестнице.

Элизбар растерянно шарил по карманам в поисках денег.

— Мальчугана тебе, дружище! — крикнул ему шофер, трогая с места.

— погоди, погоди! — подскочил к нему Элизбар, доставая из маленького брючного кармашка сложенную вчетверо десятку.

— Да брось ты, копейки там какие-то. У меня и сдачи-то нет. Иди, иди, лучше позаботься о жене! — отмахнулся от него шофер и прибавил скорость.

Сбившиеся у входа в больницу посетители расступились, уступая Ирме дорогу.

У порога ее встретила дежурная: «Иди, иди, моя красавица!» — притянула она Ирму к своей груди.

Ирма чуть приостановилась, подождала взбегавшего к ней вверх по лестнице Элизбара и шепнула ему на ухо:

— Дома у меня в маленькой сумочке лежат деньги.

Дежурная пропустила вперед себя Ирму и, прикрывая за собой дверь, сказала Элизбару:

— Теперь можешь отправляться домой и там спокойно подождать рождения сына.

Элизбар хотел снова остановить такси, но соседки запротестовали: деньги, мол, тебе самому теперь пригодятся, а мы прекрасно доберемся и на трамвае.

Элизбар усадил женщин в трамвай, сказав им, что должен зайти к Ирминой тетушке. А сам, только трамвай скрылся из глаз, снова повернул к родильному дому.

Теперь все посетители сгрудились подле маленького оконца в дверях: кто передавал своей роженице продукты, кто наспех писал записку. Дежурная принимала все это и потом приносила обратно пустые сумки и ответные записки. Народу постепенно становилось все меньше, и под конец Элизбар остался совсем один.

Дежурная приоткрыла дверь и спросила:

— А ты чего ждешь, сынок? Если хочешь что-нибудь послать, то давай поскорее, а то мы уже кончаем принимать передачи.

— Нет, мамаша, я не с передачей, мне бы узнать, как там моя жена.

— Скажи, в какой она палате, я тебе мигом все разузнаю.

— Да вы только что ее обнимали, когда заходили сюда.

— Я их всех обнимаю, сынок!

— Вы еще сказали, мамаша: «Иди, иди, моя красавица».

— А-а, да, да, теперь знаю. Так бы и сказал с самого начала. Она в шестой палате. Я сейчас как раз оттуда. С ней все хорошо, боли прошли.

— Что, разрешилась уже?!

— Ишь ты, чего захотел! Хорошо, если одна из сотни родит так быстро. А то и по два и по три дня ждать приходится. Иди, сынок, лучше выпишь как следует. До утра ничего не будет.

Элизбар спустился во двор. Он едва волочил ноги от усталости, его нестерпимо клонило ко сну, но он все-таки не шел домой — ему казалось, что своим пребыванием здесь он как-то помогает Ирме, облегчает ее страдания.

Нет, он отсюда ни шагу не сделает! Он будет мечтать о ребенке, о завтрашнем дне. У него ведь, слава богу, есть о чем помечтать и подумать!

Но вдруг его охватило беспокойство — он не мог вспомнить, закрыл ли дверь, уходя из дому, дверь. Правда, хозяин обязательно запирает на ночь калитку, так что опасаться как будто было нечего, но все-таки он решил для успокоения сбежать домой.

Во двор он вошел на цыпочках — не хотелось ему вступать в разговоры с хозяйками, чтоб не задерживаться понапрасну.

В комнате он нашарил, не зажигая света, Ирмину сумочку и пересчитал при падавшем из окна свете лежавшие в ней деньги. Всего оказалось десять десятирублевков. Он запахнул их под тюфяк и, уходя, закрыл дверь на замок.

На щедро освещенных лампами улицах было почти безлюдно — нет-нет покажется какой-нибудь одинокий прохожий. Иногда мимо пролетала машина. Со стороны Авчала изредка доносился ляг трамвая.

Чтоб растянуть время, Элизбар решил пройти до больницы пешком. Кстати, по дороге можно было кое о чем поразмыслить.

Интересно, откуда у Ирмы эти сто рублей? Неужто она умудрилась скопить их, откладывая из своей зарплаты? Но она ведь такая транжира, никогда не выйдет из дому с пустой сумочкой... Скорее бы, черт возьми, ему самому начать работать, тогда бы Ирме можно было некоторое время посидеть дома. Ведь сколько забот и хлопот с грудным младенцем! Дай бог только, чтоб времени хватило на все домашние дела.

Подъезд родильного дома оказался закрытым. Возле него маячили двое молодых мужчин.

«Они, должно быть, в таком же положении, как и я», — подумал Элизбар и спросил у одного из них, более симпатичного с виду, в расстегнутой на груди белой нейлоновой сорочке:

— Они еще откроют подъезд?

— Только в шесть утра. А до этого и лбом не прошибешь.

— У тебя кто здесь, братец? — спросил его самого второй мужчина.

— Жена рожает!

Так, слово за слово, будущие отцы разговорились, и время для них пошло как будто незаметнее. Но все-таки то один, то другой из них нетерпеливо поглядывал в сторону подъезда. Чуть из коридора долетал чей-нибудь голос или слышались шаги, они тотчас обрывали беседу и кидались к подъезду.

Неожиданно дверь распахнулась, и появившаяся на пороге дежурная, пойдя к парню в белой нейлоновой сорочке с возгласом: «Мальчик у тебя родился, мальчик!» — потрепала его за ухо.

— Ух ты! Вот за это спасибо, мамаша! — и новоявленный отец на радостях обхватил дежурную за плечи и чмокнул ее в лоб. Потом он потискал в объятиях Элизбара и второго мужчину, весело приговаривая при этом, что и у них тоже обязательно родятся мальчики, и кубарем слетел вниз по лестнице.

Та же дежурная сообщила второму молодому мужу, что его жена пока что притихла и похоже, этой ночью ничего ждать не приходится. От нее же Элизбар узнал, что у Ирмы снова начались сильные схватки. И еще она добавила, что до утра он обязательно станет отцом.

Вскоре ушел и второй мужчина. Безнадежно махнув рукой, словно бы говоря: «Чего мне теперь тут напрасно торчать!» — он тоже сбежал вниз по лестнице.

Элизбар еще некоторое время потоптался перед подъездом, а потом направился в разбитый во дворе роддома скверик. Чтоб спрятаться от глаз прохожих, он оттащил одну скамейку подальше в кусты, поставил ее так, чтоб можно было все время следить за распахнутым настеем окном во втором этаже роддома, и устало присел. Теперь можно было дать хоть маленький отдых утомленному телу и немного за целый день отдышаться. И он полной грудью вдохнул пропитанный ароматом цветов воздух сквера.

Издали было видно, как по коридорам сновали взад-вперед медсестры. Сиделки провозили на каталках в сторону операционной и обратно рожениц.

Улица теперь совсем уже опустела. В погруженном в глубокий сон городе царилла какая-то таинственная тишина. Все кругом дышало миром и покоем, только одно сердце Элизбара не ведало облегчения.

Кто же все-таки у них родится — мальчик или девочка? Но в общем это не имеет значения, лишь бы с Ирмой все было хорошо. Только чего это он? О другом даже и мысли допустить нельзя! Все будет хорошо, все будет благополучно. Ирма должна легко разрешиться, она ведь у него само здоровье. А все-таки что-то ему тревожно. И что это так томит его сердце, почему навязываются какие-то глупые мысли? Лучше, наверно, прилечь и постараться хоть немного заснуть. И время пройдет незаметно.

Его разбудило дребезжание трамвая.

Где это он?! Почему растянулся тут навзничь на скамейке? Вспомнил, где он и что его сюда привело, Элизбар как подброшенный пружиной ~~выскочил~~ на ноги.

Чуть забрезжило... На улицах еще не было ни души. Сбившиеся в кучку возле роддома пятеро мужчин, задрав головы, не сводя глаз, смотрели на открытое окно второго этажа.

Чтоб немного разогреться и размять задеревеневшее тело, Элизбар прошелся несколько раз туда-сюда по дорожке, зябко поеживаясь, похлопал себя руками по бокам и, стряхнув окончательно сонное оцепенение, расправив плечи, вышел во двор.

Не прошло и нескольких минут, как из окна выглянула пожилая женщина в белом халате. Оглядев стоящих во дворе мужчин, она крикнула, протянув руку в сторону Элизбара:

— Сынок, у тебя мальчик родился!

— У меня? — хлопнув себя рукой по груди, переспросил мужчина, стоявший чуть впереди Элизбара.

— Нет... — и женщина снова потянулась рукой в направлении Элизбара. — У тебя, сынок, у тебя!

Рука, несомненно, была протянута в сторону Элизбара, но он все еще сомневался: эта пожилая сиделка видела его впервые, откуда же ей было знать, что это именно у него родился мальчик?!

— У тебя, у тебя, кудрявый! Не у него, а у тебя! — снова протянула женщина руку в сторону Элизбара.

— У меня?! — наконец поверил-таки Элизбар.

— Да, сынок! Вылитый ты, твоя копия!

— Спасибо, мамаша, дай вам бог здоровья! — послал Элизбар старухе воздушный поцелуй. — И вам тоже желаю мальчиков, братцы! — крикнул он остальным ожидавшим у подъезда мужчинам, так же как и ему кричали другие.

Дежурная подтвердила сказанное старухой и передала Элизбару со слов Ирмы, что она чувствует себя хорошо, что все у нее в порядке.

Прямо из роддома Элизбар направился на Мцхетскую улицу. Было только шесть часов утра. Будить хозяев дома в такую рань было неудобно, и он забрел в парк Ваке и попросил в открывшемся уже павильоне стакан вина и пачку хинкали. Съев парочку хинкали, он поднял стакан, решив выпить первый в своей жизни тост за своего сына, появившегося этим утром на свет. «Будь здоров, сыночек, расти молодцом всем на загляденье. Желаю тебе долгой и счастливой жизни!».

Опорожнив стакан до дна, он почувствовал прилив аппетита и с наслаждением доел оставшиеся хинкали. После этого он снова вернулся на проспект Чавчавадзе, отправил телеграмму матери и бодро зашагал к Мцхетской улице.

Открывшая ему ворота Нато приветствовала его как своего человека, прошла с ним в подвал и, показав там на какую-то валяющуюся на земле палку, сказала:

— Хозяин сегодня рано пошел на работу, а эту палку оставил для тебя: в ней ровно один метр, а нужно рыть на глубину двух метров, так ведь с тобой договорились? Вот этой палкой и будешь мерить. Он сказал, что не примет работы, если будет хоть на сантиметр меньше.

— Да, мы договорились на два метра, — подтвердил Элизбар. — Но, подняв с земли палку и повертев ее в руках, добавил: — Только, по-моему, тут будет больше метра, если мне глаз не изменяет. Не принесешь ли ты мне сантиметр?

— Нет уж, уволь, дорогой, я тебя прошу. Измерь лучше при самом Димитрии. А то, я знаю, хозяйка обязательно скажет, что это я надоумила тебя измерить палку.

Элизбар проработал добрых часа четыре подряд, ни разу не передохнув. Он ощущал огромный прилив энергии, работалось ему легко и весело.

По балкону раза два промелькнула Верико. Легкая, подвижная, в красном вязаном платье, под которым рельефно обрисовывались все линии ее ладного гибкого тела, она носилась по дому, как двадцатилетняя девчонка, громко постукивая каблуками домашних туфель без задников. И только разве по одному лицу чувствовалось, что ей уже, верно, за тридцать.

После полудня Нато, как и накануне, отправилась на базар. Не стало видно и девочек.

Хозяйка суетилась по кухне, наблюдая в распахнутое окно за Элизбаром. Как только он прилег под шелковицей, она ласковым голоском позвала:

— Умывайся и иди поешь, сегодня у меня очень вкусный обед.

И слова Верико не оказались преувеличением. Она напекла хачапури, приготовила жирный соус из барашка, поджарила курочку, подала на стол разогретый грузинский хлеб. Щедро уставленный вкусными кушаньями стол и бутылочка коньяка...

Парень вяло задвигал челюстями. Но только не подумайте, что ему не хотелось есть. Напротив, он был голоден как волк. Но его раздражало чрезмерное внимание хозяйки, которая, казалось, готова была сама влезть к нему в рот. И хотя после коньяка у него вовсе разыгрался аппетит, он поел совсем немного и поднялся из-за стола полуголодный.

Хозяин сразу же по приходе домой спустился в подвал, отыскал мерную палку и втихомолку от Элизбара проверил, на какую глубину вырыта земля. А нужно сказать, что Элизбар во избежание всяких нареканий вырыл даже сантиметра на два поглубже. Только хозяин расценил это по-своему. «А мне-то что за печаль! — подумал он. — Пусть бы не был дураком!»

Элизбар проработал почти до темноты.

Перед его уходом хозяин, теперь уже при нем, снова спустился в подвал, прикинул на глаз, сколько еще осталось работы, подумал немного, видимо, что-то подсчитывая про себя, и сказал:

— Я, пожалуй, подброшу тебе еще десятку.

— Не надо, лучше потом, все вместе.

Не чуя под собой ног от усталости, он медленно брел по Мцхетской улице, не видя и не замечая ничего вокруг. Куда бы он ни обратился мыслями, они упорно возвращались к одному и тому же — к сынишке! Какой он, интересно, его малышок?! Неужели действительно уж так похож на своего отца? А какое все-таки удивительное чувство ощущать, что у тебя есть ребенок. Главное, и в глаза еще не видел, а любишь уже больше всех на свете, только о нем одним и готов думать, для него одного стараться.

Пока Ирму выпишут из роддома, он разделается с этим подвалом, получит денежки и сможет по-настоящему справиться с рождением сына. Но кого рассадишь в их семиметровой комнатухе? Иметь бы хоть на один день в распоряжении такой балкон или такую беседку, как у Верико! Просить неловко, а то, может, они бы и не отказали. Особенно сама Верико. Поразительно она добрая и отзывчивая женщина. Да и муж ее, Димитрий, — неплохой человек. Где, интересно, он работает, чем занимается? Ведь только поглядеть, сколько добра нажил! И на кой черт им все это? Будто у них целая орава детей мал мала меньше.

Ну да пропади они пропадом, только и заботы у него, что думать о них! Еще дней пять—шесть, а там он положит свой заработок в карман, и будьте здоровы. Лучше о своих делах хорошенько поразмыслить. Вот посмотреть бы сейчас хоть одним глазком на Ирму и малыша. Скорее бы прошли эти дни, а то какая ведь тоска одному. Да! Еще надо придумать, где найти местечко для люльки. Потом, младенца придется часто купать, разогревать для этого воду. Если все это проделывать у них в комнатухе, то там нечем будет дышать. Нет, в эту темную конуру невозможно привозить ребенка! Надо как-нибудь подыскать другую комнату. Правда, это станет в два раза дороже, ну да бог с ним. Ведь та же Верико говорила, что для него сыщется работа — у них на даче, в Цхнети.

В тот же вечер он сходил еще в больницу и передал Ирме печенье, фрукты и маленькую записочку.

Вернувшись домой, Элизбар застал во дворе приехавшую из деревни мать — она привезла постель для малыша и люльку и теперь сидела в ожидании на приступочке перед закрытой дверью.

Увидев Элизбара, она поднялась ему навстречу, прижалась к его груди и, потрепав его за ухо, поздравила с рождением сына.

— Дай бог ему вырасти здоровым и хорошим мальчиком, вам на радость, сынок! — со слезами шептала она. — И маме его пошли господь бог сил и здоровья.

Занеся колыбель и узел с постелью в комнату, Элизбар спросил у матери:

— Ты что, мама, никак новую колыбель купила?

— Нет, сынок, это твоя, починили, покрасили.

Мать с сокрушенным видом огляделась вокруг и покачала головой.

— Ну и живете вы, нечего сказать! Как же ты приведешь сюда новорожденного?

— Мы хотим присмотреть что-нибудь другое, мама!

— Обязательно, сынок, обязательно. За комнату я сама буду платить...

Верико поджидала Элизбара на улице.

— Где ты до сих пор? Что случилось?

— Да так, пришлось немного задержаться. Дома надо было кое-что сделать.

— Ты что-то недоговариваешь. Позавчера был как в воду опущенный, вчера вдруг ни с того ни с сего подбодрился, а сегодня тебя и вовсе приунывать — таким глядишь героем. Что, разве я не правду говорю? Я сама к людям с открытой душой и не люблю, когда передо мной скрываются.

— Да мне скрывать нечего! Позавчера я уложил жену в больницу, а вчера под утро у меня родился сын. А потом еще мать приехала из деревни.

— Господи! Так ты, выходит, женат? — воскликнула Верико, постаравшись изобразить, будто она приятно поражена услышанной новостью. — Ну поздравляю, поздравляю!

В этот день Элизбар трудился особенно яростно.

После полудня Верико накрыла в беседке стол, еще более обильный и разнообразный, чем накануне.

— Нато сегодня нет дома, она взяла ребенка в зоопарк, поэтому на кухне пришлось повозиться мне самой, — объяснила она Элизбару.

Стол в беседке просто ломился: жареный сулгун, вареная курица, хачапури, салат из огурцов и помидоров, зелень и снова, как и вчера, бутылка коньяка.

Элизбар ел, низко потупив голову, не смея поднять на женщину глаз, — он не выдерживал ее настойчивого, проникающего до самого нутра взгляда.

Верико наполнила коньяком стопку и пододвинула ее Элизбару. Он уже знал, что она все равно не отступится, и поэтому взял стопку и молча ее осушил.

Верико была сегодня особенно весела и возбуждена. Она без умолку болтала, острела, то и дело заливалась смехом.

— Вот гляжу я на тебя, ты такой ладный, хороший парень, бог, как говорится, тебя ничем не обидел — ни красотой, ни здоровьем, но почему тебе было не учиться? Пусть не институт, так выучился бы хоть какому-нибудь ремеслу. На поденной работе, дорогой мой, далеко не уедешь. Ты что, всю жизнь собираешься оставаться чернорабочим?

— Я скоро начну работать, мне обещали, — ответил ей Элизбар.

— Где?

— Наверное, на строительстве.

— А что ты там будешь делать?

— Я инженер-строитель.

— Инженер?

— Да, в этом году я закончил политехнический институт.

— А вас что, не распределяли?

— Как нет! Но случилось так, что я не смог поехать туда, куда меня направляли. Теперь вот обещают работу здесь.

— Кто обещает?

— Не мне лично обещают. Одному нашему... — Элизбар запнулся, не зная, как назвать Санеблидзе, но быстро вышел из положения, несколько поновому повернув фразу: — Моей жене обещали. Посмотрим, что получится.

Теперь, когда у Верико, слава богу, появилась настоящая тема для разговора, она ухватилась за нее обеими руками и принялась расспрашивать Элизбара. Под конец, узнав все подробности, она заключила, имея в виду Санеблидзе:

— Не понимаю, чего обещать напрасно, если не можешь сделать. Он, верно, просто не в состоянии вам помочь.

— Возможно. Если ничего не выйдет, придется искать какой-нибудь иной выход.

— Тогда вспомни, что есть еще и я на свете.

Элизбар провел рукой по лицу, чтоб скрыть улыбку. Но не из того десятка была Верико, чтоб от нее что-нибудь укрылось.

— Ты чего улыбаешься? — спросила она с обидой в голосе.

На этот раз Элизбар уже без стеснения рассмеялся:

— А кто знает, может, и вы только зря пообещаете.

— Я?! Ну, мой милый! — в некоторой растерянности проговорила она, но сразу же, однако, нашлась: — Ты еще меня не знаешь. Я не из тех, кто не может человеку в беде. А тебя мне почему-то с первого взгляда так стало жаль, аж сердце защемило. Что, думаю, могло заставить этого беднягу взяться за такую каторжную работу?

Растроганно захлопав длинными ресницами, она еще ближе подседа к Элизбару и прошептала с такой нежностью в голосе, будто перед ней был маленький мальчуган:

— Ты меня еще не знаешь, дорогой, а то бы так не говорил.

До вечера еще было далеко, когда Элизбар побежал домой — он очень тревожился за мать. А она-то уже давно, оказывается, воротилась и принялась за дела: кое-что перестирала, вынесла на солнце постель, вымыла пол и к приходу Элизбара принялась подметать двор.

— Я видела мальчугана, видела, сынок! — встретила она его радостной вестью. — Прямо маленький ты, да и только. Глаза, волосики, руки—все твое.

— А как ты туда прошла, мама?

— Попросила, сказала, что приехала из деревни посмотреть на внучонка... Да еще прибавила, что в долгу не останусь, мол... Ты тоже так скажи, сынок. Вот увидишь, если не покажут.

Мать в тот же день простилась с Элизбаром — она тревожилась за брошенный без присмотра дом. У меня там тысяча дел, говорила она. Вот управлюсь со всем побыстренько и снова приеду.

Элизбар проводил мать и прямо с вокзала пошел в больницу.

Потеряв всякую надежду проникнуть в роддом, Элизбар написал Ирме записку: как, мол, ты там? Не нужно ли чего? Напиши, что тебе принести. Хотел как-нибудь к вам пробраться, но не вышло.

«Мы оба отлично себя чувствуем, — отвечала ему Ирма, — только сердиты на тебя. Все как-то умудряются посмотреть на своих жен, даже твоя мама сюда пробралась, один только ты как будто у бога телянка съел. Завтра приходи сразу после обеда, тогда бывает легче пройти».

На следующий день Элизбар поднялся ни свет ни заря и пошел на базар. Там он купил фруктов, сложил их в бумажный кулек и прихватил с собой. До полудня он не разгибая спины рыл землю, а потом стал вывозить ее тачкой на улице. Верико не было видно, но Элизбару казалось, что и сегодня, как в первый день, кто-то наблюдает за ним из-за занавески... Не выходила и девчурка. На балконе только разок-другой мелькнула Нато. Она вытряхнула половики, бросила на перила постельное белье и тоже исчезла в комнатах.

После полудня Элизбар умылся, надел пиджак и, кликнув Нато, сказал ей, что больше сегодня работать не будет, так как ему надо пойти по делу.

— Куда спешишь, пообедал бы! — крикнула ему появившаяся на балконе Верико.

— Спасибо, я тороплюсь, у меня неотложное дело!

— Дмитрий будет сердиться, если мы отпустим тебя голодным. Никуда ты не пойдешь! — не терпящим возражений тоном заявила Верико и приказала, глянув в сторону Нато: — Ну, чего ты стала! Живо неси обед!

Когда Нато скрылась на кухне, Верико снова обратилась с балкона к Элизбару, только уже совсем другим, ласковым голосом:

— Ты никуда не пойдешь, слышишь, пока не поешь!

— Не могу, я опаздываю!

— Куда ж это ты так спешишь, дорогой?

— В роддом. Я еще ни разу не видел ребенка, а в такое время туда, горят, легче всего попасть.

— А ты скажи мне, в каком она роддоме разрешилась?

Получив от Элизбара ответ, Верико не более как с минуту подумала о чем-то и твердо заявила: — Ты садись и спокойно поешь, а я все устрою тебе по телефону.

Нато накрыла прекрасный стол, но только без коньяка. Когда Элизбар покончил с едой и вышел из беседки, Верико уже снова была на балконе. Она подозвала к себе парня и протянула ему клочок бумаги.

— Позвонишь из комнаты ожидания вот по этому номеру. Спроси доктора Мумладзе и скажи ему, что ты тот самый, за кого просил Георгий. Вот и все.

Элизбар горел таким нетерпением посмотреть на жену и ребенка, что даже позволил себе раскошелиться на такси.

Но вот и роддом.

Быстро взбежав по каменной лестнице, Элизбар заскочил в комнату ожидания и, не успев перевести дух, схватился за трубку стоявшего тут же на столике телефона.

— Кого вам? — спросил недовольный женский голос.

— Врача Мумладзе!

— Сейчас, сейчас, уважаемый, — ответил тот же голос, но уже мягко и деликатно.

Теперь, когда появилась надежда, Элизбар весь задрожал от волнения, ему внезапно стало не хватать воздуха.

— Я вас слушаю! — раздался в трубке густой баритон.

— Простите, вы будете доктор Мумладзе?

— Да, я вас слушаю.

— Вас просил за меня Георгий.

- А-а, да-да! Простите, ваша фамилия?
- Сабашвили.
- Чуть повремените, я звякну дежурной.
- Благодарю вас.

Элизбар положил трубку, поставил на пол кулек с фруктами и опустился на стул. «Да, оказывается, Верико действительно многое может», — думал он, утирая испарину со лба.

Зазвонил телефон. «Да, да», — несколько раз повторила дежурная и, взглянув из окошка, спросила:

- Кто здесь Сабашвили?
- Я, уважаемая.
- Пожалуйста.

Толпившиеся у входа посетители расступились и пропустили Элизбара...

Никогда еще Ирма не казалась ему такой красивой, такой пленительной. Она несколько осунулась и чуть побледнела, но стала от этого только еще нежнее, женственнее. И каким-то особенно теплым светом светились теперь ее огромные лучистые глаза. При виде Элизбара лицо ее озарилось радостной улыбкой, но тут же вдруг в глазах промелькнула тень тревоги; она порывисто приподнялась на постели и торопливо прикрыла газетой целую грудку конфет, пирожных, которыми была завалена тумбочка возле ее кровати.

— Кто только ко мне не приходил, — зашептала она очень тихо, так, чтоб не расслышали другие роженицы. — Идут и идут. Погляди, сколько всего натащили.

Элизбар подсел к постели жены и ласково провел рукой по ее кудрявой головке:

— Спасибо, спасибо тебе, моя женушка!

— Хочешь взглянуть на нашего мальчика? — спросила она и откинула угол пеленки с личика лежавшего рядом с ней младенца.

Элизбар наклонился и чмокнул своего первенца в мордашку.

Накануне выхода из роддома Ирма написала мужу в записке, чтоб он не откладывая пошел в Ваке, на улицу Палиашвили, и отыскал поблизости от парка дом. А там, писала она, спросишь, как тебе найти пожилую женщину по имени Маргарита. Эта женщина, как сказала ее родственница, лежавшая здесь рядом со мной, сдаст комнату. Эта моя соседка обещала попросить за нас. Она думает, что старушка нам не откажет.

Элизбару не составило никакого труда найти нужный ему дом. А старую Маргариту там знали, как выяснилось, все наперечет.

Дом был двухэтажный. Старушка жила в бельэтаже второго подъезда.

Кнопка электрического звонка была оторвана, и Элизбар предпочел постучать.

Кто-то шаркающими шагами подошел к двери и притих. Видно, пришельца проверяли через глазок.

— Кто там? — послышалось через некоторое время.

— Я беспокою вас относительно комнаты. Вы, по-моему, о нас уже слышали.

Дверь сразу же открылась.

Элизбар пошел следом за сухонькой, маленькой старой женщиной и оказался в просторной, залитой солнечным светом комнате.

В углу комнаты стояла кровать, застланная красным атласным, расшитым цветами покрывалом. В головах кровати высилась целая пирамида подушек. Их было, наверно, не меньше десяти. А в ногах кровати сидела черная кошка с пушистым хвостом. На коврике над кроватью висело несколько фотографий одной и той же женщины в разную пору ее жизни.

Элизбар залюбовался одной фотографией, пробудив в груди старухи отголосок того давно забытого счастливого чувства, которое охватывает женщину, читающую в мужских глазах восхищение ее красотой. Она с умилением глядела на сразу покорившего ее стариковское сердце юношу своими потухшими глазами, которые будто бы говорили: «Да, это я! Вот какой я была в молодости!».

— Эту комнату я могу уступить вам, а мы с моей кисанькой переберемся в маленькую, — заговорила старушка и тут же прикрикнула на нежившуюся на кровати кошку: — Брысь сейчас же с постели, брысь!

Кошка подняла голову, блеснула на Элизбара своими горящими как угольки глазами, лениво потянулась всем телом и, мягко спрыгнув на пол, степенно прошествовала к двери.

— Мне за эту комнату давали сорок рублей, сынок, но вам я ее уступлю за тридцать, — сказала старуха.

— Спасибо, мамаша, это нам подходит.

Когда вопрос о цене был разрешен, они без труда договорились и обо всем остальном. Мебель хозяйка оставляла в комнате как есть и пообещала в следующем дне достать из подвала еще одну кровать.

На другой день Элизбар с утра перебрался к старухе. Она уже вынесла из комнаты все свое, за исключением мебели, поставила вторую никелированную кровать, вымыла окна, натерла пол.

Ирма спустилась в вестибюль в сопровождении санитарки. Молодая мать отказалась от предложенной ей помощи и несла ребенка сама.

На улице уже поджидало нанятое Элизбаром такси, на котором они поехали прямо на улицу Палиашвили.

На этот раз хозяйка сразу же открыла на стук. Прикорнувшая в углу коридора кошка с красным бантом на шее недоверчиво оглядела пришельцев и пошла прочь.

Первое, что сделали супруги, — это застелили колыбель. А потом уж, когда ребенок был устроен, взялись убирать комнату.

Часов около двенадцати Элизбар сказал, что ему необходимо навеститься в министерство, и, выйдя из дому, зашагал в сторону Мцхетской улицы.

Когда женщины остались одни, старушка осмотрела Ирму опытным взглядом ценительницы и закочичила, поглаживая ее по плечу:

— А и хороша же ты, дочка, ой, хороша!

День напролет старушка просуетилась рядом с Ирмой. Она перестирала пеленки, приготовила воду для ванночки, помогла искупать ребенка. «Не беспокойтесь, тетя, я все сделаю сама!» — только и приговаривала Ирма. Но старушка продолжала не покладая рук хлопотать.

С того самого дня они легко столковались, нашли общий язык и очень скоро сошлись, ровно мать с дочерью.

— Ну что скажешь, славная старушка наша хозяйка? Ведь верно, а? — спросил Элизбар жену, воротившись домой.

— И не говори! Целый день крутилась, все мне помогала, не знала, как угодить, — с симпатией в голосе ответила Ирма, но через некоторое время добавила: — Только, знаешь, немного со странностями. Ну зачем, ты сам подумай, ей эта старая лохматая кошка?!

При одном упоминании о кошке Элизбара всего внутренне передернуло, а когда та зашевелилась в своем углу и сверкнула на него злобными угольками глаз, он почуствовал, как у него поднялись волосы на руках. Чтоб избавиться от этого неприятного чувства, он обнял Ирму и вдруг с удивлением почувствовал, что и ее нежные плечи покрылись пупырышками гусиной кожи.

Целых две недели провозился Элизбар с рытьем подвала. Ирма ничего не могла понять и в недоумении спрашивала мужа, где он пропадает каждый день с утра до ночи.

— Да вот все хожу в поисках работы, — отвечал ей Элизбар.

— Но это же впустую! Неужели ты до сих пор не уразумел, что без смазки все равно ничего не получится? Или же кто-то, кто хорошо к нам относится, должен за тебя хлопотать.

В тот день, когда Элизбар, наконец, закончил работу, хозяин дома допоздна задержался на службе. А Элизбару надо было спешить — Ирма с утра поручила ему купить мыло и детскую присыпку и теперь, наверно, злилась, что он так запаздывает.

Прождав напрасно часа два-три в беседке, Элизбар кликнул снизу Натю и, сказав ей, что больше ждать не может, попросил запереть за ним калитку.

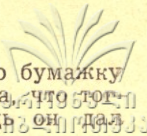
Однако домработница, вместо того чтобы выполнить его просьбу, вернулась в дом. И только он прошел шагов двадцать по улице, как услышал у себя за спиной голос Верико.

— Куда ты? Димитрий вот-вот подойдет! — Она почти бегом нагоняла его, делая ему рукой знаки, чтоб он остановился. — Куда ты бежишь? Подождал бы еще немного! — тихо, видимо, не желая, чтоб кто-то услышал, сказала она ему.

— Не могу, дома меня ждут. Забегу вечером.

— Тогда лучше приходи с утра. Только позвони сначала. Вот наш номер телефона. — И она сунула ему в руку обрывок бумаги с записанным на нем номером телефона. — Да и вообще позванивай изредка. Ты этим доставишь мне удовольствие. И запомни, если я буду дома одна, то отвечу: «Да, да!», а в противном случае: «Я вас слушаю!».

Но чего ради, спрашивается, ему соблюдать эти предосторожности? Не все ли равно — одна будет Верико или не одна! Будто промеж них есть какая-то тайна, которую надо ото всех скрывать.

И вдруг он вспомнил, что все еще держит сунутую ему Верико бумажку в руках. Нет, в карман ее прятать боже упаси! Наткнись на нее Ирма, что бы ей отвечать?! Можно бы, конечно, соврать, но зачем? И ведь он дал себе слово никогда не лгать жене, всегда быть с ней откровенным.

Так оно или эдак, но в конце концов он решил во избежание недоразумений запомнить номер наизусть, а для этого перечел и повторил несколько раз в уме записанные цифры, а бумажку бросил в урну.

— Ну, а сегодня какой у тебя маршрут? — спросила его на следующий день Ирма, когда он по обыкновению собрался уходить.

— Пройду еще разок в министерство. Посмотрю, что там скажут. «Вот тебе и «никогда не лгать!» — упрекнул себя после этих слов Элизбар. Но что еще он мог ответить, что придумать?! Ведь не признаваться же было ему, что он две недели копал землю и теперь идет получать заработанные деньги. Жизнь, будь она неладна, так устроена, что иной раз приходится делать совсем не то, что хотелось бы. Но да не зачтется ему это за грех! Это же все ради жены и сына

Войдя в телефонную будку, Элизбар позвонил Верико.

Она ответила так мгновенно, будто ждала его звонка у телефона.

— Да-да! — прозвучал в трубке мелодичный голос.

— Это я, Элизбар!

— Я узнала тебя! — еще более певуче ответила Верико.

— Я хочу к вам зайти, можно?

— Конечно, конечно, милости прошу.

Еще не увидев Верико, он услышал ее смех:

— Чего ты застрял там, посреди двора. Иди, иди, поднимайся наверх.

В нарядном белом платье с коротенькими рукавами и сильно открытой грудью, Верико выглядела особенно моложаво. К тому же она была очень весела, беспрепятственно по всякому поводу смеялась, посверкивая своими большими манящими глазами.

Войдя в квартиру, Элизбар чуть не ослеп от блеска новехонькой полированной мебели, хрустала, зеркал, серебра.

«Вот это называется богатство! — думал он, пораженно озираясь. — Проживи я хоть сто лет и получай самый высокий оклад, мне не нажить и сотой доли того!»

Ласково улыбувшись, Верико показала ему глазами на диван, приглашая садиться.

Чувствуя от смущения мучительную скованность во всем теле, парень робко опустился на краешек обитого красным бархатом широкого дивана.

Женщина присела с ним рядышком.

— Муж уже давал тебе десять рублей, так ведь? — спросила она.

— Да.

— Ну и прекрасно. Ничего не может быть лучше хорошей памяти.

Верико натянула край платья на свои округлые белые колени, от которых Элизбар не в силах был оторвать глаз. Но только она отпустила руку, как платье задралось и колени снова оголились.

— Вот получай свои деньги. Десять рублей, что давал тебе мой муж, пусть будут не в зачет. Тут все сполна! А на эти десять рублей купи своему малышу что-нибудь от меня в подарок! — И она сунула в карман Элизбару лишнюю десятку.

— Спасибо! — пробормотал он в растерянности.

Но во взгляде хозяйки, которым она ответила на его слова благодарности, читалось отнюдь не одно только доброе расположение...

Она нежно, едва касаясь провела рукой по его руке, заглянув ему в глаза тем исполненным чувственности взглядом распаленной страстью женщины, перед которым ни один мужчина не в состоянии устоять.

Но Элизбар, напротив, вдруг как-то внезапно протрезвел. Он резко поднялся с места, выхватил из кармана и сунул Верико в руки десятирублевку и со злостью проговорил:

— Возьмите это, пожалуйста! Я не привык к подачкам!

— Да что ты вдруг? Что это тебе пришло в голову?! — воскликнула Верико. «Я считала тебя настоящим мужчиной, а ты, оказывается, еще соплик!» — Нет, она не сказала этого, а только подумала, но Элизбар прочел все в ее глазах.

Не сказав больше ни слова, он пошел к двери, ни разу по дороге не обернувшись. А если бы он обернулся, то увидел бы, как Верико со слезами ничком упала на диван.

Молодые супруги приобрели несколько кастрюль, кое-что из столовой посуды, утюг, нарядный детский комплект, две смены постельного белья. Кроме того, Элизбар купил жене нейлоновую сорочку и шелковое трикотажное платье, сказав, что это ей в подарок от его матери, которая, уезжая, оставила деньги и попросила чем-нибудь побаловать ее невестку. Только для себя он пожалел и пятака. А между тем ботинки у него до того сбились и покривились, что их и починить больше было невозможно. Ирма умоляла его, чтоб он попросил в магазине принять обратно сорочку и купил бы на эти деньги себе туфли, но разве возможно было его уговорить!

Они вдвоем день-деньской крутились возле колыбели. Мальчугана надо было то покормить, то искупать, то сменить ему пеленочку, а то и просто с ним поиграть.

Ирма в первое время спала ночами как убитая и не слышала хныканья и побряхтыванья ребенка. Поэтому Элизбар поставил колыбель поближе к себе и до самого рассвета не снимал с нее руки. Стоило ребенку зашевелиться или чуть всплакнуть, как он начинал тихонько напевать или приговаривать ласковые слова. Иногда это помогало, и малыш затихал, а иногда плач становился все громче, все настойчивее и под конец переходил в громкий рев. Тогда уж Элизбару приходилось будить жену, чтоб она покормила ребенка. Тот остервенело набрасывался на грудь и долго с причмокиванием тянул сладенькое материнское молоко. А насосавшись вдоволь, засыпал.

Ирма все продолжала убеждать мужа обратиться за помощью относительно работы к Санеблидзе, пуская в ход довод за доводом. Доктор Санеблидзе, заверяла она, обязательно нас проведает, и надо будет во что бы то ни стало этим воспользоваться. Элизбар в ответ только молча кивал головой.

Безотцовщина, вечная нужда, трудные, безрадостные детство и юность сделали его покорным и безответным, а по природной бесхитростности он и мысли бы не допустил о возможности измены жены. Тем более он никогда бы не заподозрил ее в отношении Санеблидзе. Разве могло ему прийти в голову, что такой почтенный, пожилой человек, как Санеблидзе, может завести роман с молодой женщиной. Но случай с Верико насторожил его. Кто знает, начал сомневаться он, не в угоду ли Ирме окружает их Санеблидзе такой заботой? Но, не успев так подумать, он тут же со страхом отмахивался от этой мысли — его Ирма такая преданная жена, такая любящая мать, что только заподозрить ее в чем-либо подобном — уже преступление.

Наверное, он никогда бы не пошел дальше в своих сомнениях, если бы одно неожиданное обстоятельство не взбудоражило его, не перевернуло ему всю душу.

Как-то субботним вечером он собрался в деревню. Стояла осень — пора сбора урожая, и он решил, что надо хоть немного пособить матери и прихватить что-нибудь из продуктов для дома. А к утру во вторник можно уже быть обратно.

Но случилось так, что он управился быстрее, чем предполагал, потому что ему во всем помогли двоюродные братья, и прибыл в Тбилиси уже в понедельник вечером.

Когда он, сойдя с троллейбуса, свернул на улицу Палиашвили, только-только начинало смеркаться. Как раз при его приближении от их дома отъехала «Волга», и он разглядел сидящего в ней за рулем Санеблидзе, который при виде его почему-то смутился и отвел глаза в сторону.

«Интересно, у кого он тут был?» — промелькнуло в голове у Элизбара, который в первый момент и не подумал, что Санеблидзе мог побывать у них. Но следом всплыл вопрос: «А почему он отвел глаза?». И сердце больно кольнуло страшное подозрение.

Да, но что, впрочем, такого, если он и в самом деле навестил Ирму?.. Только почему именно тогда, когда Элизбар находился в отъезде? Хотя откуда ему было знать, что Ирма оставалась в эти дни одна? Но почему же он не привез с собою Тамар? И глаза почему так поспешно отвел? А в общем, нечего напрасно гадать. Вот уже и подъезд, и сейчас все само собой разъяснится.

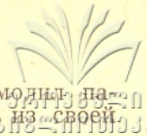
- Увидя мужа, Ирма изменилась в лице:
- Ты уже приехал?
  - Как видишь. А что тебя так поразило?
  - Но ты ведь собирался остаться до вторника?
  - А что, сегодня ты меня не принимаешь?
  - Да что ты в самом деле цепляешься к слову, просто рот невозможно открыть!

Элизбар придирчиво осмотрелся и спросил, глубоко втянув носом воздух:

— Почему так пахнет дымом? Тут кто-нибудь курил?

Вместо ответа Ирма тоже потянула носом воздух и постаралась сказать как можно спокойнее, что, впрочем, ей не совсем удалось:

— Действительно! Прямо не поймешь... Я тоже слышу запах папирос.

— Это, наверно, от меня. Только что ушел мой племянник. Смолил на пиросу за папирсой, так накурил, хоть топор вешай, — крикнула из своей комнаты Маргарита, распахнув настежь выходящее на улицу окно.

После этих слов старухи Ирма приободрилась и заговорила уже совсем в другом тоне:

— Имей совесть! Два дня не был дома, так вместо того, чтоб поинтересоваться, как мы тут с ребенком, ты устраиваешь какой-то идиотский допрос.

Элизбар надолго задержался внимательным взглядом на лице жены, словно бы стараясь что-то прочесть в ее глазах, но под конец сам не выдержал этой безмолвной дуэли и, тряхнув головой, подошел к люльке. Он откинул платочек с личика ребенка и выкрикнул восторженно:

— Ой, мама, ты погляди!

Малыш лежал, повернув головку в сторону родителей, и вовсю таращил глазенки, будто бы прислушивался к тому, о чем они говорили.

Как ни старался Элизбар отогнать от себя преследующие его подозрения, червь ревности теперь беспрестанно точил его душу. А что, если Санеблидзе был все-таки у них? И почему Ирма не хочет в этом признаться?

Теперь Элизбара стало особенно нервировать, что имя Санеблидзе не сходило у его жены с языка. В ее устах Санеблидзе превращался чуть ли не в их ангела-хранителя, без которого им не ступить и шагу.

Однажды, когда Ирма стала особенно настойчиво уговаривать его не откладывая пойти к Санеблидзе и напомнить о себе, он не выдержал и резко осадил ее:

— Что ты заладила в одну душу — Санеблидзе, Санеблидзе! Не надо мне никакой помощи, я и сам не безрукий!

— Чего же ты тогда ждешь? Деньги вот-вот кончатся, скоро и на хлеб не будет. Ведь известно, что под лежачий камень и вода нейдет.

— Не бойся, голодными не останемся!

Почувствовав в тоне мужа обиду, Ирма заговорила более миролюбиво и ласково:

— Если тебе это не по нутру, я могу сама пойти к Санеблидзе. — Однако, заметив, что такой оборот дела тоже неприятен мужу, быстро закончила: — А лучше пойдем вместе.

Элизбар ничего на ее слова не ответил.

Покладистый по натуре, он и на этот раз пошел на поводу у жены, которая очень легко им вертела. После этого у супругов осталась только одна забота — не рискованно ли будет оставить маленького Гио на несколько часов на попечение старенькой Маргариты?

Ничего, рассуждала Ирма, мы мигом слетаем туда и обратно. Тетушка Маргарита души в ребенке не чаёт, уж она постарается вовсю. Не бойся, ничего страшного нет... Но Элизбар все-таки продолжал колебаться:

— Маргарита, правда, славная старуха, ей можно доверить ребенка. Только бы вот кошка не поцарапала малыша. Подкрадется незаметно, она ведь такая злоющая...

Когда Ирма рассказала Маргарите о страхах Элизбара, та было ударила даже в обиду. Да чтоб я не смогла присмотреть за младенцем-пеленашкой, который лежит в люльке?! — с возмущением говорила она. И насчет кисы-де не беспокойтесь — она уже научена не заходить в вашу комнату. Только долго не задерживайтесь, а то ребенок так разорвется, когда придет время есть, что его ничем не уgomонить.

Перевод Маргариты ГРЖЕНДЗИЦА

Окончание следует

ՋԱՋՋԱ

● *Р о м а н*

КНИГА УШБЫ

«...Автобус с грохотом съехал с пригорка и остановился перед дощатым узким мостом. Водитель соскочил с машины вслед за Ладом, открыл багажник, подождал, пока тот доставал чемодан и рюкзак.

Лад протянул водителю деньги. Тот поблагодарил и поднялся обратно в кабину.

Пассажиры — сплошь небритые мужчины в круглых войлочных шапках — с угрюмым любопытством рассматривали приезжего. Лад отвернулся. Автобус дрогнул, медленно проехал раздолбанный мостик, свернул на проселочную дорогу и скрылся из виду.

Лад по заросшей крапивой тропинке сбегал вниз к мутному ручью, кое-как удерживая равновесие на скользком замшелом валуне, зачерпнул полные пригоршни воды, плеснул себе в лицо. Холодная вода смыла дорожную пыль, а с ней и усталость.

Тропа вилась вдоль реки по тесному ущелью между лесистыми склонами гор. Горы примыкали к пустынным красноватым хребтам, а над всем этим сверкал в своей величавой недоступности рассеченный надвое купол Ушбы. Темное морщинистое чело вершины, словно драгоценности, украшали пряди небесно-голубого снега.

За рекой желтели ячменные поля. Среди участков наполовину созревших колосьев ярко зеленели кукурузные поля.

На тропе показалась женщина с серпом в руке, в платке, повязанном по самые глаза.

Лад вежливо с ней поздоровался.

Женщина едва заметно кивнула в ответ, равнодушным взглядом окинула приезжего — из тех, видно, кто без дела слоняется по горам и называет себя туристом. Лад спросил, как пройти к школе. Для чего она ему нужна? Он приехал сюда преподавать. Если примут, конечно. Как же не примут, — лицо женщины мгновенно преобразилось. Она с готовностью вызвалась его проводить и даже хотела помочь нести вещи: должно быть, уважаемый учитель устал с дороги. Нет, он несколько не устал. Женщина проводила его почти до самых ворот школы — белого двухэтажного дома с просторным двором.

Трава во дворе короткая, выжженная солнцем. Волейбольная сетка натянута на покосившиеся столбы. У мотоцикла марки «ИЖ» толпятся ребятняшки. Ладо, обращаясь ко всем сразу, спросил, здесь ли директор и как пройти к нему.

— Здесь, — ответил полуголый мальчишка в коротких штанах с необыкновенно серьезным веснушчатым лицом и пошел впереди.

На лестнице Ладо хотел подхватить мальчика на руки, но тот вырвался.

— Я тяжелый, — заметил он гордо.

Кабинет директора размещался на втором этаже. Ладо сложил вещи на полу, ласково потрепал мальчика по щеке и открыл двери.

Директор и завуч распределяли учебные часы.

— Здравствуйте! — поздоровался Ладо. Он стоял в дверях, в расстегнутой на груди пестрой сорочке, широко расставив ноги, засунув руки в карманы узких брюк.

— Здравствуйте, — ответил завуч.

— Вы ко мне? — спросил директор, плечистый мужчина с седыми гладкими волосами, в кителе, застегнутом на все пуговицы.

— Да.

Директор попросил подождать за дверью. Завуч неодобрительно покачал головой и уткнулся в бумаги. Ладо сделал вид, что не расслышал слов директора, вошел в комнату и сел на стул прямо против него. Наступило неловкое молчание. Ладо беззаботно смотрел в окно, залитое солнечным светом.

— Я вас слушаю, — произнес наконец директор.

— Меня направили к вам на работу. — Ладо вытащил из кармана смятую бумагу — направление Местийского отдела народного образования и протянул директору.

— Ладо Иашвили, так, так. Вы окончили университет?

— Филологический факультет университета, — уточнил Ладо.

— Очень приятно, — сказал директор, — будем знакомы — Вано Вездени, а это завуч — Темраз Джачвлиани.

Темраз с силой пожал руку Ладо.

— Мы как раз распределяли часы, — сказал Вездени. — Семнадцать часов вас устроит?

— Вполне, — ответил Ладо. — Я могу идти? — Он подчеркнуто вежливо произнес последние слова. Вездени уловил иронию в его тоне, но не подал виду.

— Надо помочь парню устроиться, — сказал Темраз и вышел из комнаты вслед за новым учителем.

Он увидел Ладо во дворе, среди детей. Ребята оживленно о чем-то спорили. Заметив Темраза, все умолкли.

— О чем спор? — улыбаясь, спросил Темраз.

— Хороший мотоцикл, — робко сказал один из учеников.

— А хозяин и того лучше, — усмехнулся Ладо.

— Не надо судить опрометчиво, — буркнул Темраз и нагнулся, чтобы поднять вещь Ладо, но тот его опередил.

...Они миновали плетеные заборы и свернули к реке. Земля полыхала зноем. Река с шумом бежала по камням. Прибрежная галька была сухой и белой. Рыжие лошади паслись на илстом лугу, покрытом редкой травой. У Ладо заблестели глаза. Он бросил вещи на землю и медленно приблизился к табуну. Лошади насторожились, наострили уши. Ладо вдруг подпрыгнул, повис на шее ближайшей лошади, схватился за гриву, с силой подтянул тело. Табун шарахнулся, с фырканием снялся с места. Лошадь поднялась на дыбы, рванулась, понеслась вдоль реки.

Темраз молча, угрюмо наблюдал эту сцену. Потом взял вещи и продолжил путь. За поворотом показался Ладо... Он прихрамывал, брюки на колене были порваны, одежда в пыли. Лошадь, пофыркивая, щипала поодаль траву.

— Сбросила, — с виноватой улыбкой сказал Ладо.

— Считай, тебе повезло, — заметил Темраз хмуро.

— Да, пожалуй.

— Ты по своей воле сюда приехал? — спросил Темраз после минутного молчания.

Они и не заметили, как перешли на ты.

— Было место, искали желающих, — помедлив, ответил Ладо.

— Тебе здесь нелегко придется, — заметил Темраз.

— Поживем увидим. — Ладо взглянул на Ушбу.

Они поднялись на пригорок и подошли к каменной оgrade.

Во дворе играли четверо детей мал-мала меньше. Пятая девочка, постарше, молча стояла в стороне у огромных бревен. Пахло свежескошенной травой и чем-то еще деревенским, кислым.

— А вот и мой дворец, — сказал Темраз, — Добро пожаловать.

* * *

Тусклый свет электрической лампы разрисовал стены полупустой комнаты причудливыми желтоватыми узорами. За стол сели вдвоем. Хозяйка вынесла из соседней комнаты свежий сулгуни, жареную картошку, ветчину, чуреки и бутылку самогона. Она была одета во все черное и выглядела вдвое старше мужа.

— Угощайтесь, — тихо сказала жена и вышла на балкон. Темраз налил водку в маленькие граненые стаканы.

Дети во дворе, притихшие было с появлением незнакомого человека, вновь загалдели.

— Уйми ребят, Мациса, — крикнул Темраз и, обращаясь к Ладо, прибавил: — Мациса — племянница Тero, моей жены.

Гвалт во дворе утих.

— Будем здоровы, — сказал Темраз и чокнулся с Ладо.

— Мир вашему дому, — сказал Ладо.

— Спасибо.

Водка с неприятным резким запахом и привкусом гари показалась Ладо отвратительной.

— Ничего, привыкнешь, — Темраз невольно улыбнулся, глядя на искаженное гримасой лицо парня, — водка домашняя, не вредная.

— Постараюсь, — сказал Ладо, — а женщины почему не садятся за стол?

— Тero, Мациса! — позвал Темраз.

Высокая худая Тero вошла в комнату и присела на краешек стула. Она явно чувствовала себя неловко, смотрела куда-то вниз, под стол.

— Мациса стесняется, — проговорила Тero, не поднимая головы.

— Чего стесняется? — удивился Ладо и прибавил: — Она у вас красивая.

— Мациса ребенок, — сухо сказала Тero.

— Ну и ну, ребенок, — заметил Темраз, — шестнадцать лет исполнилось. Давай выпьем за...

— Я хочу подняться на Ушбу, — неожиданно выпалил Ладо. Он почувствовал, что опьянел.

— Да ну?! — стакан задрожал в руке Темраз.

Кривая усмешка скользнула по обескровленным плоским губам Тero.

— Когда-то и я хотел подняться на Ушбу, — задумчиво сказал Темраз.

— Выпьем за уважаемую Тero, — Ладо выпил залпом.

— Будь здорова, Тero, будь здорова, — ласково произнес Темраз.

Тero не шелохнулась.

У Ладо закружилась голова, зарябило в глазах, он прислонился к стене. Ломота в ушах прошла так же быстро, как возникла. Печальные звуки неожиданно донеслись до слуха, Ладо открыл глаза. В мешанине вещей и лиц обрисовалась Тero. Она улыбалась одной половиной рта. Темраз держал между колен чунири¹ и медленно водил по струнам изогнутым смычком. Печальные с хрипотцой звуки сопровождала песня. Темраз и Мациса пели вполголоса. Четверо ребятшек, затаив дыхание, стояли у стены. Ладо и не заметил, как они вошли.

А у матери, у матери твоей
Только ты одна была, Мирангула...

Ладо вдруг захотелось зарыться лицом в отцовскую грудь. Он поднялся, спатаясь вышел на балкон, спустился по каменным ступенькам во двор. Ночь была темная и мягкая, как бархат. Ущербная луна плыла по облакам. Вдали серебрился огромный силуэт Ушбы. Тишина стояла до звона в ушах...

* * *

Прозвенел звонок. Ладо с журналом девятого класса под мышкой шел на свой первый урок. Он волновался, хотя старался казаться спокойным, и это создавало в душе его особый настрой радостного возбуждения. Он почему-то был уверен, что произведет на ребят должное впечатление, но, увидев десять пар глаз, настороженно и с нескрываемым любопытством рассматривающих «нового учителя из Тбилиси», он в первую минуту смешался, быстро подошел к столу, отодвинул стул и положил журнал. Розовые черноглазые лица наплывали друг на друга, Ладо не сразу понял, что ученики стоят и ждут разрешения сесть.

¹ Грузинский народный музыкальный инструмент.

— Садитесь, — изменившимся голосом сказал Ладо, и сам нагнулся, но стула на месте не оказалось. Ладо с трудом удержал равновесие. Нерешительные смешки учеников действовали отрезвляюще. Волнение улеглось. Он медленно оглядел класс, раскрыл журнал и принялся читать списки, стараясь запомнить каждого ученика в лицо. Все они были одеты в ситцевые платья и сатиновые сорочки, скроенные на одинаковый, деревенский, что ли, лад. Лица были добрые, доверчивые.

— Шамприани Мациса!

Под простеньким ситцевым платьем вырисовывались заостренные кверху худые девичьи плечи. Толстая коса спадала вниз. Ладо улыбнулся Мацисе, закрыл журнал, поднялся.

Он видел, с каким интересом разглядывают его ученики, и хотел сказать что-нибудь такое, что сразу помогло бы завоевать их доверие, но из десятка лихорадочных мыслей не сумел выбрать ни одной.

— Я провожу сегодня первый урок, — начал он, с заметным волнением прошелся по комнате и прибавил: — Возможно, не все у меня получится, как надо... — последняя фраза прозвучала убедительно, и Ладо почувствовал, что обретает необходимое спокойствие. Он говорил и смотрел на Мацису, так ему было легче. А девочке все казалось необычным в новом учителе: и его узкие брюки, и расстегнутая на груди рубашка, и строй его речи, и упорный взгляд карих глаз.

Класс внимательно слушал, только мальчишка на последней парте беспокойно вертелся и шумел, явно стараясь обратить на себя внимание; не найдя однако ничего остроумного, он вдруг схватил Мацису за косу, притянул к себе и что-то прошептал ей на ухо.

Мациса молча вырвала косу.

— Ну-ну, — нахмурился Ладо, — что там происходит?

Мальчик, довольный своей проделкой, улыбаясь, смотрел на учителя. Остальные робко посмеивались. Мациса ждала, что скажет учитель, ее сердце учащенно билось.

Урок сорвался — и учитель и ученики одинаково хорошо это почувствовали.

— Ты, уважаемый учитель, из Тбилиси приехал? — мальчишка разошелся вконец.

— Это очень тебя интересует?

— Ага, интересуется.

— Как тебя зовут? — спросил Ладо.

— Ты же прочел в журнале.

— Позабыл.

Мальчик вскочил.

— Меня зовут Коста! — крикнул он звонко.

Ученики рассмеялись.

— А ты шутник, как я погляжу.

— Ага, шутник.

Ладо спокойно улыбался. Мальчик чувствовал себя неловко, встречая холодный взгляд учителя, но улыбка подбадривала его. Ладо подошел, взял Коста за локоть.

— А ты сильный.

— Ага, сильный, — ответил мальчик.

— Ну-ка, покажи руку.

Мальчик храбро протянул мускулистую крепкую руку, не улавливая в тоне учителя ровным счетом никакой для себя опасности. Ладо легонько сжал его ладонь. Мальчик насмешливо улыбнулся и многозначительно оглядел товарищей. Ребята смеялись. Они потеряли интерес к новому учителю. Ладо разъярился. Он сжал руку Коста с такой силой, что тот застонал и попытался высвободить руку, но Ладо сжимал ее все сильнее. Коста не выдержал, скорчился от боли.

— Больно, — простонал он. Слезы выступили у него на глазах. Ребята вскочили со своих мест.

Ладо отпустил руку мальчика.

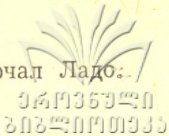
Коста всхлипнул и принялся ожесточенно дуть на слипшиеся пальцы.

— Получил! — Мациса не скрывала своей радости.

— Продолжим урок, — холодно сказал Ладо.

Класс мигом затих. Учитель вновь обрел свои права, но у Ладо уже не было прежнего настроения. Он подошел к окну. Мальчишка во дворе гонялся за рыжим теленком. Ладо наблюдал за ним, ему не хотелось оборачиваться к классу.

Ученики ждали, затаив дыхание. Наконец, из коридора донесся звонок.

— Первый урок ушел на наше с вами знакомство, — пробурчал Ладо.
Ученики молчали. Коста угрюмо смотрел вниз.

— Ну и что же, — не очень уверенно произнес кто-то.

— Ничего особенного, — ответил Ладо и вышел.

Класс не шелохнулся. Мациса, опустив голову, теребила косу.

Ладо направился в учительскую.

В эту минуту ему хотелось поделиться с кем-нибудь своими мыслями.

Темраза в учительской не было. Учителя сидели за длинным столом. Су-ровая природа надела их лица морщинами; их руки огрубели от мотыжных и покосных работ; у каждого была своя забота.

На Ладо никто не обратил внимания.

Учителя дымили самосадам и делились мнениями о предполагаемом уро-жае картофеля.

Неожиданно раздался плач грудного ребенка. Никого, кроме Ладо, он не удивил. Милостивая учительница первого класса села в углу и дала ребенку грудь. Во время урока она осыпала его у уборщицы.

Ладо предался своим мыслям. В это время к нему подошел директор.

— Ну и как? — спросил он.

— Ничего, провел урок.

— Хорошо провели?

— Не знаю.

— Должны знать.

— Да. Вы правы.

Директор молча постоял с минуту и снова втянулся в разговор учителей о нынешнем урожае картофеля...

* * *

Воздух был влажный. За плетнем по колхозному покосному лугу шагали крестьяне с косами на плечах. Загремел гром. Молния высветила затемненные расщелины Ушбы. Окрестности притаились в ожидании грозы. Ливень хлынул внезапно. Узкие быстрые ручьи избороздили песчаную тропу, Ладо в один миг промок насквозь. К счастью, поблизости он увидел сельскую библиотеку и забежал туда. В полутемной читальне стоял особый запах книг. У полок, возведенных до самого потолка, девушка с золотистыми густыми волосами, собранными на затылке узлом, перелистывала книжку. Ладо поздоровался с ней и присел на скамью.

— Я вам не помешал? — спросил он.

— Ой нет, что вы. — У нее были голубые миндалевидные глаза.

Они помолчали.

— А у вас есть хорошие книги? — спросил Ладо.

— Есть кое-что, — разговор не пошел дальше.

— Ну и ливень, — сказал Ладо.

— Здесь так бывает, — виновато улыбнулась девушка, и ее белое лицо стало по-детски нежным и светлым.

— Как вас зовут? — спросил Ладо.

— Кэту. — робко ответила девушка.

— А меня — Ладо.

— Знаю, — застенчиво промолвила девушка, — мы ведь в деревне живем, не в городе...

Дождь, словно штора, занавесил окно, и при мысли о сырой дождливой погоде усиливалось ощущение тепла и уюта библиотеки.

— У вас был урок? — решила спросить Кэту.

— Сегодня первый.

— Трудно, наверное.

— Да, нелегко.

— Дети плохо себя велят?

— Не стану скрывать, — Ладо развел руками.

— Вот не думала, — робко улыбаясь, сказала Кэту.

— А ребята, мне кажется, неплохие, — заметил Ладо, — я с удовольстви-ем буду работать.

— Вы не похожи на наших учителей.

— То есть, как? — Ладо с нескрываемым интересом посмотрел на де-вушку.

— Не знаю. Не похожи.

Кэту чувствовала пристальный взгляд Ладо и старалась не смотреть в его сторону. Потом тщателью поправила платье, словно оно было тесным, встала и приоткрыла окно.

Комнату наполнил запах влажной земли. Ладо захотелось выйти во двор.

— Сильный дождь — промокнете, — сказала Кэту.

— Иногда приятно пройтись под дождем.

Ладо медленно вышел. Кэту смотрела в окно. Неожиданно Ладо обернулся, улыбаясь, помахал ей рукой. Он промок до нитки...

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Холодный туман окутал вечерний город. Однообразно, надоедливо шумела вода в водосточной трубе. Погода усиливала гнетущее чувство тоски. Петрэ опе-пенело стоял у окна и не сводил глаз с полутемного двора, освещенного одной-единственной лампочкой.

Ладо заботливо накинул на плечи отца ватную куртку. Петрэ обернулся, прошелся взад-вперед по комнате. Теплая куртка не помогала, его знобило...

В старинном доме с балконами никто не мог похвастать простором. Квартира Иашвили состояла из двух маленьких комнат, кухни и кладовки. Комната с окном на улицу отведена была под спальню. Две старинные кровати орехового дерева стояли вплотную друг к другу. Некогда они принадлежали Тамар и Петрэ, сейчас их занимали отец с сыном. Здесь же было отжившее свой век трюмо с зеркалом и тахта, покрытая ковром. Над тахтой висела увеличенная фотография Тамар. Она с ласковой улыбкой наблюдала за каждодневной жизнью мужа и сына. Единственной сравнительно новой вещью в комнате, да и во всей квартире, была радиола. Рядом с ней лежала огромная кипа грампластинок с записями главным образом классической и народной музыки.

Вторая комната, с выходом на общий балкон, служила одновременно гостиной и кабинетом. Мебель ее составляли: огромный письменный стол, расшатанные кресла и стеллажи по всей стене, полные книг. Над письменным столом висел портрет Важа Пшавела в пастушеской одежде; против него — оригинал картины Пиросмани «Наседка с цыплятами». Ее в тридцатых годах Петрэ по случаю приобрел у какого-то духанщика. Они так привыкли или, точнее, свыклись с этой картиной, что воспринимали ее как неотъемлемую часть домашнего очага. Но истинной гордостью обоих оставалась библиотека. Книги были подобраны тщательно и со вкусом. «Случайным» авторам на полке места не оставалось. Отец с сыном могли часами смотреть на книги и беседовать о каждой из них с таким увлечением, можно было подумать, что речь идет о живом человеке.

Таково было их жилище, и все в нем было расставлено в том же порядке, в каком находилось до рождения Ладо. Петрэ не любил перестановок.

Петрэ внимательно рассмотрел книжный ряд, но не нашел ничего интересного, нового и решил лечь спать. Ладо испуганно и молча наблюдал за ним. Потом вышел на кухню, зажег газ и поставил чайник. Горячий чай пошел бы Петрэ на пользу.

Петрэ скользнул взглядом по стене и уставился на портрет жены. Вдруг он почувствовал страшную усталость.

«Что будет с Ладо без меня? — подумал Петрэ. — Именно сейчас ему нужна моя помощь... именно сейчас...».

Ладо пытался читать, но кроме кривых линий и отдельных фраз ничего не видел и не понимал. Мысли об отце владели им.

— Сынок, — позвал Петрэ.

Ладо быстро встал с тахты.

— Скажи мне что-нибудь, поговори со мной, — попросил Петрэ.

Ладо всегда терялся в таких случаях.

— Давненько я ничего твоего не читал, — сказал Петрэ.

— Работаю, отец.

— Время литературных упражнений прошло, Ладо, ты ведь и сам знаешь. Сейчас, если делать, надо делать по-настоящему, а нет...

— Знаю.

— Литература требует и решимости, но прежде всего — это труд!

— Я не бегу от работы.

— И не должен, если хочешь поверить в себя, в свои силы. — Петрэ с грустью посмотрел на сына. — Вот я потому превратился в развалину, что школу бросил. Не следовало выходить на пенсию. Работа меня не утомляла, напротив, прибавляла сил и бодрости.

Ладо обрадовался, что разговор пошел по другому руслу.

— А если ты вернешься в школу?

— Куда уж мне теперь, — Петрэ махнул рукой, — я свое отработал. Оста-
ется спокойно дожидаться смерти. А вот ради тебя пойду к министру, Попро-
шу перевести в школу.

— Не надо говорить о смерти, отец.

— Извини сынок, — Петрэ усмехнулся, — предчувствую, видно, не
скрою — боюсь.

Ладо пожал плечами.

— Не понимаешь? Придет время, поймешь. Не тот герой, кто не боится
смерти. Он просто глупец, Герой тот, кто сможет одолеть страх смерти.

Ладо в душе был согласен с отцом, но не хотел продолжать разговор на
эту тему.

— Чайник, наверное, закипел уже, — сказал он и вышел на кухню.

Когда он вернулся, Петрэ лежал ничком на тахте.

— Отец!

— О... — Петрэ с трудом приподнял голову. Лицо у него было измучен-
ное. — Сердце болит, — прошептал Петрэ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Ноябрь принес с собой холода. У витрины книжного магазина Ладо уви-
дел Нуцу Чиковани в ярко-красном пальто. Она резко отличалась от спящей
взад-вперед серой, как погода, толпы. Густые волосы подчеркнуто небрежно
спалили ей на плечи, прямой, слегка с горбинкой, нос и чуть выдвинутая впе-
ред нижняя губа придавали ей вид гордой и неприступной девушки. Сердце Ла-
до, как всегда при встрече с ней, учащенно забилось. Он отвел взгляд и на-
правился к переходу, однако именно в это время зажегся зеленый свет свето-
фора, открывая дорогу транспорту, и лавина машин тронулась с места.

Ладо украдкой посмотрел в ту сторону, где стояла Нуца, подошел к ней и
положил руку на плечо.

— Ты откуда? — как ни в чем не бывало спросила Нуца и, как показав-
лось Ладо, принужденно улыбнулась.

— Со службы.

У нее был томный, чувственный взгляд. Ладо не любил этого взгляда и
старался не смотреть ей в глаза.

Нуца взяла его под руку.

В кинотеатре, на противоположной стороне, демонстрировался какой-то
арабский фильм. В ту пору вообще на экранах города не показывали ничего
стоящего. Самое лучшее было посидеть где-нибудь в небольшом кафе, но де-
нег, увы, не было ни гроша. Ладо тратил свою зарплату, как говорится, в один
присест, кое-как перебиваясь до очередной получки. Если бы не отцовская пен-
сия — пришлось бы жить впроголодь.

— Куда пойдем? — после минутного раздумья спросил Ладо.

— Куда хочешь, — тотчас же ответила Нуца. — Хочешь ко мне?

Она посмотрела на него, и он снова встретился с ее призывным чувствен-
ным взглядом.

— Нет!

— Ты прав, пожалуй, не стоит. — Нуца с трудом скрыла обиду.

Грустная ночь постепенно ложилась на дома, обнищавшие деревья и мо-
стовую: свет реклам и автомобильных фар освещал туманные сумерки. Потом
к ним прибавился свет ламп.

...Толстый швейцар через застекленную дверь гостиницы небрежным, чуть
ли не безразличным взглядом рассматривал Нуцу и Ладо.

— Хорошо было бы оказаться сейчас в чужом городе, — сказала Нуца, —
в Ленинграде, Киеве или Таллине, в гостинице какой-нибудь...

— Давай зайдем, — сказал Ладо, — вообразим, что мы в чужом го-
роде и живем в гостинице.

Нуца с беззаботной улыбкой на лице толкнула тяжелую дверь.

Огромная люстра освещала вестибюль. На стенах висели зеркала в по-
золоченных рамах. Они разглядывали себя, не в силах удержаться от смеха.
Рубец на лбу Ладо посинел от холода и пробуждал в толстом швейцаре подо-
зрения. Под конец он собрался подойти к ним и сказать что-нибудь вроде «без
дела не стоять», но Ладо опередил его, дружески хлопнул рукой по плечу:

— Как поживаете, батона Лаврентий?

Швейцар растерялся.

— Благодарствую...

— Почему обязательно Лаврентий? — с улыбкой спросила Нуца, когда
швейцар ушел.

— Хорошее имя — Лаврентий, — ответил Ладо, — так зовут заведующего нашим отделом.

У киоска галантерейных товаров они сели в кресло. Продавец крутил платинку:

Слышал я, как в лунную ночь
к воде спустился олень...

— пел томный голос.

— Именно эту песню я и хотел послушать, — усмехнулся Ладо.

— Эта та, в которой оленя погубили его собственные рога?

— Оленя погубили рога. Тебя погубит твоя красота.

— Только и осталось что умереть, — Нуца не поняла шутки, опустила голову. Волосы закрыли ее лицо. Наступила напряженная тишина.

— Что-нибудь стряслось с тобой? — спросил Ладо.

— Нет. — Нуца неестественно улыбнулась. — С меня и старого достаточно. Знаешь, иногда у меня такое ощущение, будто я была брошена в яму, откуда не видно ничего, кроме клочка неба. Я стараюсь вскарабкаться наверх, но тщетно, и люди вокруг, вместо того чтобы помочь выбраться, сталкивают меня вниз. — она нервно засмеялась. — Разве же я многого прошу? Хочу иметь семью, ребенка, мужа...

— Ничего у тебя не получится.

— Почему, Ладо, почему? — голос у нее задрожал.

— Потому что, — Ладо загнулся. Противоречивые чувства овладели им. То ему хотелось надавать ей пощечин, то его переполняло чувство жалости и близости к ней, и он готов был сделать для нее невозможное.

— Ладо, не бросай меня, прошу, умоляю. Меня много раз обманывали, оскорбляли, хоть ты пожалей.

— Я люблю Кэту, — сказал Ладо неожиданно для самого себя, и словно камень упал с его сердца. Колебания, хаос, противоречия тотчас развеялись, уступив место истинному, понятному, правдивому чувству. Теперь он твердо владел собой и знал, что происходит вокруг него.

— Кэту? А кто такая Кэту? — спросила Нуца.

— Как тебе сказать, — Ладо радостно улыбнулся, — Кэту — это Кэту.

— А-а... — Она выпрямилась в кресле, вздернула голову, как породистая лошадь, с отвращением посмотрела на Ладо, встала, подняла воротник пальто и быстрыми шагами вышла из вестибюля.

...Ладо стоял перед гостиницей, провожая взглядом прохожих. Он не знал, куда пойти и что делать, и все раздумывал об этом, когда увидел Нукри Вирсаладзе, который с гитарой в руках направлялся к входу в ресторан.

Ладо окликнул его:

Радости Нукри не было границ.

— Ты меня ждешь? — спросил он.

— Тебя? Нет...

— Удивился, верно, когда увидел меня с гитарой?

— Почему я должен удивляться?

— Я играю в ресторанном джазе.

— Что ты говоришь, давно?

— Недели две уже, зайдем расскажем.

Ладо не стал отнекиваться.

* * *

...После окончания университета Нукри волей-неволей пришлось оставить комнату в общежитии, где он беззаботно провел пять быстрых и пестрых, как в калейдоскопе, студенческих лет, и, если бы не друзья-товарищи, он в полном смысле этого слова остался бы на улице. Нукри поочередно ночевал то у одного, то у другого. О службе не приходилось и думать — без городской прописки на работу не устроишься... У одинокого и бесприютного парня, к счастью, нашелся дальний родственник, который приписал его к себе и даже обещал денег на карманные расходы, с тем чтобы Нукри ходил за его разболтанным, туповатым сыном и готовил с ним уроки. Нукри согласился, поскольку возвращаться в свой городок, куда, кстати, его направили по распределению, он ни в какую не хотел: в городке никого и ничего у Нукри не осталось. Его вырастили родственники, и сейчас, когда они частенько с самодовольным видом вспоминали об этой своей заслуге, Нукри попросту было невозможно находиться рядом с ними.

...Его ученик оказался поистине маленьким деспотом. Усталый до предела Нукри однажды прочел в газете объявление о конкурсе артистов эстрады, который проводила филармония, и после некоторого колебания решил участвовать в нем.

Члены жюри без особого восторга приняли его выступление, но все же признали способным парнем и предложили работу в филармонии.

Нукри снял комнату на окраине города. Так филолог Нукри Вирсаладзе переквалифицировался в эстрадного певца, но почему он оказался здесь, в третьестепенном ресторанном джаз-оркестре?..

Залитый светом зал был полон посетителей. Между столами носились официанты; слышался приглушенный гул. Рояль и пустые попитры стояли на эстраде.

— Ну и нашел работу, — заметил Ладо.

Нукри жалко улыбнулся.

— Надоело, Ладо, нищенствовать, в филармонии я выступал раз в месяц, а здесь мигом прославился.. Иногда, правда, такое заставляют петь — тошнит, но, знаешь, на рыбалке — да ног не промочить...

— Мне и твоя филармония не нравилась, — прервал его Ладо.

— Ничего не поделаешь. Говоря по правде, я не жалею. Человек все должен испытать в жизни.

Ладо смотрел на приятеля и думал, что тот сам не верит своим словам.

— Играешь в богему? — сказал он.

Нукри развел руками:

— Играю? Ты-то меня знаешь, не в моей это натуре.

Усатый официант быстро, со знанием дела накрыл стол и без слов испарился. Нукри ничего не заказывал, видимо, целиком полагался на его вкус. Они вспомнили о дне рождения Майи.

— Помнишь, тогда я напился? — сказал Нукри. — Бидзину обидел. Не встречал я его больше. Надо хотя бы извиниться. Какой из меня драчун? Обидеть человека для меня хуже смерти. Впрочем, и он был не совсем прав, разве нет?

— Ты еще должен извиняться?

— Так для меня лучше, — Нукри без конца поправлял свои роговые очки. У него было очень доброе выражение лица.

— Может, ты и прав, кто его знает, — сказал Ладо.

— Не может, а точно, — ответил Нукри тоном человека, уверенного в своей правоте.

Официант принес вино и шашлык. Запах жареного на углях мяса возбуждал аппетит.

— Ешь, а то остынет, — Нукри пододвинул к нему блюдо с шашлыком. — Скажи, а как поживает Нуца?

Ладо с минуту молчал, опустив голову.

— А почему ты об этом спрашиваешь?

— Она хорошая девушка.

— Послушать тебя, весь мир населен ангелами. Прямо в раю живем.

— Так оно и есть, — воскликнул Нукри, — во всяком случае, так должно быть. — Он коснулся руки Ладо. — Почему ты не женишься?

— На ком?

— Что за вопрос? На Нуце.

— Обалдел?

— Все нет. Она тебя любит. И ты ее любишь, чего же еще?

— Не болтай глупости.

— Я тебе серьезно. Неужели ты не можешь быть помягче?

— Как ты все легко и просто решаешь.

— А ты излишне усложняешь.

— Значит, я ее люблю? — Ладо горько усмехнулся. — Я всего себя, мой Нукри, растратил в Сванетии, и теперь все мне кажется глупым, часто даже бесцельным развлечением. Понимаешь? — Ладо взволновала собственная откровенность. — Выпьем! — сказал он и наполнил стаканы ароматным «мукузани».

— Как знаешь, — покорно согласился Нукри.

С эстрады донеслись звуки настраиваемых инструментов. Музыканты собрались незаметно. Сухопарый гладковыбритый лысый мужчина вежливо показал Нукри, что они начинают.

— Я спою и вернусь. Не скучай, ладо? — сказал Нукри.

— Соскучишься тут, — криво усмехнулся Ладо.

Нукри поднялся на эстраду, вынул из футляра гитару.

Зал гудел. Никто не смотрел в сторону музыкантов.

Потом пел Нукри, его пальцы едва касались струн:

Ты, земля, пугаешь меня,
Когда я спускаюсь с небес...

Он пел с неповторимой, одному ему присущей интонацией. Ладо смотрел на пьяные физиономии, которые не обращали на Нукри ровным счетом никакого внимания, и ему хотелось крикнуть, чтобы они заткнулись.

Человек не лодка,
чтоб его к причалу привязать...

Раздались жидкие аплодисменты. Это все, что было наградой Нукри. Оркестр играл теперь быструю мелодию из «Серенады солнечной долины». Нукри время от времени весело улыбался. Это вконец расстроило Ладо. Он наполнил стакан и выпил. Он пил жадно, с упрямым желанием опьянеть и наконец захмелел. И внезапно на него нашло что-то, какое-то просветление... Ему привиделась Кэту в зеленом цветастом платье. Золотые волнистые волосы спадали ей на плечи.

Она улыбаясь смотрела на Ладо.

«Ты пришла, Кэту? Я знал, что ты придешь. Вот я сижу и пью в одиночестве. За тебя! Будь здорова. Я заставляю себя забыть тебя, а люблю еще сильнее. Люблю, как никогда! Я истосковался по тебе, Кэту, я мечтаю увидеть тебя! Знала бы ты, как я одинок без тебя. Я измучился. Где ты теперь? Помнишь ли меня? Вспоминаешь ли?...»

Светлое видение постепенно растворялось в ресторанном чаду. Ладо поднялся, с отвращением оглядел зал, поднял руку в знак прощания с Нукри и направился к выходу. Швейцар хотел помочь ему надеть пальто, но он отделался от него двургривенным.

...В квартире Иашвили горел свет. Ладо, стараясь не шуметь, поднялся по лестнице и заглянул в окно. Петрэ в глубоком раздумье сидел в кресле, как обычно, терпеливо дожидаясь прихода сына.

Он никогда его не упрекал, хотя тот часто после работы допоздна где-нибудь застревал.

Петрэ не любил поучать. Ладо понимал, что отец ждет, пока сын сам осознает свою вину, но каждый раз все повторялось, и Ладо мучили угрызения совести.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Обычный трудовой день редакции. Редакторы, не поднимая головы, правят материалы. Романоз испещрил карандашом объемистую рукопись. Сандробитых два часа старается вникнуть в суть какого-то предложения. Майя так увлеклась курсом коллоидной химии, словно ничего более интересного в жизни не читала, Ладо осталось выправить всего пятнадцать страниц; он уже второй месяц с таким нетерпеливым волнением ждет окончания работы, что после каждой прочитанной страницы с величайшим удовольствием пересчитывает оставшиеся листы. У Нади и Пимена рябит в глазах от чтения корректуры.

Стол, некогда занимаемый Лаврентием Бедиани, пустует. Выдвижение по службе совершенно особенным образом подействовало на Лаврентия. Человек, который самоунижением добивался сердечного отношения окружающих, бесследно исчез, и его место заняла личность, исполненная чувства собственного достоинства, с категоричными суждениями, высказываемыми тоном, не допускающим возражений. Теперь в одном случае из тысячи с ним удастся перебраться несколькими словами. Лаврентий, сославшись на неотложные дела, неделями пропадает, перепоручив свою работу Сандро Цхвариашвили. Сандро лопается от злости, но человек он трусоватый и не осмеливается возражать.

И вот в этот обычный трудовой день дверь редакционной бесшумно раскрывается и в комнату осторожными шагами входит выпускающий Коля. На сей раз вместо корректуры он несет толстую книгу, поднимает ее вверх и говорит:

— Ну-ка отгадайте, кто автор?!

Редакторы отрываются от работы.

— Покажи, — Романоз протянул руку.

Коля с торжественным видом вручил ему книгу.

— Л. Бедиани, — громко прочел Романоз, — Александр Македонский, Тбилиси, 1960 год.

Эффект превзошел все ожидания.

— С ума сойти! — Пимен вскочил со стула. — Книга Лаврентия?!

— О-о-о! — простонал Сандро.

— Смотрите-ка, — сказала Надя.

— Вива Лаврентий! — воскликнул Ладо.

Роман делился на три части. Первая часть называлась «Грива Буцефала», вторая — «Гордиев узел и Гавгамель», третья — «Вавилонская лихорадка». Части романа в свою очередь делились на подглавки с названиями вроде: «Бездонные чаши», «Гуляющий дракон», «Орлы стремятся в горы», «Вера и любовь», «Аспид и паук», «Солнце и Амазонка» и так далее. Каждой главе предшествовал эпиграф — цитаты из Мюльтатули и Вахтанга Орбелиани, Тараса Шевченко и Андерсена-Нексе, азербайджанская поговорка и фразы из «Калидасы», Шю Арагвиспирели и Эразма Роттердамского, Исайи Тегнера и Пущу Дгебуадзе... Сблазн улыбнуться был весьма велик, но Ладо заинтересовался книгой. Он всегда считал Бедиани более сложной натурой, чем казалось на первый взгляд, и обрадовался, что не ошибся. Бедиани написал книгу, да такую — роман об Александре Македонском! И никому ни слова не говорил о своей работе, ни с кем не делился ни муками, ни радостью творчества. Сколько труда он положил на один только подбор эпиграфов!..

— Беспрецедентный случай! — Романоз без конца переворачивал книгу с обложки на корешок и обратно.

— Наш руководитель, оказывается, писатель, а мы сидим и ничего не знаем, — сказал Коля.

— Да, да, — тотчас поддакнула Надя, — скажите-ка на милость.

— Дядя Сандро, почему у вас такое обеспокоенное лицо? — спросила Майя.

— Боюсь я этого человека, — быстро зашептал Сандро. — Боюсь его желтого лица, замороженного взгляда. Все время твердит — ты, мол, ненадежный элемент. Отравил существование...

Сандро оборвал фразу, словно радио выключили — в дверях стоял Лаврентий Павлович Бедиани.

Он внимательно оглядел каждого сотрудника редакции, потом остановил взгляд на своей книге, улыбнулся и стал похож на человека, готового расплакаться.

Воцарилась глубокая тишина.

— Вот я.. ваш роман товарищам... — слащаво залепетал Коля.

Наступила торжественная минута.

Лаврентий подошел к Романозу, протянул руку и слегка наклонился как бы в ожидании поздравительного поцелуя, но Романоз только пожал ему руку и вежливо сказал:

— Поистине удивительно, да, да, поистине удивительно.

Лаврентий обернулся к Наде. Лицо Нади от волнения покрылось красными пятнами, она с трудом произнесла:

— Я восхищена... знала, поверьте, знала. Вы выглядели так вдохновенно, что сердце мне подсказывало — вы писатель. О боже...

Лаврентий переместился к Пимену.

— Что мне сказать, мой уважаемый друг? — произнес Пимен, с чувством пожимая руку Лаврентию. — Ты хорошо знаешь, я не обременен грузом высокого образования. Я простой корректор. Не забывая нас смертных, когда станешь первым пером Грузии. — Пимен сел, довольный, что с честью выкрутился из положения.

Лаврентий потянулся к Сандро, и тут пошла потеха!

— Ваша книга, батоно Лаврентий, — Сандро, казалось, не находит достойных слов, — плод творческого героизма! Биографический роман о Македонском! И это тогда, когда традиция грузинского биографического романа так бедна! Неслыханно! Поразительно! Желаю...

— Довольно, Сандро, довольно, — прервал его Лаврентий.

Сандро, обескураженный столь неблагоприятным приемом, принялся пощипывать усы.

Подошла очередь Ладо. От прикосновения холодной и липкой руки его чуть не передернуло, но он пересилил себя и поцеловал его в щечку.

Майя с напряженным вниманием наблюдала за всей этой сценой. Она не любила Лаврентия и не скрывала этого. Она не могла себе представить, что он способен творить добро, создать что-либо настоящее.

Книга ничего, кроме усмешки, не вызвала в ее душе, Майя сразу же подумала, что она скомпилирована — какие-нибудь выборки из Плутарха и древних авторов.

— Так вот почему вы ходили на рыбалку, — ехидно сказала Майя. — Сидите с удочкой в руках и в то же время думаете об Александре Македонском.

— Гм... — Лаврентий заложил за спину протянутую было руку.

— Произведениями каких авторов вы руководствовались и вообще какие места в этой книге — ваши?

Гримаса отвращения на мгновение отразилась на лице Лаврентия, но только на мгновение. Он молча отошел от девушки и остановился посередине комнаты.

— Благодарю за добрые пожелания, — глухим, но твердым голосом сказал он, — Моя цель — посвятить жизнь служению народу, и этот роман — один из шагов на пути к цели. Я задумал целую серию биографических романов. Уверен, что с помощью доброжелателей сумею осуществить задуманное. А теперь продолжайте работать, — он произнес свою тираду, взял книгу и направился в кабинет.

— Ты почему на него накинулась? — сказал Майе Ладо. — Человек старается, работает, мне его даже жалко стало.

— Ты его не знаешь.

— Что наша жизнь?! — вздохнул Сандро.

— Жизнь создаем мы, люди, батоно Сандро, — разозлилась Майя, — и если она не лучше, чем есть, мы сами виноваты в этом.

— Эх, ты пока еще ребенок, Майечка, — махнул рукой Сандро.

Все, чувствуя почему-то тяжесть на сердце, вернулись к работе. Одно было явным: так или иначе, в тот обычный трудовой день работники издательства научной литературы собственными глазами увидели объемистый исторический роман об Александре Македонском, и роман сей принадлежал перу Лаврентия Бедиани...

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Петрэ читал лежа.

«И если спросишь: что есть смерть или какова суть ее, я отвечу тебе так: смерть есть ничто, и она превращает нас в ничто; суть смерти незрима, и она делает незримой зримую плоть нашу; смерть бесплодна, и она превращает нас в прах; смерть бездушна, и она уносит души наши; смерть не имеет костей, и она гложет кости наши; смерть безгласна и бессловесна, и она делает нас безгласными и бессловесными: да убоимся смерти!»

Петрэ закрыл книгу.

Захотелось прочесть что-нибудь другое, радостное и светлое. Перебрав несколько книг, он раскрыл «Вепхисткаосани».

И вспомнил он, как читал ему любимый дед «Вепхисткаосани». Петрэ был тогда совсем еще ребенок; он сидел на тахте, перекрытой пестрым ковром, и как замороженный смотрел на освещенное лучиной лицо деда, его губы, которые выговаривали удивительные слова. Петрэ и сейчас хорошо помнил ощущение, которое родилось, когда он в первый раз услышал «Вепхисткаосани»...

...Мальчик шел по полю, покрытому пестрыми цветами. Местами в поле виднелись большие раскидистые дубы. Лучи жаркого солнца пробивались сквозь листву и пятнами ложились на бархатную землю.

Петрэ читал, и постепенно на душе его становилось спокойно и радостно.

Слабый отблеск декабрьского солнца дрожал на потолке. И вдруг он ясно ощутил смерть, она стояла где-то здесь, рядом...

«Не смей мне день на ночь...» — говорилось в «Вепхисткаосани». Нет, она не страшна вовсе. Люди дожидаются каждый своей очереди. Одни уходят из этого мира раньше, другие — позже... Умереть куда проще, чем дожидаться смерти... или жить в ночи.

«Не смей мне день на ночь».

Ему стало трудно дышать. Железными обручами сдавило сердце. Он попытался вдохнуть полной грудью, но тщетно.

«Где ты, сынок?!»

Потом ему немного полегчало, с сердца спала тяжесть. Холодное солнце поднялось выше и осветило всю комнату.

И опять мальчик шел по полю, покрытому пестрыми цветами...

Откуда-то донеслась музыка. Печальные замерзшие звуки ложились на беспредельную заснеженную степь. Синие сосульки свисали с елей. Петрэ сидел на саних. Сани неслись по степи. Ладо бежал за отцом, проваливаясь по колено в снег. Сани скрылись за снежной пылью. Ладо упал и сился подняться, беспомощно хватаясь за рыхлый снег.

— Сынок, — позвал Петрэ, — сынок...

«...Наступила осень, лесистые холмы запестрели в тысячи красок. Лучи солнца утратили свою силу. По дорогам длинной вереницей тянулись сани*, груженные сеном. Волы брели так медленно — издали казалось, они стоят на месте. На горных лугах трава уже была скошена, в окрестностях деревни косили вторично. На токах волы тащили молотильные доски; слышался гогот и крик детворы.

На подступах к деревне, там, где начинались покосные луга колхоза, крестьяне в одежде, измазанной известью, строили дом. Завидев Ладо, они перестали работать, вежливо поздоровались.

— Пожалуй к нам, — позвал его мужчина с закрученными кверху усами, по-видимому, руководитель работ.

— Доброго здоровья вам, — на деревенский манер поздоровался Ладо, — что это вы строите?

— Школу, четырехлетку, — ответил усатый. — До вашей школы слишком далеко приходится ходить, детей жаль, особенно зимой.

— Зима, верно, здесь долгая? — спросил Ладо.

— Да какая! На себе испытаете, — ответил усатый и обернулся к одному из крестьян. — Доставай водку.

Остальные с уважением разглядывали учителя.

Усатый наполнил небольшой рог и протянул его Ладо:

— Благослови наш труд.

— Будьте здоровы, хорошее дело вы затеяли, с успешным окончанием, — произнес здравицу Ладо.

— Пей на здоровье.

Потом выпили за гостя и снова наполнили рог.

— За вас, — сказал Ладо, — за вашу Ушбу.

— Хороший парень, ей-богу, — сказал усатый, когда Ладо ушел.

Ладо вышел на скошенный луг, раскинувшийся до самого подножья Ушбы. Водка теплом разлилась по телу. Ему стало жарко, Ладо снял рубашку, сощурившись, посмотрел на солнце, и не выразимая словами радость овладела им. Он радовался своему здоровому гибкому телу, радовался тому, что перед ним высится Ушба и ярко светит солнце. Его душа полна была любви ко всему существу.

На опушке леса, возле кустарника он лег, зарывшись лицом в мокрую траву, жадно вдыхая дурманящий запах земли и трав.

Чьи-то голоса вывели его из приятного оцепенения. Разговаривали мужчина и женщина. Голос женщины показался Ладо знакомым, и это заставило его приподнять голову. Он узнал Кэту. Шофер колхоза Чопэ Вездени держал ее за локоть:

— Не срами меня, девушка!

— Отстань.

— Ты моя нареченная, понимаешь?

— Не понимаю! Нет! Нет!

Чопэ расставил ноги и замахал огромными кулаками перед самым ее лицом.

— Ну смотри, будь я проклят, я своего добьюсь, — прохрипел он.

Девушка собралась уходить, но Чопэ схватил ее за плечо.

— Кэту! — в его голосе слышалась злоба.

Девушка сопротивлялась без слов, потом вцепилась зубами в его плечо. Чопэ вскрикнул, отпустил ее, размахнулся и закатил пощечину.

Девушка гордо выпрямилась.

— Ну, бей еще! — сказала она ровным спокойным голосом.

Чопэ со страхом посмотрел на свою руку, попятился.

Ладо инстинктивно вскочил на ноги, перепрыгнул через кусты и с ходу ударил Чопэ кулаком в лицо.

Это было как гром среди ясного неба — Чопэ пошатнулся, но устоял на ногах и тотчас овладел собой.

Они схватились, упали на землю и скатились в ложбину, мигом выкабкалились оттуда, тяжело дыша, стали друг против друга.

— Прирежу тебя как свинью!.. — Чопэ медленно приближался к Ладо.

* В Сванетии сани используют круглый год.

Он вытащил охотничий нож из подвешенных к ремню ножен. Дрожь прошла по телу Ладо, он взглянул на свои руки и, сразу сообразив как быть, отпрыгнул в сторону, схватил с тропинки крупный заостренный камень.

— Ну, подходи теперь! — крикнул он остервенело.

Чопэ отер рукавом кровь с разбитого носа.

— Брось! — сказал он хриплым голосом.

— И ты брось!

Они стояли, примериваясь друг к другу. Ладо ждал. Чопэ сунул нож обратно в ножны.

— Я с тобой рассчитаюсь, — прохрипел он, поднял с земли шапку, вытряхнул о колено, повернулся и молча пошел вниз по тропинке.

Ладо вздохнул с облегчением, надел рубашку и направился в сторону деревни. Скула горела как в огне, в суставах ломило, но он не сожалел о случившемся, напротив, он вроде бы даже испытывал чувство удовлетворения.

...Неожиданно у стога он увидел Кэту. Она вытерла слезы на глазах, поднялась, попыталась улыбнуться. На ней было зеленое в цветочках платье.

Ладо молча остановился перед ней. Ни он, ни она не знали, с чего начать разговор. Наконец Ладо нерешительно поднял руку и осторожно провел по волнистым, мягким волосам девушки.

Она опустила голову.

— Пойдем, — сказал Ладо.

— Хорошо, — в ее голубых глазах светились грусть и мольба. Чувство жалости и нежности овладело Ладо, он взял ее под руку, хотел сказать что-нибудь утешительное, но не решился.

— Я с Чопэ рассчитаюсь, — проговорил он.

— Ой нет, ради бога не надо, не надо! — У девушки от волнения срывался голос.

— Посмотрим, на что он способен, — повторил Ладо.

— Ой не надо, ради бога не надо!

В глубине души Ладо было приятно ее волнение.

* * *

Темраз во дворе обтачивал полозья саней. Ладо присел рядом на землю. Рыжие волы возле бревенчатого хлева лениво жевали жвачку.

— Сломались полозья? — спросил Ладо.

— Да! Не смог удержать волов на склоне, сани перевернулись, половину сена растерял дорогой...

— Мучаетесь же вы с этим сеном.

— Эх, тебе пока не приводилось видеть — бывает, в таких местах косишь, с трудом на ногах удерживаешься, попробуй свежи. Связывает копны, стелквиваешь вниз, потом на спине до саней — одно мучение.

— Да, трудное это дело, — проговорил Ладо.

Темраз грустно усмехнулся.

— Трудное, говоришь? О чем, скажи на милость, мне думать: как преподнести ученикам урок или где раздобыть вдосталь сена на зиму?.. Порой я думаю о Важа Пшавела. Он мог косить от зари до зари, присматривать за скотиной, а ночью при свете лучины создавать шедевры. Куда мне до него! А семья своего требует. В университете, помню, написал дипломную работу об охотничьем культе в Сванетии. Работа до того понравилась, предложили расширить и защитить диссертацию... До диссертации ли... Приехал и застрял тут...

— Многие надо упорядочить, — рассеянно сказал Ладо. — Послушай, Темраз, наша соседка Кэту, какая она девушка?

— Хорошая, а почему спрашиваешь?

— Просто так.

— Она помолвлена с Чопэ, ты его знаешь, брат директора нашей школы.

— Знаю. Она не любит Чопэ.

— Откуда тебе известно?

— Ходят слухи.

— Возможно, ну и что?

— Чопэ болван.

— Не имеет значения. Она все равно должна выйти за него замуж.

— Это почему же?

— Обычай есть обычай.

— Таково твое убеждение?

— Убеждение не убеждение, а обычай есть обычай, другого ответа в наших краях не услышишь. И вообще, советую ни во что не вмешиваться.

Ладо помог Темразу прикрепить к саням полозья. Они запрягли волов и поехали за оставшимся в горах сеном.

Солнце опускалось. Тени деревьев стали длинными. Большое серое облако наползало на Ушбу.

* * *

Темраз поручил домашним передать Ладо, что он ушел помочь Ушхвани собирать картофель и пусть Ладо, если не поленился, тоже зайдет к ним. Ладо только вернулся из школы. Он провел четыре урока подряд, утомился, но даже не подумал об отдыхе, наспех перекусил, переоделся в свитер и узкие вельветовые брюки, разыскал в хлеву деревянную лопату и быстрыми шагами направился к дому Ушхвани.

Розовое солнце светило в небе. Опавшие желтые листья валялись в грязи.

Ладо издали увидел склоненных к земле людей. Они работали ритмично, быстро, без заминок. Мужчины деревянными лопатами выворачивали картофельные гнезда, женщины мигмом собирали картошку в корзины и ссыпали в горку посередине участка. Желание работать проснулось в Ладо, он прибавил шагу. Темраз и Тэро работали вместе. Ладо направился было к ним, но дорогой встретил Кэту. Девушка спрятала за спину вымаранные в грязи руки.

— Почему вы побеспокоились? — спросила она смущенно.

— Ничуть не побеспокоился, — ответил Ладо.

— Устанете с непривычки.

— Усалим, — сказал Ладо и, улыбаясь, прибавил: — Я хотел вас видеть.

— Меня? — Кэту смуглилась, покраснела пуще прежнего, взяла копалку и перешла к крайнему ряду. Отсюда никто не мог услышать их разговора.

Подшел Джанхврат, ее дед, гордо протянул Ладо свою потресканную жилистую руку.

— Благослови по обычаю, — сказал он и наполнил стакан самогомом.

Старик Кэту навеселе, его узкие глаза под белыми лохматыми бровями слегка затуманились, длинные усы топорщились.

— Не беспокой гостя, — неуверенным голосом сказала Кэту.

— Эх, разве же водка беспокоит? — возразил старик.

Ладо пожелал семье Ушхвани хорошего урожая и выпил.

— Вот так-то, — старик удовлетворенно кивнул головой, взял у Ладо стакан и, пошатываясь, побрел к другой группе работающих. Ладо принялся за работу, простое на первый взгляд дело оказалось не таким уж легким; Ладо не выкапывал, а выковыривал картошку — три, четыре картофелины вместо гнезда, стыдился собственной неловкости, украдкой поглядывал на соседей — не видят ли?..

— Ничего не получается, — признался он наконец.

— С непривычки это, — постаралась успокоить Кэту молодого учителя и посоветовала, выгребая гнездо, подпирать рукоятку лопаты коленом. Совет пошел на пользу. Ладо постепенно втянулся в работу.

— Кэту, — Ладо остановился передохнуть, — давай говорить на «ты».

Девушка вначале не поняла его, потом улыбнулась своей невинной детской улыбкой.

— Как вам угодно, — тихо проговорила Кэту, — как тебе угодно, — повторила она, краснея.

— Кэту, давай дружить, хорошо? — запинаясь, сказал Ладо. В этот миг для него никого не существовало, кроме нее.

Девушка грустно улыбнулась в ответ.

Работа подходила к концу, когда подъехал «колхозник». Из машины вышли председатель колхоза и шофер по кличке Француз.

Рыжеусый председатель в сдвинутой набок кепке из букле и сапогах «гармошкой» шумно поздоровался с людьми.

— Смотри-ка, и учителя взяли за крестьянское ремесло, — с нескрываемым удивлением в голосе произнес председатель.

— А что в этом особенного? — пожал плечами Темраз.

Председатель обернулся к Кэту:

— Всю деревню к тебе привел, а ты говоришь, я не помогаю семье без мужчины.

— То есть как это без мужчины? — нахмурился Джанхврат, он был пьян в стельку.

— Ты постарел, дед, — как бы извиняясь, ответил председатель.

— То есть как это постарел? — старик не на шутку рассердился.

— Не горячись, дед, не горячись, — председатель пошел на попятную.

— По рюмочке было бы в самый раз, — заметил Француз.

При упоминании о водке лицо старика совершенно преобразилось.

— Водка — это другое дело, — примирительным тоном проверчал он. К вечеру работа была закончена. Картошку засыпали в мешки, сложили мешки на сани. Односельчане выплатили свой крестьянский соседский долг. Джанхвату стоял у калитки и просил мужчин пожаловать в дом, устаться чем бог послал. Никто не заставил долго себя упрашивать. От голода сосало под ложечкой. Гости уселись за стол, уставленный снедью. Кормилица Кэту, Нино, худая как щепка пожилая женщина в черном, внесла бутылки с самогоном.

— Теперь уже полный порядок, — потирая руки, воскликнул председатель. У Джанхвата слипались глаза, но ему все же удалось подняться и провозгласить тост за «ангела-хранителя очага Ушхвани».

— Пока я жив, в этом доме никто другой не поднимет первого тоста, — гордо заключил старик. С его лица сошло пьяное выражение, металлические нотки зазвучали в голосе, гости, принявшие было за еду, обратились в слух.

— Был бы жив мой Мурза, иначе бы вас приняли, — старик вздохнул и посмотрел на стену, где висела фотография отца и матери Кэту. У молодых людей на фотографии было удивленное выражение лица.

Старик тыльной стороной ладони смахнул слезы и поднес стакан к губам. Руки у него дрожали. Кэту подошла, отобрала у деда недопитый стакан.

— Долгих тебе лет, дорогая, — старик чмокнул внучку в лоб и обратился к Темразу:

— Чопэ не видно, дружище, замени-ка меня, старика.

Темраз с готовностью поднялся, пожелал семье Ушхвани всех благ. Гости выпили и снова принялись за еду. Ели и пили на славу, Кэту не успевала заносить непочатые бутылки.

Голодные и усталые люди быстро опьянели.

— Водка — наше развлечение; соревнуются, кто кого перепьет, иногда я самому себе противен, — сказал Темраз и подозвал Кэту: — Садись сюда! — Он придвинул стул к Ладо.

Девушка покорно села. «Только бы не пришел Чопэ, — подумала она, — только бы он не пришел...».

Ее синие умные глаза притягивали Ладо таинственной, неведомой силой... Тост следовал за тостом. Возбуждение усиливалось.

Джанхвату заснул за столом.

— Люблю поест, когда пью, — заметил председатель колхоза, — иначе быстро пьянею.

— Совершенно верно, и со мной так, — подобострастно сказал кто-то.

— Пить так пить побыстрее, — икая, проговорил один из крестьян, — у меня дел по горло.

— А где ее взять, водку? — хихикнул Атмурза, бригадир. — Кончилась водка.

Кэту вскочила и выбежала за водкой.

Пол балкона заскрипел под чьими-то тяжелыми шагами, и в комнате, заслонив своей грузной фигурой дверь, появился Чопэ.

— Привет честной компании, — Чопэ поднял руку в знак приветствия.

Он был пьян, с трудом держался на ногах, шатаясь, подошел к столу; рубашка на нем была расстегнута, сапоги вымараны в грязи, волосы взъерошены, он старался держать себя в руках, но это ему не удавалось.

— Здорово, старик, — крикнул Чопэ в ухо Джанхвату.

— Бригадиру наше почтение, — он хлопнул Атмурзу по плечу.

— Как поживаешь, соколик? — это уже относилось к Французу.

Потом Чопэ искоса посмотрел на Кэту, прижавшуюся к стене, и обернулся к Темразу и Ладо.

— А, добрый вечер, друзья учителя, добрый вечер!

— Садись, раз пришел, — нетерпеливо сказал Темраз.

— Кто тебя так напоил? — пробурчал Атмурза.

Чопэ уселся на стул рядом с Ладо и тотчас же принялся обглаживать большую сахарную кость.

— Ты из Тбилиси, верно? — он пнул Ладо локтем в бок.

— Из Тбилиси, — сказал Ладо.

— Бывал я в Тбилиси, здорово мне там жилось, пока не забрили в солдаты. А ты, значит, высшее учебное заведение окончил?

— Окончил.

Чопэ уставился на него мутными злыми глазами.

— Что теперь мне с тобой сделать, а?

Ладо взял со стола пустую бутылку и повертел ее в руках.

— Поосторожней, — процедил он едва слышно.

Темраз быстро поднялся с места.

— Два стакана запоздавшему гостю! — воскликнул он и протянул Чопэ стакан с водкой. Чопэ что-то промычал и, смакуя, выпил.

Темраз: — Ладо, возьми себя в руки.

Ладо: — Значит, закон есть закон, не так ли?

Темраз: — Не вмешивайся в это дело.

Чопэ осушил стаканы и шумно опустил их на стол.

— Могу еще выпить! — сказал Чопэ, ни к кому не обращаясь, и голова его упала на грудь.

Француз плечом подтолкнул Ладо и кивнул в сторону Кэту.

Она по-прежнему прижималась к стене.

— Хороша, а?

— А тебе что?

— Таковую и в Тбилиси не забракует.

— Что ты хочешь этим сказать? — Ладо схватил Француза за ворот пиджака.

Кэту умоляюще посмотрела на него, и он почувствовал, что, если не уйдет немедленно, совершит что-то ужасное, непоправимое. Ладо отпустил Француза, поднялся и пошел к выходу. Темраз окликнул его, но Ладо не обернулся.

Ночь была холодная, туманная. Из комнаты доносились гвалт и нестройные звуки песни. Ладо упрямо мотнул головой, не смог подавить будоражащего мучительного желания.

Песня зазвучала громче. Запевал Чопэ. Голос у него был сильный, раскатистый. Ладо охватила злость. Он злился на этих чуждых ему людей, на свое положение, которое вдруг показалось ему нелепым.

— Что делать, как быть? — простонал он и вдруг почувствовал прикосновение чьей-то руки.

Перед ним стояла Кэту. Ладо не различал ее лица, видел только белизну, безграничную, невыразимо притягательную белизну...

— Я не могу больше, Кэту.

— Что с тобой происходит? — Кэту дрожала всем телом, у нее перехло в горле.

— Кэту...

— Не губи меня, Ладо.

Ладо прижался щекой к волосам девушки. Кэту опомнилась, выскользнула из его объятий и убежала. Ладо закрыл глаза. Он почувствовал себя вонюч опустошенным.

Перевод Нодара ГАРХНИШВИЛИ

Окончание следует

Небо звало...

С ВЕРШИНЫ Махатской горы казалось, что город утонул в зелени. Серебристая змейка Куры, живописные домики древней столицы, толпа людей у подножия горы — таким запомнил пятнадцатилетний Алеша 5 мая 1908 года.

С помощью друзей юноша поднял планер над собой и, наращивая бег, устремился вниз по склону горы. Впереди обрыв глубиной восемьдесят метров. Мгновение — и планер поднимается ввысь. словно громадная птица, распластав крылья, парит он над землей.

Планер перенес смельчака по воздуху почти на пятьдесят метров. Полет продолжался всего несколько секунд, но они показались юноше вечностью. Алеша вспомнил грузинскую легенду об орле-людоеде и смелом пастухе Ило.

...В селение повадился кровожадный орел, — рассказывала ему няня. — Каждый день он уносил людей, и никто не мог с ним справиться... Но нашел храбрый пастух Ило. Завернувшись с головой в бурку, он вышел на окраину села. Ждать пришлось недолго. Орел камнем упал на пастуха, схватил его и унес на недоступную вершину. Но пастух острым кинжалом поразил злое сердце орла. На земле распростерлись и замерли могучие крылья. Однако здесь, на дикой каменной вершине, Ило был обречен на голодную смерть. Единственный путь домой — по воздуху...

«Как попасть в село?» — думал пастух, и его взгляд упал на крылья орла.

Взвалив на плечи орла и привязав его крылья к своим рукам, Ило долго стоял в нерешительности перед пропастью. И, наконец, раскинув руки, метнулся в бездну. Мощная струя воздуха ударила в грудь. Ило на мгновение растерялся, но крылья плавно несли его.

«Летать всем людям у птиц научиться бы...» — такими словами заканчивалась легенда о бесстрашном Ило.

...Его первые шаги в авиации были не легкими. Чиновники из ведомства просвещения за увлечение авиацией исключили Шиукашвили из гимназии. Но мера эта не могла заставить юношу бросить любимое дело.

Несмотря на то, что Алексей еще не достиг совершеннолетия, его принимают в члены Кавказского воздухоплавательного кружка. Вскоре Шиукашвили конструирует новый планер, который отличается от предыдущего многими новшествами. Расстояние, пролетаемое планером, уже достигает более ста метров, а высота полета — десяти. Затем следуют полеты на новом, третьем, уже усовершенствованном планере.

В местных газетах появляются короткие заметки о полете Шиукашвили: «Состоялся второй полет члена Кавказского воздухоплавательного кружка А. В. Шиукова на планере...», «Третий полет члена Кавказского воздухоплавательного кружка Шиукова, назначенный на 9 мая, не состоялся ввиду неблагоприятной погоды...». Четвертый по счету планер — моноплан — оказался очень устойчивым в полете и в дальнейшем лег в основу конструкции первого самолета.

К тому времени у Шиукашвили появились последователи — работник почтового ведомства Георгий Тереверко, офицер Плэтт, гимназист Володя Осипов, режиссер Сандро Ахметели и другие. Однако массового распространения в Закавказье планерный спорт все же не получил.

Алексей задумал построить самолет собственной конструкции. Чтобы собрать на это деньги, ему приходилось заниматься литературным трудом, вы-

ступать с лекциями об авиации. Во время одной такой лекции в Гори произошло непредвиденное. Заканчивая рассказ о воздухоплавании, Шиукашвили выразил уверенность, что недалеко то время, когда воздушные линии соединят города, будут созданы аэродромы. Присутствовавший на лекции уездный механик прервал молодого конструктора и заявил, что никогда он этого не допустит, и потребовал, чтобы впредь ноги Шиукашвили в Гори не было.

Для постройки самолета нужен был авиационный мотор. А купить его Алексею было не по карману. В России такие моторы не производились. Кавказский воздухоплавательный кружок средств не имел. Но талантливому конструктору удалось достать поврежденный мотор, который он отремонтировал и установил на самолете. В постройке самолета ему помогли друзья. Многие сложные части изготовили железнодорожники. В это время Шиукашвили связывается со знаменитыми в то время авиаторами Блерио и Сантосом Дюмоном, к которым он не раз обращался за советом.

Испытание самолета проходило на окраине Тбилиси.

— Сначала я долго рулил вдоль и поперек импровизированного аэродрома, — вспоминает Алексей Владимирович, — затем начал делать короткие невысокие полеты. При попытке подняться выше потерпел аварию. Рулевое хозяйство и передняя часть фюзеляжа были разбиты.

Изучив причины аварии, Шиукашвили приступает к переделке самолета. Однако дальнейшие испытания пришлось отложить: требовался диплом пилота. Шиукашвили уезжает в Одессу и сдает экзамен в аэроклубе на звание пилота-авиатора. В следующем году, когда началась гражданская война, его откомандировали в Гатчинскую военно-авиационную школу. Он нес боевую службу в одном из авиационных отрядов. Совершил десятки боевых вылетов, был удостоен боевых наград.

В знаменательные дни Октября А. Шиукашвили — активный участник строительства государства нового типа. В марте 1918 года, после переезда Советского правительства из Петрограда в Москву, Алексей работает в Московской окружной коллегии по управлению воздушным флотом. Он часто бывает по делам службы в Оперативном отделе Народного комиссариата по военным и морским делам.

Однажды, находясь в комиссариате вместе с бывшим инспектором авиации Западного фронта Василием Юнгмейстером, он услышал: «Смотри, Ленин!».

В нескольких шагах от них перед широко открытой дверью Владимир Ильич в накинутах на плечи пальто прощался с тремя военными.

Алексей застыл от неожиданности.

— Вы, товарищи, с фронта? — раздался голос Ленина.

— Да, товарищ Ленин, — ответил Василий, по-военному вытянувшись в струнку. — Мы недавно прибыли с Западного фронта, но сейчас назначены на работу в Москве. Мы — военлеты.

Ленин поздоровался и спросил:

— С чем пожаловали сюда?

Юнгмейстер на мгновенье замялся, а затем изложил суть дела.

— А теперь, — сказал Ленин, пригласив обоих войти в кабинет, — расскажите, чем вы занимались на фронте, в каком состоянии авиационные отряды? Только кратко и по существу.

Юнгмейстер доложил, что после захвата вражескими войсками Минска они приняли участие в эвакуации авиационных и воздухоплавательных частей Западного фронта.

Обробевшие поначалу Алексей и Василий стали говорить свободнее, поддаваясь обаянию Ильича, который своими вопросами, замечаниями, высказываниями увлек их, заставив забыть чувство неловкости.

Владимир Ильич, расспрашивая, как бы оценивал реальные возможности летчиков, их боеготовность.

Очень порадовало Владимира Ильича сообщение о том, что благодаря самоотверженной работе отрядных комитетов и преданных Советской власти солдат и офицеров удалось спасти при эвакуации почти все, что представляло ценность; о том, что при товарищеской поддержке и помощи железнодорожников отправлен на Волгу тяжеловесный 2-й авиационный парк со всеми станками, оборудованием и ценнейшим техническим имуществом...

— Даже ломаного самолета не оставили немцам! — добавил Алексей с горячностью.

— Даже ломаного, говорите, не оставили? — переспросил Ленин. Он встал со стула и, прищурившись, спросил: — А много ли целых вывезли с фронта и вполне ли удовлетворяют они наших авиаторов?

Юнгмейстер и Шиукашвили назвали довольно большую по тем временам

Не успел он окончить свой далеко не военный рапорт, как в воздух один за другим с шумом взвились несколько серебристых «Ньюпоров». Это командующий воздушным парадом, не дождавшись его возвращения, выпустил детонаторы в полет. У Алексея от неожиданности чуть не пропал голос. Он растерянно застыл перед Лениным. Краска залила ему лицо.

Владимир Ильич сделал движение, словно отводил его руку от козырька.

— Ну, к чему такая официальность, — произнес он недовольным голосом, — я же не команду парадом. Я ваш гость. К тому же, — он лукаво улыбнулся, — как видите, авиаторы прекрасно летают и без нашего с вами разрешения...

Алексей снял фуражку, вытер вспотевший лоб. Ленин заметил это, и у него заулыбались глаза. И вдруг уже совершенно другим голосом спросил, обращаясь к Шиукашвили:

— Я, кажется, видел вас на днях в Оперативном отделе у товарища Аралова?

— Да, Владимир Ильич, — ответил тот.

— Ну конечно! Помню, помню...

Владимир Ильич сделал шаг вперед, слегка дотронулся рукой до Алексея и мягко сказал:

— Вы не смущайтесь, товарищ, с каждым может случиться такой казус. Идите к своим авиаторам и передайте им от меня первомайское поздравление. Скажите им, что я знаю и цену их высокое искусство.

И с этими словами он протянул Шиукашвили руку...

После окончания гражданской войны А. Шиукашвили назначают командующим ВВС Московского округа. Одновременно он преподает в авиационных институтах и Академии имени Жуковского.

...Молодая Советская республика приступает к мирному строительству. По инициативе В. И. Ленина в марте 1923 года в Москве организуется Всесоюзное общество друзей воздушного флота — ОДВФ. Тогда же А. Шиукашвили стал одним из организаторов советской гражданской авиации, создав Закавказское общество гражданской авиации — Закавиа.

В годы Великой Отечественной войны А. Шиукашвили был начальником отдела Главного управления Военно-Воздушных Сил.

Жизнь Алексея Владимировича Шиукашвили связана со многими замечательными фактами развития отечественной авиации. Он мгновенно может дать любую справку из истории нашей авиации. Не раз встречался он со славным Нестеровым, храбрым летчиком-истребителем Крутенем, с первым в мире космонавтом Юрием Гагариным, с Главным конструктором Сергеем Павловичем Королевым...

Сейчас, несмотря на преклонный возраст (пошел девятый десяток), полковника в отставке Алексея Владимировича Шиукашвили можно увидеть в Советском комитете ветеранов войны, в архивах по изучению документов по истории развития родной авиации, на встречах со студентами, рабочими. Он — автор более тридцати печатных трудов по вопросам истории, техники, боевого применения авиации. Многолетняя деятельность А. В. Шиукашвили в отечественной авиации отмечена специальным приказом Министра обороны СССР.

«Лететь как птица» — над этим разум человечества бьется много веков. И в раскрытие этого «секрета» свой вклад внес и ветеран отечественной авиации Алексей Владимирович Шиукашвили.

ГРАЖДАНСКАЯ МИССИЯ ПОЭЗИИ

За «круглым столом» редакции журнала «Литературная Грузия» встретились грузинские критики: А. БАРАМИДЗЕ, Г. АСАТИАНИ, Г. МАРГВЕЛАШВИЛИ, Г.

ГВЕРДЦИТЕЛИ, З. АБ-ЗИАНИДЗЕ, К. ИМЕДАШВИЛИ, Д. ТИГМЕРИЯ, М. ЗАВЕРИН, Г. КАНКАВА, Д. ТЕВЗАДЗЕ, М. ГВЕТАДЗЕ, Г. ГАЧЕЧИЛАДЗЕ.

Предлагаем запись, состоявшейся между ними беседы о различных проблемах развития нашей литературы, в частности поэзии.

Круглый «Литературной
стол» ГРУЗИИ

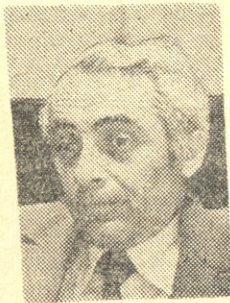
Георгий ЦИЦИШВИЛИ (главный редактор журнала «Литературная Грузия»): Мы решили пригласить сегодня в редакцию наш авторский актив, наших критиков, чтобы в плане свободной беседы поговорить о некоторых животрепещущих вопросах развития нашей литературы.

В настоящее время вся многонациональная советская литература находится в ожидании нового творческого прилива, обусловленного успешным окончанием девятой пятилетки и вдохновляющими решениями исторического XXV съезда КПСС.

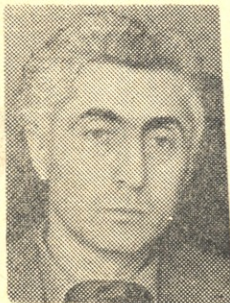
XXV съезд Коммунистической партии Советского Союза, Отчетный доклад товарища Брежнева, в котором исключительно глубоко и широко отразились кардинальные проблемы теории и практики советской литературы, несомненно, явятся новым идеологическим подспорьем как для дальнейшего общесоюзного литературного процесса, так и для развития всех национальных литератур народов СССР.

Георгий
Маргвелашвили

Михаил
Заверин

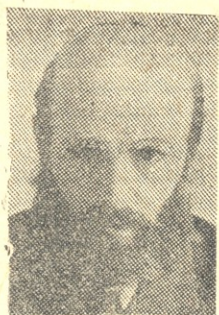
Коба
Имедашвили

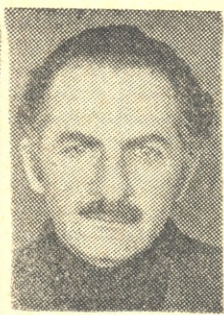
Георгий
Гачечиладзе

Манана
Гветадзе

Заз
Абзианидзе

Гурам
Асатиани

Давид
Гвездзе

Но вопросы, рассмотренные в докладе, имеют и всеобщее значение. Без сомнения, они привлекут внимание литераторов не только стран социалистического лагеря, но и прогрессивных деятелей литератур всего мира.

Материалы XXV съезда КПСС, а также обсуждение развития грузинской литературы на XXV съезде Компартии Грузии дали грузинским советским критикам новый импульс для их сложной, но нужной работы, поставили перед ними новые задачи, воодушевили на новые творческие дерзания.

Пригласив вас на непринужденную творческую беседу, мы хотим выслушать ваше мнение о сегодняшнем дне грузинской советской литературы и литературной критики, которой нужно еще больше активизироваться, использовать каждую возможность объективно, честно, принципиально высказать свое суждение о тех или иных явлениях нашей литературной жизни. Один из таких каналов — наша сегодняшняя встреча.

Лия ДОБРОДЕЕВА (редактор отдела критики и публицистики): Чтобы наш разговор получился плодотворным, результативным и деловым, очевидно, целесообразнее будет локализовать его. И говорить не вообще о грузинской литературе вне каких-то конкретных временных категорий, не заостряя внимания на наиболее важных, волнующих актуальных проблемах, а ограничив сегодняшнюю беседу, скажем, рамками грузинской поэзии последних лет. Почему поэзии? Прежде всего потому, что ее хорошо знают и любят во всей нашей многонациональной стране благодаря первоклассным переводам на русский язык. Она поистине стала полпредом грузинской литературы за пределами нашей республики. А произошло это в силу того, что грузинская поэзия — это та область нашей литературы, которая заявила о себе наиболее полно, самобытно и ярко, выразив душу грузинского народа, его самые высокие идеалы и устремления. Каково же состояние грузинской поэзии сегодня? Какие тенденции в ней сейчас особенно ощутимы? Каковы ее перспективы? Что можно сказать о новой поэтической смене? И как все это соотносится с нашей сегодняшней действительностью, с тем, что происходит во всей советской, в том числе грузинской, литературе, в нашей литературной жизни?

Я думаю, разобраться во всем этом нам помогут материалы XXV съезда КПСС, на котором и в Отчетном докладе Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Леонида Ильича Брежнева, и в речах ряда его делегатов было сказано много интересного, важного и принципиально нового о литературе. Говорилось о жанрах, которые вырвались вперед, отмечались достижения в этой области. Все это, несомненно, поможет нам сориентироваться в нашем обсуждении путей развития современной грузинской поэзии. В ходе такого свободного обмена мнениями, возможно, возникнет перекрестный разговор, который будет способствовать выявлению истинного положения дел в интересующей нас области литературы.

Георгий МАРГВЕЛАШВИЛИ: Издательством «Мерани», в частности русской редакцией, занимающейся выпуском книг в переводе с грузинского на русский, недавно — к XXV съезду КПСС — был подготовлен и издан в своем роде итоговый поэтический сборник «Единодушие», где представлены лучшие стихи грузинских поэтов за последнее, преимущественно, пятилетие. К тому же

задача отбора этих стихов сочеталась с задачей подбора и организации высокохудожественных переводов. Таким образом, этим сборником отчитывалась перед читателем не только новейшая грузинская поэзия, но и русско-грузинское поэтическое братство, творческое содружество грузинских и русских поэтов.

Известно, что завершающие годы девятой пятилетки в нашей республике были ознаменованы огромного значения общественными сдвигами, последовавшими за постановлением ЦК КПСС о работе Тбилисского горкома партии. Эти сдвиги, этот процесс оздоровления не только народнохозяйственных, экономических, но и духовных, нравственных, морально-политических сфер нашей общественной жизни не могли не вызвать и действительно вызвали подъем творческих сил в республике, и в первую, быть может, очередь — сид поэтических. Это и поставило перед нами задачу показать всесоюзному читателю — в какой мере динамика поэзии смогла отразить динамику жизни общественной и как повлиял социальный климат на атмосферу поэтического творчества.

Уже предварительное знакомство с материалом дало нам возможность прийти к некоторым существенно важным выводам. Мы поняли, во-первых, что грузинская поэзия оказалась морально и творчески подготовленной к выполнению своей гражданской миссии на этом новом этапе; что она уже накопила определенные ценности, которые ждали поощрения, мобилизации, стимулирования для того, чтобы стать отправной чертой для нового мощного старта. Мы убедились, во-вторых, что гражданская активизация поэзии отнюдь не означала ее чисто тематической, узко понятой «актуализации». Как раз характер общественного развития, его социально-философский и этический пафос определили тематическую, жанровую, стилистическую широту и разнообразие поэтических воплощений. Разумеется, были и потери. На верном направлении, в стремительном продвижении вперед, при освоении новых массивов жизненного материала — не могло их не быть. В каком-то смысле повторилась чудесная модель рубежа двадцатых—тридцатых годов, когда социалистический пафос и наступательный порыв советской поэзии привели к удивительным, вечно живым достижениям, но сопровождался и естественными «издержками производства». Я имею в виду не халтурщиков и приспособленцев — их продукция не имела, не имеет и не будет иметь никакого отношения к поэзии, ее развитию, ее взлетам и падениям, к ее успехам и просчетам. Речь идет о честном, искреннем, благородном в прямом смысле этого слова творческом опыте поэтов талантливых, т. е. истинных.

Михаил ЗАВЕРИН: Поскольку у Георгия Маргвелашвили есть возможность сравнить две антологии, одна из которых была издана пять лет назад, а другая совсем недавно и рождению которых критик способствовал самым непосредственным образом, меня интересует следующий вопрос: не заметны ли изменения в самом нравственном облике героев поэзии прошлых лет и нынешнего пятилетия? Мне интересно движение лирического героя, и ответ на этот вопрос помог бы мне проверить собственные впечатления.

Г. ЦИЦИШВИЛИ: На мой взгляд, антология грузинской советской поэзии — это такой тип сборника, куда могут быть внесены и стихи 20-х, 30-х годов, а «Единодушье» содержит произведения лишь последних лет. Потому, мне кажется, там, безусловно, есть и черты новизны.

Коба ИМЕДАШВИЛИ: В поэзии последних лет доминирующее положение заняла гражданственная лирика и лирическая поэма, но нередко истинная актуальность заменяется в ней сиюминутной злободневностью темы, а живой человек и его чувства — схемой и шаблоном. И думается, тут уместно будет вспомнить гражданственную поэзию тридцатых годов. Ведь из множества произведений той поры нас трогают только те, в которых повседневное, конкретное обобщено и доведено до высот истинной художественности.

Увы, в нашей сегодняшней поэзии еще много сиюминутного, наносного... Вместе с тем чувствуется, что она все более активно вторгается в каждодневную жизнь, острее осознает свою ответственность перед Временем.

Но характер поэтического процесса не определяется одним или двумя годами, какими бы насыщенными они ни были. Ведь процесс — понятие растяжимое. А гражданственность всегда была присуща нашей поэзии. Чувство это особенно обострилось с шестидесяти годов — вспомним хотя бы исполненные гражданского пафоса лирические поэмы Отара Чиладзе, Джансуга Чарквиани, Тариэла Чантурия, Гиви Гегечкори, стихотворения Карло Каладзе, Иосифа Ноншвили, Мухрана Мачавариани, Мурмана Лебанидзе.

За последнее время создано немало поэтических произведений, значительных по своему общественному звучанию, по своим художественным достоинствам. Но хуже всего то, что еще немало поэтов под прикрытием показной актуальности протаскивают в поэзию непрочувствованные, а потому, разумеется, за-

ведомо слабые стихотворения. Как часто мы забываем аксиому: поэтическое произведение — это единое целое, где «что» и «как» слито воедино.

Серьезно нам надо поговорить и о проблеме «поэтической инфляции».

Г. МАРГВЕЛАШВИЛИ: Действительно, наша газетно-журнальная поэтическая нива последних лет оказалась усеянной не только шедеврами, но и творениями хилыми, немощными, нуждающимися в костылях, ходулях, подпорках. Но если яркий и мощный мазок, уверенная и выразительная линия соседствовали порою с бледным контуром, а то и пунктиром, невоплощенной схемой и «невыполненным планом», то самой большой ошибкой было бы измерять масштаб и природу сделанного, исходя из орехов, а не побед. Сборник «Единодушные» составлялся с учетом истинной природы и подлинного масштаба поэтических свершений последних лет. Мы вовсе не пытались «дистиллировать» живую воду общего потока грузинской поэзии этой поры — стихи, вошедшие в сборник, конечно, неравноценны, неравнозначны, хотя бы в силу неравнозначности талантов и их конкретных достижений. Но сборник отмечен именно тем **единодушием**, которое подсказало и само заглавие книги. Не вам мне объяснять смысл, наполнение и направленность этого единства душ. Но я скажу, что это и **единодушие поколений** — здесь и обретшие ныне вторую поэтическую молодость поэты, давно переступившие за порог полувека, здесь и сильнейшее среднее поколение поэтов, доблестно и славно несущих едва ли не основное бремя поэтического труда дня и эпохи. Есть, разумеется, и молодые, но их мало в книге, быть может, потому, что их слишком много за ее пределами и они часто сливаются в восприятии — кристаллизация их в особый поэтический характер, в личность поэта еще не завершена. А если говорить о переводческих анонсах — о новых переводах, впервые открывшихся читателю именно со страниц «Единодушия», то я бы поделился с вами восхищением и переводами бесконечно дорогого нам Евгения Евтушенко из Отара Чиладзе, и стихами Отара Челидзе в русском преображении Владимира Леоновича — поэта могучего, богатыря духа и стиха, и тем истинным откровением, каким прозвучали переводы Бориса Резникова из Анны Каландадзе, Арчила Сулакаури, Мухрана Мачавариани, Реваза Маргиани. Причем переводы из Сулакаури — двойное открытие. Ведь буквально только что вышла грузинская книга поэта, которого читатель давно уже привык воспринимать как одного из крупнейших грузинских прозаиков. А стихи-то вынашивались, выдерживались, чтобы обрадовать ныне нас силой духа, богатством души и совершенством искусства. И читатель этих русских переводов сразу поймет, что вновь встретился с одним из крупнейших поэтов Грузии. Что касается Анны Каландадзе и Мухрана Мачавариани, то после их блистательного русского дебюта, когда их вывели на авансцену русского стиха Белла Ахмадулина и Евгений Евтушенко, такой удачи им не выпадало. Новый, нынешний этап их творчества достойно представлен талантливейшими переводами Бориса Резникова. Я не задерживаюсь на знакомых уже раньше читателю переводах Леоновича, Гольцмана, Синельникова, Куняева, Дадашидзе из Григола Абашидзе, Шота Нишнианидзе, Мориса Поцхишвили, но не могу не выделить особо «премьеру» каладзевской «Жизни лозы», в переводе которой еще раз заворожил нас феноменальный дар Беллы Ахмадулиной.

Но главное, повторяю, это то, что было **что** переводить, что грузинская поэзия совершила бросок к новым высотам, что ее глубина и серьезность, самоконтроль и строгость к себе совпадают со всесоюзным «масштабом» нашего гражданского и человеческого самочувствия, что ей по плечу задачи, выдвинутые временем, что погода, воцарившаяся в нашей республике, пошла ей впрок. А завтрашний день еще острее поставит перед ней задачи самоконтроля и требования качества, коэффициента полезного действия так же, как задачи эти стоят перед страной в целом, являясь задачами ее ближайшего будущего, которое, кстати, уже началось вместе с десятой пятилеткой.

Георгий ГАЧЧИЛАДЗЕ: В потоке нашей поэзии возникли тенденции возрождения форм 30-х годов, которые уже тогда себя исчерпали. Это давно пройденный этап, и тут правильно было сказано, что критика должна более активно и серьезно вмешиваться в этот процесс и высказывать свое принципиальное мнение на этот счет.

Для журнала «Литературная Грузия» интересный в этом отношении материал может дать упоминавшийся выше поэтический сборник. Хотя бы и в общих чертах он способен дать русскому читателю представление о тенденциях, которые имеются сейчас в грузинской поэзии. Но в этом сборнике, к сожалению, не отражены тенденции и факты, о которых здесь только что говорилось. Тут речь идет о настоящей поэзии, где намечается не только один путь, а есть перекрестные линии.

Именно в этом мне видится один из интереснейших моментов развития современной грузинской поэзии. Эти тенденции были сформированы, но мы

до конца не смогли дать им определения, не разобрались в происходящем. Думаю, сейчас настало время обратить внимание на некоторые моменты этого явления и постараться проанализировать подобные тенденции в творчестве конкретных писателей.

В связи с этим я хотел бы обратить внимание на тенденции, противостоящие линии, о которой говорил Коба Имедашвили. Это — обратная сторона публицистичности. В современной поэзии все более ощутима тенденция заземлить эту патетичность и связать ее с разговорной лексикой, говорить с людьми в атмосфере интимной, доверительной. В этом плане стихи последних лет действительно хороший повод для более серьезной беседы на эту тему.

Манана ГВЕТАДЗЕ: Я бы сказала, что грузинская поэзия — главенствующая сфера грузинской литературы и по сей день остающаяся своеобразной ее областью, где наиболее полно выявлены национальные черты грузинского народа, все накопленное традицией и привнесенное временем. Но по отношению к поэзии последних лет у меня есть одно замечание. Стало трудно читать стихи некоторых поэтов, несмотря на то, что перед тобою как будто поэзия высокого уровня. Очевидно, произошла унификация. Есть несколько поэтов со своим стилем. Это Мачавариани, Чиладзе, Лебанидзе, Каландадзе, Чаңтурия. Но иногда, читая стихи некоторых маститых поэтов, затрудняешься сказать, чьи они, настолько все это похоже. Вот тут, может быть, и проявляется тенденция идти в ногу с современностью даже в стиле. Когда же она начинает превалировать, теряется то главное и рациональное, о котором шла речь.

Теперь о лирическом герое. Конечно, он меняется, ибо «все течет, все изменяется». Но думается, не вполне серьезно ставить вопрос о его эволюции на протяжении очень короткого времени, в рамках конкретных событий, ибо определенный моральный кодекс лирического героя, борющегося за высокие идеалы, сложился давно и в принципе неизменен, и за это мы можем только быть благодарны нашим поэтам.

А то, что сейчас пишется много сереньких стихов, это не ново; так было во все времена, во всех литературах, но ориентироваться надо на то хорошее и главное, что сейчас создается, а не на то, что порою засоряет нашу прессу. Появилось много молодых авторов, их не всегда можно отличить в потоке новых имен, хотя есть и счастливые исключения. Назову, к примеру, Давида Мчедлuri. Он был для меня открытием. Это автор совершенно другого стиля, характера, видения. Показная сложность некоторых авторов начинает иногда вызывать раздражение, особенно когда она неестественна и не исходит из характера дарования того или иного поэта. Откровенность — самая ценная черта поэта. При ее наличии и гражданственность приобретает особое значение. И не обязательно равняться на эталоны грузинской или мировой поэзии. В этом плане многое могла бы переоценить грузинская критика. Я не согласна с нигилистической позицией, которую занимают некоторые грузинские писатели по отношению к грузинской критике. Такой подход мне кажется просто несерьезным.

Г. ГАЧЧИЛАДЗЕ: Надо учесть, что произошла своеобразная инфляция понятия гражданственности в поэзии. Я знаю гражданственную поэзию Анакия Церетели, Некрасова, Ильи Чавчавадзе. Ее сущность в заинтересованности писателей глобальными вопросами нации, истории, человечества. А сейчас тем же термином мы зачастую обозначаем заинтересованность сиюминутными вопросами, которые вскоре теряют свою актуальность. На это тоже должны обратить внимание критики. Конечно, это замечание распространяется не на всех наших поэтов.

Г. МАРГВЕЛАШВИЛИ: Лия Добродеева упомянула здесь раздел Отчетного доклада ЦК КПСС на XXV съезде, касающийся литературы и искусства. Нам, критикам, особенно глубоко следует вникнуть в эту часть доклада. Мы сможем найти там ключи ко многим волнующим нас творческим и организационным проблемам. При всей принципиальной преемственности идейной позиции партии здесь есть новые моменты, новые даже по сравнению с прошедшим пятилетием, с предыдущим периодом. Это вызвано новым этапом во всей нашей жизни, к чему столь чуткой оказалась партия. Разве не характерен сам перечень названных, но подразумеваемых в докладе произведений, вызывающих споры, ставящих острые вопросы, ломающих привычные догмы и представления не только о формах вмешательства литературы в жизнь, но и о процессах, о конфликтах самой жизни. Кстати мы, тбилисцы, с гордостью узнали в одном из этих произведений пьесу и сценарий нашего земляка, бывшего тбилисца Анатолия Гребнева «Старые стены». А постановка вопроса о том, как партия одергивает ретивых, привносящих в литературу и искусство дух бюрократического администрирования? Вообще доброжелательный и заботливый тон разговора о литературе и искусстве в докладе не случаен, потому что вся наша страна и все

мы, работники литературного фронта, выходим на неизмеримо более зрелый и ответственный рубеж нашей работы, чем это было даже позавчера...

Я уверен, что грузинская поэзия, несмотря на то, что ее подруга проза прекрасно чувствовала себя все эти годы и сама отнюдь не сплывала, была бы так же хороша, как говорится, на уровне; а мы должны видеть за деревьями лес, видеть и слышать, принимать истинные и глубинные процессы, происходящие в поэзии.

Г. ГАЧЕЧИЛАДЗЕ: Мы должны требовать гражданственности в поэзии, но должны знать, что понимаем под этим термином.

Заза АБЗИАНИДЗЕ: Проблемы, которые волнуют хозяйственника, иногда механически переносятся в литературу. Тема журналистского очерка лишь тогда станет и темой стихотворения, когда затрагивает проблемы, в действительности волнующие общество.

Г. ЦИЦИШВИЛИ: Мне вспомнилось в связи со сказанным выступление президента Академии наук СССР Александра на XXV съезде КПСС. Он говорил, что мы иногда много внимания уделяем временным явлениям и выпускаем из поля зрения фундаментальные проблемы эпохи и времени. Конечно, фундаментальность, возможно, и не даст результата сразу, но чуждаться больших, капитальных работ не следует. В погоне за скороспелыми стихами, отражающими заботы сегодняшнего дня, мы подчас упускаем из виду глубокие пласты жизни, требующие крупных художественных форм.

З. АБЗИАНИДЗЕ: В свое время грузинская литературная газета, которая не обходила вниманием вновь выстроенные рестораны, не напечатала ни строчки об одном выдающемся эксперименте в космосе. Бывают события, которые являются эпохальными, и долг литератора — не проходить мимо них.

К. ИМЕДАШВИЛИ: Девальвация ценностей поэтических особенно чувствуется в нашей молодой поэзии. У нас легко стало писать и публиковать стихи псевдогражданственного толка. За последние пять лет трудно назвать имена молодых поэтов, о которых стоило бы говорить всерьез. А я хорошо знаю их стихи. В чем же дело? Если сравнить этот отрезок времени с 60-ми годами в поэзии — налицо большая разница. Идут года, а поэтического пополнения пока не видно. Чувствуется какая-то пауза. Мы не смогли найти талантливых молодых поэтов, которые бы достойно представили грузинскую поэзию на всесоюзном совещании писателей. А поскольку грузинская поэзия всегда была ведущей в нашей литературе, такое положение удивляет истораживает.

Г. ГАЧЕЧИЛАДЗЕ: Несмотря на то, что Коба Имедашвили прекрасно знаком с творчеством наших молодых поэтов и с ними лично, что в этом году он докладывал в Бакуриани о молодой поэзии, все же, по-моему, сложившееся у него впечатление не совсем правильно. В отношении к этому вопросу, который, несомненно, глубоко волнует его, в большей мере присутствует момент эмоциональный, а не аналитический. Мы требуем от молодых поэтов, чтобы они сразу представили нам свое творчество в таком виде, в каком нам этого хочется.

К. ИМЕДАШВИЛИ: Но все-таки они слишком долго заставляют нас ждать желаемого результата. А может быть, мы сами плохо их ищем или, что также не исключено, плохо слышим?

Г. ГАЧЕЧИЛАДЗЕ: Я был недавно в редакции нашего молодежного журнала «Цискари» и в его приложении «Нобати» прочел новую для меня фамилию молодого автора — Али Гугуцидзе. Это было приятное знакомство.

Что же касается формы (разговор о ней представляется мне самым трудным), то, не касаясь этого вопроса в целом, я хочу сказать несколько слов о форме именно с точки зрения гражданственности, о которой здесь только что шла речь. Поскольку, к примеру, гражданственность Некрасова, Пушкина, Церетели, Чавчавадзе носит интимный характер, их поэтическая форма вылилась в образцы подлинной поэзии. Гражданственность же в стихах, опубликованных нашими поэтами, выглядит подчас как голая риторика, штамп, графарег. В грузинской поэзии в настоящее время происходит переоценка выразительных средств. В определенных группах поэтов наблюдается стремление говорить о больших, глубоких и серьезных вопросах, не повышая голоса, без патетики, простыми, обыденными словами. Значительных успехов на этом пути добились Мурман Лебанидзе, Мухран Мачавариани, Отар Чиладзе и особенно Таризл Чантурия и Анна Каландадзе. У нее появились совершенно другие интонации, в частности обращение к библейским мотивам. В ее стихах чувствуется дух исканий. Поэтому обращение к библейским мотивам я рассматриваю как обращение к нравственным проблемам. Мифологические модели и обращение Каландадзе к этим мотивам заслуживают серьезного анализа. При этом необходимо различать ее голос в общем хоре...

Давид ТЕВЗАДЗЕ: Что касается характера поэзии Анны Каландадзе, то у нее отличный от других, свой собственный поэтический мир, и к нему нель-

зя подходить с обычными, стандартными мерками. С первого взгляда может показаться, что в ее произведениях ничего не сказано о «сегодняшнем», а между тем они буквально пронизаны дыханием современности. Стих Каландадзе — образец истинной поэзии, и судить о ней по отдельным цитатам невыносимо. Нужно изучить, проанализировать каждую строчку, звук, слово, даже паузу. Я хочу сказать, что в обсуждении творчества Анны Каландадзе не следует торопиться с выводами. Своим неповторимым, подлинным мастерством она заслужила право идти своей собственной дорогой...

К. ИМЕДАШВИЛИ: Дело в том, что чисто внешняя поэтическая культура грузинской поэзии сегодня достигла довольно высокого уровня. Именно поэтому часто читателю трудно отличать истинную поэзию от непоэзии.

З. АБЗИАНИДЗЕ: Тут было сказано о недостатках, которые присущи молодому поколению, но, по-моему, не были указаны их причины. Поэты-шестидесятники, как мы их называем, будь то Отар Чиладзе, Джансуг Чарквиани или Шота Нишнианидзе, пришли в грузинскую литературу в то время, когда сама действительность требовала от поэзии наиболее непосредственного отклика. События, происходившие на рубеже 50—60-х годов, породившие новую тему в поэзии, совпали с рождением нового литературного поколения. Мы знаем поколение Ахмадулиной, Евтушенко, Вознесенского. Знаем и те выразительные средства, которые присущи поэтам грузинским и негрузинским. Это был общий для всей советской поэзии процесс. Поэтому требовать от поэтов младшего поколения того поэтического потенциала, которым наделены их предшественники, несправедливо. Они идут по проторенной дороге и не могут заявить о себе так, как это сделало предшествующее поколение, которое и явилось поколением литературным.

Я недавно был в Литве. Года два назад беседовал на эту же тему со своими московскими коллегами и могу вас уверить, что нарекания, которые вызывают у нас наши молодые поэты, высказываются не только нами.

Хочу обратить ваше внимание на несколько книг, которые характерны именно для начала 70-х. Это последний сборник Таризла Чантурия «Год спокойного солнца» — с редким сочетанием юмора, гротеска, мудрости, игры, «Лето» Эмзара Квитаишвили — «антипода» Чантурия по своему проникновенному лиризму. Назову еще последний сборник Харанаули, который «нечитабелен», противостоит нашей «читательской инерции», однако пронизан страстным драматизмом и, безусловно, интересен.

Здесь ставился также вопрос — можно ли усмотреть различие между грузинской поэзией 60-х и 70-х годов? Мне кажется все-таки, что кое в чем эта разница есть и иногда принципиальная. Лирический герой 60-х годов был более декларативным (в самом лучшем понимании этого слова) и напоминал читателю об общеизвестных истинах (хотя иногда и забытых). Он говорил о прекрасном, об этике жизни, о проблемах, которые заново обрели гражданственность... И во всем этом была печать какой-то декларативности, иногда даже экзальтированности.

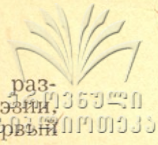
К. ИМЕДАШВИЛИ: Неужели и произведения Отара Чиладзе тоже декларативны?

З. АБЗИАНИДЗЕ: Вспомним хотя бы его «Глиняные таблички». Во всем этом была этическая программа. У поэтов 70-х годов нет надобности в такого рода заявлениях, но они все же встали перед проблемой драматизма. Если в нашей обыденной жизни ежедневно все еще возникают проблемы драматического характера, то для поэзии этот родник иссяк. На ряде примеров видишь, что сиюминутность не может питать большую поэзию. И боль, обида, неприятности не становятся фактом поэзии от того, что эта обида нанесена автору. А вот для поэзии Харанаули или Чантурия драматизм — это внутренняя необходимость.

К. ИМЕДАШВИЛИ: Харанаули уже не молодой поэт, ему сорок... Чантурия и того больше.

З. АБЗИАНИДЗЕ: В этом случае возраст не имеет значения. Своим мироощущением они отличны от склада поэтов, которых мы привыкли считать поэтами 60-х годов. Важно, когда глубокие проблемы, присущие нашему времени, проступают не в декларативном и поверхностном виде. Георгий Маргвелашвили говорил о тех прекрасных достижениях грузинской поэзии, которые вошли во вновь изданный сборник переводов. Но я думаю, что сегодня не лучшая пора грузинской поэзии. В этом есть своя глубокая закономерность. Поэзия сказала свое слово, и теперь, когда прошли годы, после принципиальных изменений в общественной жизни нашей республики, именно проза приходит к порогу зрелости, более обстоятельно отвечая на те вопросы, на которые ранее ответила наша поэзия, которая, если можно так выразиться, сейчас переживает период межсезонья. Мы должны уяснить себе кривую развития прозы и поэзии и дать себе отчет в тенденциях, присущих нашей прозе и поэзии.

М. ЗАВЕРИН: Разговор о приливных и отливных моментах в развитии поэзии, прозы и драматургии — разговор серьезный. В русской поэзии, например, начало века отмечено было необычайным взлетом. Затем на первый план выдвигается проза. Таковы же, на мой взгляд, закономерности и в грузинской литературе. Смену «прирастаний» можно наблюдать и в творчестве отдельных поэтов. У Анны Каландадзе — это наблюдение грузинской критики — в последние годы отмечают различные, сменяющиеся «стилистические пласты»: вот — звучит особенно заметный «народный акцент», вот — врывается легенда, повесть, миф. Подобную «диалектику творчества» мы можем наблюдать, вероятно, не только у Каландадзе и не только в грузинской поэзии. Есть смысл повнимательней приглядеться в этой связи к литературной карте России, Прибалтики, Армении, других республик. Тогда, пожалуй, мы сможем говорить об общих закономерностях развития всей советской поэзии, о различных ипостасях гражданского мира нашей литературы. Тогда с большей уверенностью мы достигнем органическую связь между стихом и действительностью, Словом и Делом.

Д. ТЕВЗАДЗЕ: По-моему, правы те, кто утверждает, что на данном этапе в грузинской поэзии особенно остро ощущается наплыв произведений риторического характера, а этот путь, как известно, является уже пройденным для нее. И несмотря на то, что современный поэт не может не знать цены истинной поэзии, некоторые «сочинители» облегчают себе труд и, с легкой руки ряда работников прессы и издательства, с готовностью печатающих произведения, якобы откликающиеся на текущие процессы, «выпекают» все новые и новые «творения», забывая при этом, что выражение насущных проблем требует от истинного творца художественных поисков, оригинальных и богатых форм.

Еще в 1923 году Луначарский указывал на то, что не следует путать задачи «большого, революционного искусства» с задачами «повседневного, временного, агитационного» искусства и что самое «главное — создание подлинного искусства».

С трибуны XXV съезда Коммунистической партии Грузии Нодар Думбадзе говорил, что за последнее время умножилось число литературных отбросов, подающихся под видом так называемой документальной прозы и подлинности; но читатель, по его словам, должен знать, что не всякая правда и правдивая история есть литература.

Не следует ли из всего этого, что нужно отказаться от сегодняшнего в поэзии и вообще в искусстве? Конечно, нет. Во-первых, «риторические стихи» представляют собой сравнительно небольшой (хотя и сильный) поток. Основное же течение развития грузинской поэзии направлено по правильному руслу. Во-вторых, этот поток, хотя и не является высоким образцом поэзии, содержит здоровые настроения и уже в силу этого стоит выше той «беспредметной лирики», которая наводняла литературу прошлых лет. И, в-третьих, эти сочинения хотя и на скорую руку, но в непосредственном контакте с действительностью стихи впоследствии могут только способствовать созданию истинной поэзии (таких примеров много в истории литературы).

Пресса должна пресечь поступление халтурных стихов, которые только принижают и умаляют наши будни. Литературная критика же призвана, исходя из высоких эстетических принципов, объективно, бескомпромиссно бороться с ними. Хотя нужно отметить, что пресса избегает подобных критических статей...

Г. МАРГВЕЛАШВИЛИ: Даже если принять условно, как рабочее понятие термин «межсезонье», нужно исходить из общепозитических масштабов. И тут выясняется, что «межсезонье» бывает интересным и плодотворным для сильных поэтов. Сезон — он для всех, он благоприятствует всем, а вот в «межсезонье» проверяются истинные таланты. Даже в пределах одного, примерно, поколения такие ценности были накоплены теми же Анной Каландадзе, Сулакаури, Челидзе, Чиладзе, Чарквиани, Поцхвишили, Лебанидзе. Нишнинадзе — здесь нет смысла длить этот перечень, хотя это нетрудно сделать. Я лучше назову мало вам знакомое имя — Ладо Сеидишвили. Он живет и работает в Батуми. Лишь его скромность и нашим равнодушием можно объяснить, что этот поэт, уже лет двадцать активно работающий, мало кому известен. А он вообще один из интереснейших современных грузинских поэтов и личность незаурядная. Этим летом он опубликовал в «Чорохи» отличный «Венок сонетов», закончил цикл поэтических «Монологов», где им подхвачена традиция монологов мачабелевского Шекспира. Ведь, когда Мачабели переводил Шекспира, это была не чисто академическая работа, а своеобразная форма самовыражения грузинского общественного сознания. Мачабели и Чавчавадзе взяли себе в союзники Шекспира. Эта традиция ныне живет и в поэмах Отара Чиладзе, она вот и близка Ладо Сеидишвили. Я надеюсь, что его «Монологи»

вскоре будут опубликованы и найдут путь к читателю. В них, кстати, с большой концентрацией и энергией выражены дух времени, умонастроение передовых людей республики и страны.

Так вот, я считаю, что поэты, набравшие силу в 60-х годах, особо подготовленными оказались к рубежу 70-х, и они сильны в любых жанрах, хотя разделение на жанры очень условно — литература неделима и в своем назначении, и по своей художественной природе.

И сколько тут зависит от переводчиков — дабы вынести на общесоюзную арену все лучшее, что у нас есть! И я скажу, что нам везет: если на рубеже 50-х и 60-х годов к нам пришли Ахмадулина и Евтушенко, Мориц и Чухонцев, Куняев и Соколов, то рубеж 60-х и 70-х нас одарил содружеством с такими поэтами, как Леонович, Синельников, Гольцман, Дадашидзе, Резников. Они нам нужны, и мы нужны им. Но никому не нужны разные «халифы на час», даже если они прикидываются «львами».

К. ИМЕДАШВИЛИ: Это следует учесть и журналу «Литературная Грузия».

М. ГВЕТАДЗЕ: Тут затронут круг вопросов, который не может не волновать, и поэтому воздержаться от повторного выступления трудно.

Мне понравилось выступление Абзианидзе. Оно было продуманно, но тем не менее я не во всем могу согласиться с ним. Во-первых, я глубоко убеждена, что в поэзии никто никого не заменяет. Несмотря на то, что Чиладзе великодушный поэт и Харанаули, тоже, просто нельзя сказать, что это более высокая ступень, чем Чиладзе, Харанаули — поэт, по творчеству которого трудно проследить за общими тенденциями.

Я действительно не разделяю пессимизма, который стал моден по отношению к молодым поэтам сегодняшней Грузии. Не могу согласиться с тем, что организаторы совещания молодых поэтов не смогли собрать даже нескольких представителей на него. Просто, вероятно, они недостаточно усердно их искали.

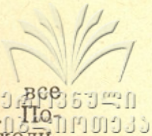
У нас могут быть разные мнения о частностях, но Мчедлтури — поэт настоящий, и это немало, потому что не все пишущие являются поэтами, тем более что сейчас пишущих очень много. Повторяю: мне трудно разделить пессимизм по поводу состояния дел в молодой грузинской поэзии. В свое время такой же пессимизм бытовал, когда начинали писать Харанаули, Стурра, Орджоникидзе. Сейчас они — поэты признанные и во многом качественно превосходят своих некоторых именитых предшественников. Вообще делать прогнозы в литературе — дело слишком деликатное. Конечно, я против безликих, сереньких стихов и за настоящую поэзию. Как уже говорилось, многое в современной грузинской поэзии оставляет желать лучшего, но и многое обнадеживает. Поживем — увидим.

Камилла КОРИНТЭЛИ: Среди стихов самых молодых поэтов порой действительно трудно найти яркие и сильные. Но мне думается, это не так уж страшно. Ведь литература, как и искусство, не может развиваться на одном накале и с одинаковой силой. Это развитие идет как бы волнами. Вот и у нас сейчас, я считаю, поэзия сильнее, чем проза. Какое-то время назад проза была сильнее, чем поэзия. Я думаю, это не должно нас особенно пугать.

Г. ЦИЦИШВИЛИ: Я бы хотел заострить ваше внимание на некоторых затронутых тут вопросах. Не кажется ли вам, что наша поэзия сейчас лишена внутреннего драматизма, что она сняла противоречия, рожденные внутренней борьбой мыслей и чувств, и как следствие этого возникла облегченность стиха? Здесь отмечалось, что его технология поднялась на новую ступень, и поэты, не обладающие большим поэтическим даром, благодаря владению изобразительными средствами достигают внешнего эффекта, за которым нет того, о чем говорил Акакий Церетели.

Мне импонирует мысль о «межсезонье» в поэзии. Возможно, это — затишье перед бурей.

Г. МАРГВЕЛАШВИЛИ: В какой-то мере то, что здесь говорили товарищи, является ответом на поставленный вопрос. Вы, Георгий Шалвович, просто подвели итог, потому что речь шла о том, что большая часть псевдопублицистических стихов — это неправильно понятая задача. Любопытно было бы сказать и об ином. Гветадзе употребила слово «унифицированность», которое связала с частью публицистического потока в нашей поэзии, но характерно, что эта унифицированность сказалась и в стихах далеко не публицистических, а претендующих на философичность, интимность; здесь еще труднее отличить одного поэта от другого. Видно, в «межсезонье» хорошие поэты оказались в каком-то смысле дурное влияние на молодых поэтов. Появилось большое количество эпигонов.

М. ЗАВЕРИН: Судя по темпераменту и жару, с каким говорили все бравшее слово, мы коснулись темы, которая действительно волнует всех. По видимому, в разговоре о гражданственности литературы мы обрели тот необходимый материал для выражения собственных волнений, во имя которого только и имело смысл тут собираться. Разговор о гражданственности — это ведь разговор о литературе вообще, о всей идейно-художественной палитре произведения. Тут, как говорится, ни убавить, ни прибавить. И никому не придет в голову всерьез зачислять в разряд гражданской поэзии, да и поэзии вообще, те «произведения тематического плана», которые давно набили читателю оскомину, но все еще продолжают появляться на страницах газет и журналов. Почему? И потому, наверно, что зачастую можно прочесть «аналитические» статьи во славу очень плохих поэтических сборников, откровенно слабых стихов. Но кто же пишет подобные статьи? Все собравшиеся здесь очень точно определили свои позиции, очень ясно высказались и о том, что хорошо, и о том, что плохо. Никто, кажется, не согласен терпеть «антипоэзию» или попросту не замечать ее только потому, что рифмованные «нестихи» существовали рядом с поэзией во все века, во все эпохи. Так кому держать ответ? Может, впрочем, не стоит забывать, что во все времена существовали и истинные критики, и «дифирамбологи»?! Последние, конечно, и писали дезориентирующие читателя статьи... А может, есть и другое объяснение?

В этой связи хочу напомнить о том месте из выступления на XXV съезде партии первого секретаря ЦК КП Грузии товарища Шеварднадзе, где он «похвалил» некоторых забывчивых руководителей, не сдержавших своих обещаний. Он действительно хвалил их, добавив, что, быть может, при таком обращении они быстрее решат все наболевшие, от них зависящие вопросы. Так вот, слушая выступление товарища Шеварднадзе, я подумал, что, наверно, он в этом случае просто воспользовался той формой «разговора», к которой столь часто прибегают литературные критики, в том числе и в Грузии. Правда, у них все всерьез — и восторги, и воспевания. Но это, по их мнению, уже сущая бездельца!

Нам, читателям, любящим грузинскую поэзию, хотелось бы почаще читать статьи, в которых давался бы всесторонний, глубокий анализ сегодняшнего состояния поэтических дел. Тогда мы четче отделили бы овец от козлиц, то бишь истинно гражданственную поэзию от всевозможных поделок и подделок. Впрочем, не забудем и сделанного: критики, в том числе и сидящие в этой комнате, немало помогли читателю — и русскому читателю — в его плавании по морю грузинской поэзии. Да читатель и сам, отбирая, запоминает полюбившиеся ему стихотворения.

Гурам АСАТИАНИ: Я хочу сказать несколько слов о молодых грузинских литераторах, которые в последнее время стараются обогатить концептуально - эстетический арсенал нашей критики новыми понятиями, критериями, категориями.

С этой целью они используют опыт и современного искусствоведения и психологии, а также некоторые способы структурного анализа.

Есть моменты, когда критика не может обойтись без этих новых критериев, когда их применение подсказано потребностью самого материала. Это — факт, и я считаю, что такие попытки в принципе достойны уважительного отношения. Их надо всячески поддерживать и поощрять.

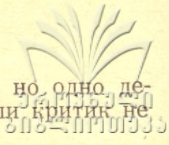
Правда, бывают и такие случаи, когда критик берется за родной материал, а он не поддается ему, не вмещаясь в его новые мерилы, и тогда критик, не смущаясь, продолжает по-своему обрабатывать этот материал, явно насылая его. Такие проявления методологического фанатизма следует предотвращать.

В целом же тенденции, о которых шла речь выше, весьма обнадеживающие, они не единообразны в своем содержании, налицо разные течения, вернее, разные отправные точки.

Литературу рассматривают с разных сторон, и она с удовольствием соглашается на это, ибо настоящая литература всегда многогранна и требует именно такого отношения к себе.

Д. ТЕВЗАДЗЕ: Несмотря на то, что после опубликования постановления ЦК КПСС о литературно-художественной критике замечаются существенные сдвиги в этой области литературы (в частности основан специальный альманах «Критика», прессе и издательствам предоставляют большие возможности для опубликования критических статей, появилась целая плеяда молодых критиков, по сравнению с прошлыми годами умножилось число критических статей, отличающихся более высоким уровнем, правильными методологическими и эстетическими принципами, критическим чутьем и прочее), нашим критикам еще многое предстоит сделать.

Некоторые утешаются мыслью, что в Грузии имеется довольно многочис-

ленная армия высококвалифицированных, эрудированных критиков, но одно дело — существование таковых, а другое — наличие самой критики. Если критик не опубликует свои статьи, то откуда же взяться критике?

Совет критиков при Институте истории грузинской литературы имени Руставели, председателем которого я являюсь, предусмотрев положение дел, вместе с Союзом журналистов республики в прошлом году устроил дискуссию на тему «Литературная критика и пресса». Дискуссия прошла счесь живо, интересно. Раскритикованы были соответствующие отделы газет и журналов, авторы отдельных статей. Симптоматично, что в прессе не только не обсуждалось это мероприятие, но в ней не нашлось места даже для информационного сообщения о нем (только газета «Тбилиси» напечатала маленькую информацию).

Г. ЦИЦИШВИЛИ: Я думаю, критики должны сомкнуться в вопросах, если позволительно так сказать, «эталоны оценки» «единого рынка потребления». Приведу один пример: мы долго не печатали стихов одного поэта, так как считали их слабыми. Но они часто публиковались в ряде центральных газет и журналов, представляя грузинскую поэзию, в которой голос этого автора почти не слышен. Частое выступление этого поэта в центральной прессе, видимо, побудило нас пересмотреть нашу правильную, принципиальную позицию, ослабить необходимую требовательность, и в конце концов мы тоже напечатали его.

Надо быть более требовательными и не допускать публикации заведомо слабых произведений, кем бы они ни протаскивались и подталкивались. Это разрывает общий фронт требовательности критики.

Вы правильно ставите вопрос — общими усилиями мы должны бороться, чтобы серенькие, безликие стихи не находили места в нашей прессе, в том числе и на страницах нашего журнала.

Л. ДОБРОДЕЕВА: Разговор о сегодняшнем состоянии грузинской поэзии, как показали выступления участников нашего «круглого стола», оказался своевременным и необходимым. Он перешел на рельсы диспута, в ходе которого были высказаны различные мнения и точки зрения. Да, собственно, однозначной оценки и нельзя было ожидать. И это, наверное, не плохо, что у каждого критика свое отношение к рассматриваемой проблеме. Но в основном они оказались солидарны, признав гражданственность главной сутью поэзии, и с этих позиций подошли к анализу положения дел в сегодняшней грузинской поэзии, тем самым высказав свою глубокую озабоченность ее судьбами.

Г. ЦИЦИШВИЛИ: Я благодарен всем вам за участие в беседе за нашим «круглым столом». Такие встречи критиков мы будем практиковать и впредь. Это явится своеобразной школой и для его участников, и для нашего читателя, которому мы в такой форме обмена мнениями поможем лучше разобратсья в тех или иных явлениях современной грузинской литературы. Кроме того, подобные встречи будут способствовать расширению поля действия грузинской критики.

Фото Бориса ПАВЕЛЬЧУКА

ПРОНИКНОВЕНИЕ

ВЫШЕЛ в свет четырехтомник сочинений Георгия Гулия. Несмотря на широкую популярность, Гулия-сын — отнюдь не баловень литературной судьбы. Его успех — это успех труженика, пахаря на ниве изящной словесности. И, быть может, поэтому лучшие, самые значительные вещи написаны им в последние годы: рука его не «исписалась» к пятидесятишестидесяти, а напротив — набрала мастерovitости...

Кто же он среди своих собратьев по перу? Какова та стезя, которой идет он прямо и твердо, ибо «служенье муз не терпит суеты»?

В какой литературный ряд его поставить?

В ряд «Гамзатова — Кулиева — Кугультинова — Кешокова»? Он ведь тоже «представитель» малого народа в большой литературе. Колорит Абхазии — душа многих его произведений.

Впрочем, пишет он по-русски. И пишет не только о людях своего края. Может быть, он ближе к Чингизу Айтматову?

Тут же возникает новое соображение: Гулия — автор целого цикла исторических романов. И возможно, он — из ряда «Чапыгин — Шишков — Злобин — Ян»?

Но вспомним его книги о поэтах. «Сказание об Омаре Хайяме», «Жизнь и смерть Михаила Лермонтова», «Дмитрий Гулия». Без сомнения, есть в его творчестве что-то общее с поисками Виноградова и Тынянова.

Гулия — юморист, сатирик. «Рассказы моих друзей» — свидетельство едва ли не зощенковского слуха автора.

А журналистика, публицистика? Они тоже весьма характерны для Гулия. И проглядывается новый ряд: «Симонов—Кожевников—Чаковский—Полевой» — ряд писателей, охотно работающих в периодической печати.

Так куда же «отнести» Георгия Гулия? На кого он похож? В какую входит «обойму»? В том-то и дело, что никуда, ни на кого, ни в какую. Похож он только на самого себя. Этим и интересен. Ведь уникальность — первый и главный признак настоящего таланта.

Что такое для нас Древний Рим и Древняя Греция? Прежде всего то, что мы знаем о них из учебников, из книг фактографических и документальных. Помним: «До каких же пор, Катилина, ты будешь злоупотреблять нашим терпением?». Но представляем ли себе того же Катилину как реального человека, сделавшего карьеру на доносах? А ведь это он, именно он, не только «злоупотреблял терпением» своих сограждан, но и убил родного брата, с губ которого сорвалось всего полслова против тирана Суллы. И это он получил за убийство половину имущества брата. Знаменитые «проскрипции» Суллы! То есть списки лиц, объявленных вне закона, за выдачу или убийство которых назначалась награда даже рабу, за укрывательство — казнь! Великолепная форма для сведения личных счетов и легкого обогащения...

Образы древнего мира становятся реальными только от прикосновения к ней художника. Волшебная лампа таланта пронзает дремучую и мрачную толщу веков, и воскресают из мертвых хрестоматийные императоры, крикливые демагоги, прославленные негодяи, великодушные герои и демократы.

Более того. Художник, наделенный даром воображения и проникновения в древность, способен показать нам известное историческое лицо так, как никто. В предисловии к книге А. Виноградова «Три цвета времени» Горький писал: «Предлагаемая книга показывает Стендаля таким, каков он был и каким его не видели до сей поры». И: «Есть художники, которые обладают искусст-

вом изображать правду жизни гораздо совершеннее, чем это доступно историкам, заслужившим титул «великих».

В романе Георгия Гулиа «Фараон Эхнатон» скульптор Джехутимес дает то самое изваяние Нефертити, которому суждено было дойти до наших дней и сохранить себя не только как памятник древнего искусства, но и снизить скакать полнейшее равноправие с искусством XX века. Как же достиг художник такой вершины?

Георгий Гулиа дает ответ на этот вопрос.

Скульптору Джехутимесу мало было простого сходства с натурой. Мало было многих дней и ночей, которые потратил он на поиски формы. Оказалось, что искусство, подлинное искусство начинается там, где кончаются внешние его признаки. Мастерство? Да, но и его мало, слишком мало для того, чтобы создать шедевр. Что же нужно? Нужно найти нечто эдакое, что способно ни больше и ни меньше как оживить камень. Что же именно? Знает это один лишь талант... «Пока владеют формой руки, пока твой опыт не иссяк, на яростном гончарном круге верти вселенной так и сяк. Мир незакончен и неточен — поставь его на пьедестал и надавай ему пощечин, чтоб он из глины мыслью стал»¹.

«Биографии» древнего энциклопедиста Плутарха — превосходный образец исторической литературы. В них нет и грана наукообразия, без которого трудно представить себе иные диссертации. Каждое слово в них будто высечено на камне. Блистательный лаконизм всеобъемлющ и «томов премногих тяжелей». Педантизм Плутарха образен, но образность его — педантична. Все-таки Плутарх — историк, а не художник.

Из биографий Суллы и Перикла, написанных Плутархом, мы узнаем много интересного. Скажем, то, что Сулла «карал смертью человеколюбие». Или — о Перикле: «...Занимая такой высокий пост, он никогда не давал воли ни зависти, ни гневу и не смотрел ни на кого как на непримиримого врага». Кстати, на эти строки еще очень давно обратил внимание Георгий Гулиа его отец Дмитрий Иосифович, автор первой истории Абхазии, человек широчайшей эрудиции и кругозора.

Гулиа-сын понимал, как трудно, как безумно трудно написать книгу о древности. Потому, что невозможно прийти в далекое прошлое «с тяжелым запасом домашних привычек, предрассудков и дневных впечатлений» (Пушкин).

С одной стороны, в античном мире жили люди, наделенные такими же страстями, чувствами и мыслями, как мы. И были не глупее нас. С другой — они были поставлены в иные условия: общество находилось на низших ступенях общественной формации. Размышляя о предстоящей книге, писатель искал то, что сближает нас с ними, а не то, что отличает и отдаляет. Может быть, потому-то и удалось создать трилогию (Эхнатон, Перикл, Сулла), явившуюся достойным вкладом в нашу и всемирную историческую литературу. Плоды мучительных поисков и исследований сочетаются у него с неожиданными, но правдоподобными догадками богатого воображения. Волшебная лампа таланта, чуткая интуиция ведут его по правильному пути.

Что же это за путь? «История мертва, — учил сына Дмитрий Гулиа. — И если писатель оживляет ее, то только ради волнующих вопросов современности». И древность, изображаемая Георгием Гулиа, поучительна для нас. Поучительна, хотя автор не преподносит нам банальных нравоучений. Поучительна потому, что Гулиа удалось оживить древних греков и римлян так же, как Джехутимесу — камень, который превратился в прекрасную Нефертити.

Иными словами — Гулиа берет из древности то и только то, что интересно нам, современникам.

Вряд ли найдется на земле человек, который не знал бы знаменитых четверостиший величайшего поэта древнего Востока Омара Хайяма — афоризмов, блестящих великолепием поэтической инструментовки и неопровержимой мудростью. А много ли мы знаем о самом Хайяме?

Да, он родился в 1048 году в городе Нишапуре, на востоке Ирана, и умер там же 83 года спустя. Да, он был не только поэтом, но еще и выдающимся математиком и астрономом, сделавшим важные научные открытия задолго до европейцев. Да, был и незаурядным философом. Но мировую известность обрел как поэт. Девять столетий — да это ведь целый Казбек времени, отделяющий нас от поэта, это прямо-таки путь на иную звезду! Между тем Эдвард Фицджеральд, замечательный английский поэт, «открыл» и впервые перевел Хайяма всего-навсего в прошлом веке. Правда, написано о бессмертном Омаре много исследований. Есть и художественные произведения, посвященные ему и не по-

¹ Н. Ушаков. Мастерство.

лучившие распространения. И все это, вместе взятое, не дает представления о великании древней поэзии, потому что не озарено волшебной лампой таланта. Живо Хайям встает со страниц книги Георгия Гулия «Сказание об Омаре Хайяме», в которой Гулия еще раз убедительно показывает не только умение писать в древность, но и перевоплощаться в ее образы.

Истоки любви писателя к Омару Хайяму — в его юности. В чайханах, рядом с роскошными тбилисскими банями, которые, как известно, любили еще Пушкин и Грибоедов, в двадцатые и тридцатые годы нашего века часто собирались знатоки и любители восточной поэзии. Здесь можно было услышать в оригинале и Фирдоуси, и Саади. Но самым любимым был Омар Хайям. Его философия, облаченная в одежды поэзии, не могла оставить равнодушным никого. Гулия был тогда студентом и вместе с дешевыми обедами поглощал драгоценные крупы метафор. Еще в детстве под руководством отца изучал он арабский, древнегреческий, фарси. В тбилисских чайханах он понял, что язык достигает блистательного апогея, будучи впряжен в золотую колесницу рубайята. Именно тогда (и — навсегда!) влюбился он в Омара Хайяма. Влюбился, как влюбляются в молодости. Многие годы вынашивал в сердце эту любовь, и вот воплотилась она в «Сказание». Правда, одной любви оказалось мало. Годы и годы поисков, чаще заканчивавшихся разочарованием и лишь изредка — находками, неутомимые блуждания по всем местам, так или иначе связанным с Хайямом, — Самарканд, Бухара, Мерв, и, наконец, — поездка в Иран, в Нишапур, где покинута прах Омара, — вот далеко не полное описание бесчисленного труженичества писателя. Но даже и оно не стоило бы и гроша, не будь озарено волшебной лампой таланта...

Лермонтов! Что нового можно сказать о Лермонтове? И кто откажется на это?! Тот и только тот, кто владеет волшебной лампой таланта. Потому что иначе нечего и думать о том, чтобы показать Лермонтова «таким, каков он был и таким его не видели до сей поры».

Гулия решился, Гулия взялся, и Гулия преуспел. Но опять-таки не «вдруг» и не сразу.

Лермонтов — это не только Москва и Тарханы, но и Кавказ. И кавказец имеет право на свой взгляд на Лермонтова, Бережно, глубоко уважительно, как сам народ, относится Георгий Гулия к своему герою. Лелеет каждую лермонтовскую тропу, хранит червонное золото его строк. «Люблю Лермонтова, — пишет один из друзей Гулия в ответ на его просьбу сказать слово о поэте. — Он весь, как натянутая струна, как сухой жар, как открытая рана. Люблю его имя, отчество и фамилию. В них словно кодовое обозначение чуда русской литературы». Так вот любит Лермонтова, любит с самого детства, с первого паломничества в Пятигорск, на священную могилу, и сам Гулия. Я беседовал с ним в период работы над книгой. «Мне хочется возвратиться к истокам и заново переосмыслить их, — говорил он, словно отменяя на время творчества все, что было написано до него. — И кроме того, я хочу написать так, как чувствую именно я, конкретный писатель конкретного времени — семидесятых годов двадцатого века». И он ничего не придумывал. Он позволял себе лишь сделать то или иное краткое замечание по поводу факта биографии или события в жизни поэта, по поводу того или иного его стихотворения, но, комментируя, только лишь высказывал свои мысли и ощущения, нимало не навязывая их и даже подчеркивая, что читатель может понимать все по-своему, и больше того: может, собственно говоря, взяться за перо и написать сам то, что считает нужным. Иными словами, он не раздражал читателя категорическими выводами и сентенциями, не подавлял его авторитетом известного писателя, а как бы советовался с ним. Человековедческое эссе или даже поэма в прозе — так назвал бы я его роман. Пожалуй, ведь только поэзия может так сильно и так прямо воздействовать на нас, как, скажем, сопровождаемая рефреном из письма Лермонтова к бабушке Елизавете Алексеевне Арсеневой («Милая бабушка, будьте здоровы и уверены, что бог вас вознаградит за все печали...») трагическая и все с большей эмоциональной силой нагнетаемая история дуэли и смерти Лермонтова, где буквально каждое слово и каждый фрагмент мрачающего пейзажа вызывают щемящее чувство удушливой тоски и физической боли за поэта, который вот-вот должен погибнуть во цвете лет и погибает, сраженный проклятой пулей. А разве не поэзия — контрастное сопоставление нежнейших строк из лермонтовского «Ангела» с эпизодами глупейших «парадировок», в которых приходится участвовать Лермонтову уже как корнету?

Мини-роман Георгия Гулия — одно из лучших произведений среди того, что есть о Лермонтове. Все здесь просто. Язык этого романа — разговорный язык с простыми вопросами и простыми ответами. Автор не стремится аускаты пыль в глаза читателю семиэтажными конструкциями фраз или на-

рочитыми упрощениями. Он ничего не снижает и ничего не приукрашивает. И в этом — эстетическая красота его произведения. Это историческая книга, которая целиком обращена к нам, людям семидесятых годов. Больше всего думает автор о себе, о том, чтобы так или иначе продемонстрировать себя и покрутиться на фоне портрета гения. Он все время как бы уходит на задний план, за кулисы. Но он режиссер этого «спектакля».

И совсем уж не думал о себе Георгий Гулиа, создавая книгу о своем отце. Но, помимо его воли, все дышит в этой книге его темпераментом, выдает его неукротимую индивидуальность. Волшебная лампа таланта потрескалась и при взгляде на собственного отца.

Начинается книга — с конца, со смерти Дмитрия Иосифовича:

«Вот он лежит, невероятно тихий, и, склонившись над ним, беру его за плечи. Сколько раз стоял я вот так, у изголовья, слушая его и веря в его могучее сердце! А сейчас он молчит, и с последним вздохом — легким, как вздох облегчения, — на его лице появляется прозрачная улыбка. Тоже последняя... И до моего сознания тяжело, словно в горячем сне, доходит невыносимый факт: нет больше у меня отца...»

Строки трепетные, полные любви к отцу, к отчему дому, с которого, как известно, начинается родина, строки проникновенные и страстные, обращенные к берегу детства, юности, молодости самого автора.

Книга об отце занимает особое место в творчестве плодовитого писателя. Год назад я познакомился с вдовой Дмитрия Иосифовича Гулиа, Еленой Андреевной, урожденной Бжалава. Маленькая седовласая женщина, щедро одаряющая собеседника добротой и радушием, — это она свила орлиное гнездо, из которого взлетел к вершинам поэзии Гулиа-отец.

Рассказ «Алоль! Алоль! Алоль!» — это романтическое повествование о том, на что способна любовь, как умеет она пробудить в человеке человека, озарить его новым взглядом на мир и, что важнее всего, — на самого себя.

Тетя Паша. Так ее все называют. Она — дежурная по гостинице. «Пассажиры» (то есть посетители) мелькают перед ее глазами, перед усталыми глазами тридцативосьмилетней женщины, никогда в жизни не знавшей любви. И вдруг... Вдруг оказывается, что глаза у тети Паши — вовсе не только усталые. А еще и красивые, и в них — не одна печаль, но и счастье. И руки у нее не просто «обыкновенные, которые много работают», а, как говорили в старину, — «аристократические». И все это увидел влюбившийся в нее проезжий художник. Это он назвал ее, Прасковью Илларионовну, почти неземным именем Алоль...

Встрепенулась душа женщины под светом волшебной лампы таланта. Слово вспомнила, что человек рожден для любви. И стала тетя Паша действительно прекрасной, такой, что даже собственный начальник ее не узнал: «...как ловко пожилой прикидывались, хитрюга!».

В рассказе этом многое держится на подтексте. Каждый читатель волен интерпретировать его по-своему. Ведь, как сказал поэт, «на недомолвках строится любовь, а также театральное искусство». Я же вижу в этом рассказе авторское кредо. Позицию писателя, который с самых первых своих строк прославляет простого, «маленького» человека и раскрывает величие его души. Вспомним хотя бы ту же «Весну в Сакене», сразу завоевавшую читателя, и ее героя Кесоу Мирбу. Вспомним «Добрый город» и Смела Куламбу, который из Сакена приехал в Москву. И Льва Николаевича Мочалова, журналиста из «Скурчи уютной». И Наташу Боровикову, учительницу, начавшую свою педагогическую деятельность в Абхазии («Каштановый дом»). Одухотворенная любовь к жизни и к людям, готовность позабыть о мелочах быта во имя заветной цели — таковы все эти герои.

Эту же линию своего творчества продолжает Георгий Гулиа и в более поздних произведениях, только все время усложняя жизненные ситуации, с каждым годом все более конкретизируя и самое обстановку, и психологические коллизии.

Невозможно, хоть раз побывав на сказочной земле Абхазии, не полюбить ее навсегда. Хорошо сказал об этом Константин Симонов: «...в глазах моих стоит далекая... Абхазия. Я вижу абхазские тополя у белых пыльных дорог за низкими живыми изгородами из трезлопной — зеленой колючки... Я вижу абхазские и мингрельские деревенские дома, чем-то похожие на свайные постройки. Я вижу справа море, чаще зеленое, но в бурю действительно черное... Я вижу грохочущие по горным дорогам грузовики... и бело-зеленый Сухуми под теплым зимним дождем. Я люблю этот край, люблю вблизи и люблю издали».

УДК 82(075)
ББК 84.001.01

Надо ли говорить о том, что Абхазия для Гулиа!

И, однако, действие многих его рассказов происходит вовсе не в Абхазии, а в других местах. Вот уже около тридцати лет живет он в Москве, и не менее чем родная Абхазия, дорога ему Волга, русские и украинцы, узбеки и аварцы, их судьбы, их радости и тревоги. И не только потому, что Георгий Гулиа — интернационалист, но еще и потому, что волшебная лампа таланта светит далеко-далеко, озаряя многие и разные магистрали, пути, дороги и тропинки...

Герои Гулиа размышляют о жизни и о смерти, размышляют так, как могут размышлять только люди XX века и только люди советские. У них новые стремления и новые стрессы, им, как и самому автору, тесно в четырех стенах, их тянет, на первый взгляд, бог знает куда, а в самом деле — в иные миры, в космос, во вселенную. Будучи в большинстве случаев людьми простыми, как их когда-то называли, «маленькими», проявляют они смелый полет мысли и ту самую «чудаковатость», которая свойственна была в старые времена лишь людям великим. И в «чудаковатости» этой — приметы нового времени. Вот рассказ «Звездочет с Рязанского шоссе». Его герой — молодой ученый, специально пошедший в сторожа, чтобы иметь время для наблюдения за звездами. Романтизм, неприземленность — в этом пафос творчества Георгия Гулиа. А вот рассказ «Коля, Николай, Николай Павлович» — о самом обыкновенном молодом портном, который видит творчество, поэзию в своей будничной профессии. Большой рассказ, похожий на повесть, называется «Все мы видели спящие реки». В нем автор возвращается в Абхазию сегодняшнюю, углубляется в проблемы злободневные, но опять-таки довлеет над всем — даже над борьбой с жульничеством, махинаторством, протекционизмом — начало романтическое: рассказ пробуждает презрение к торгашеству во всех и всяких его проявлениях — больших и малых. И герои рассказа, снова-таки люди простые, обыкновенные, оказываются очень смелыми и мужественными. Тема героизма «простого» человека прямо и без обиняков выражена в рассказе «Знойный день на юге». Во всех повестях и рассказах Гулиа непременно присутствует оттенок легкой ироничности, полуулыбка автора сопутствует даже тем героям, которых он любит. Это придает прозе некую акварельность и легкость.

Герой рассказа «Этот странный Джемал...» жаждет общения с людьми, жаждет общества, общества как можно более обширного и разнообразного, он хочет жить в густо населенных местах. А Бутба («Геофобия Андрея Бутбы») рвется в космос. Кто они, эти люди? Что-то есть в них от Эйнштейна, от Гауса, Лобачевского. Фантазеры и мечтатели, они могут заблуждаться и ошибаться, казаться странными. Но они никогда не были и не будут мелочными.

Тут-то и проясняется кредо Георгия Гулиа — преклонение перед широтой человеческой природы, перед бесстрашием помыслов, перед силой ума и науки, перед могуществом любви и искусства.

Волшебная лампа таланта освещает перед ним путь на долгие и долгие творческие годы.

Акакий Гацерелия, мастер прозы

УПОРНАЯ, продолжительная борьба горцев Кавказа, романтизированная личность Шамиля еще в юности привлекли внимание Акакия Гацерелия. Он основательно изучает иностранные летописи тех боев, вспоминает участие участников сражений, путешествует по Дагестану и, наконец, принимает решение написать биографический роман о Шамиле. Так закладывается основа осуществления большой мечты, которую Акакий Гацерелия не спеша, но твердо и последовательно реализует на протяжении вот уже трех десятилетий. Такая продолжительная и серьезная работа прежде всего говорит о большой внутренней ответственности писателя, о его увлеченности сложной темой.

«Амзат или севилийское утро в горах» — фрагмент документального эпоса «Шамиль», но благодаря художественному мастерству автора этот отрывок стал самостоятельной и, я бы сказал, блестящей новеллой. Эмоции, пробужденные в читателе произведением, построенным на историческом материале, обусловленные не только историческими фактами, но и общечеловеческими психологическими моментами, свидетельствуют о глубоком проникновении писателя в материал. Прошлое, столь остро пережитое современным писателем, естественно, определенным образом помогает нам разобратся во многих злободневных вопросах.

В грузинской советской прозе имеются произведения, которыми мы вправе гордиться. Но все же творения, отмеченные подлинно высоким мастерством, время от времени напоминающие нам о больших потенциальных возможностях нашей литературы (которые еще не исчерпаны и не растрочены), встречаются не часто. На протяжении нескольких десятков лет мы трудимся плечом к плечу и, казалось бы, хорошо знаем творчество и возможности друг друга. Но наши представления о собратьях по перу иногда оказываются недостаточно проницательными. Одним из примеров

этого является «Амзат или севилийское утро в горах» Акакия Гацерелия.

Как и других поклонников его беллетристического таланта, его вкуса и культуры, меня тотчас привлекло это произведение. Несмотря на то, что несколько эпизодов документального эпоса «Шамиль» я читал и раньше, отрывок «Амзат или севилийское утро в горах» все же произвел на меня неизгладимое впечатление. Здесь обращает на себя внимание не только мастерство, достигшее высокой ступени совершенства, но и материал, пропущенный, как говорится, сквозь призму души писателя, украшенный светом духовного богатства, веры и познания тех истинных ценностей, к которым писатель обычно прибывает в пору своей полной зрелости.

Прежде всего следует сказать об одном важном обстоятельстве. Конец главного героя этой новеллы Амзата невольно напоминает «Бакура» Важа Пшавела. Вообще описанное в «Амзате» событие приводит к выводу, что после Важа Пшавела никто в грузинской литературе, кроме Акакия Гацерелия, не показал так явственно и убедительно, что и враг может заслужить уважение, если он является носителем подлинно высоких человеческих качеств и достоинств.

Но эти же достоинства способны настроить против него даже соотечественников, ввиду чего подобный человек часто становится жертвой своих же достоинств. Акакий Гацерелия ставит целью обрисовать судьбу именно такого человека, причем существовавшего в действительности. В произведении этот характер находит талантливое художественное воплощение. С помощью предельной прозрачности фразы и мысли, отнюдь не исключающих индивидуальность почерка, писатель решает поставленную перед собой труднейшую задачу. В данном случае это обусловлено логической, непринужденной естественностью «внутренних» моментов, а не

внешними эффектами, являющимися следствием искусственных построений и стилистических манипуляций. Этой цели он достигает путем перекрестной обрисовки портретов отдельных персонажей, показом физического и духовного их облика. И наконец, ценой глубокого проникновения в суть явления, обстоятельства благодаря той способности обобщения, когда творец зримо и весомо передает в конкретном общечеловеческое и находит точную художественную форму. А все это проистекает не только из беллетристического таланта писателя, из его чутья, глубокого знания предмета, но и из всего того духовного богатства (внутренней культуры в сочетании с огромным запасом добытых неустанным трудом знаний), без которого вообще ничего достойного и значительного создано не было.

Когда я читаю «Крестьян» Бальзака, всегда ловлю себя на том, что наряду с другими достоинствами гениального мастера меня удивляет его способность, рисуя характеры, страсти, замыслы своих персонажей — крестьян, не стоять на их уровне, а представлять перед нами творцом с неизмеримо более высоким интеллектом, в силу чего он и является истинно великим реалистом, а не натуралистом. В отдельных отрывках документального эпоса «Шамиль», и в частности в «Амзате», Акакий Гацерелия предстает передо мной творцом именно такого типа.

Описанное им событие, уместившееся всего на двенадцати журнальных страницах, воспринимаешь так, будто прочитал целый том. Невозможно забыть скупо, но с большой художественной силой нарисованные персонажи генерал-адъютанта Бятинского, Евдокимова,

самого Амзата и его соотечественников — Дугу и Сураипа.

Нельзя не содрогнуться до глубины души перед лицом конца Амзата и его домочадцев во время боя. Война — возможность проявить свое мужество. И если даже человек совсем один, он должен в свою последнюю минуту найти силы вести себя так, как подобает настоящему мужчине. Глубокое возмущение вызывает поведение недостойных собратьев Амзата. О таких людях писатель мудро замечает: «...Толпа подонков и мерзавцев тогда обнажает кинжалы, когда им укрепляет спину сила врагов страны».

И трудно представить, чтобы каким-то удивительным светом не озарил душу эпилог новеллы, где Амзата, этого преданного сына своего народа, настоящего человека, достойного в горе и радости, автор называет братом и спустя сто тринадцать лет выражает сочувствие патриоту своего края.

Грузия до сих пор помнит такие набег горцев Дагестана на граничащие с Дагестаном районы, но нарисованный Акакием Гацерелия образ Амзата убеждает нас в том, что ни в коем случае вдохновителями таких набегов не могли быть люди, подобные Амзату — достойному сыну Дагестана.

Материал оживает тогда, когда к нему прилагается рука мастера. В этом нас еще раз убедила новелла Акакия Гацерелия «Амзат или севилийское утро в горах». Прочитав это произведение, невозможно не испытать настоящего эстетического наслаждения и не задуматься над многим. Ее герой в наших глазах выглядит возвышенно. Он — из числа тех людей, которые бескорыстно любят и своего честного соотечественника, и свою родину.

Жизнь ее книг

продолжается...

НЕСМОТРЯ на то, что в прошлом году грузинская литературная общественность отмечала 80-летие Сафо Мгеладзе, русский читатель ее не знает. И хотя сама писательница прошла только половину этого пути, за недолгую свою жизнь она сумела полностью познать любовь читателя. Ее романы «Лиана Лордиа», «На крыльях урагана», «По пути», лирические стихотворения и поэмы неизменно привлекали к себе внимание. Вот пример — одно письмо к Сафо Мгеладзе.

«Вашу «Лиану» я всегда ношу с собой. Она ободряет меня в тяжелые минуты... В этой полной противоречивых переживаний книге... любви возведены великолепные замки, за что я и ценю Вашу «Лиану». Как убедительны и опьяняющи эти чувства. Именно они принесли Вам победу, дорогой друг! Именно за красоту этих переживаний среди произведений грузинской литературы я выделяю Вашу «Лиану Лордиа». Именно за это мои друзья и я читаем и боготворим ее».

Эти строки принадлежат перу известного грузинского поэта Ладо Асатиани, рано ушедшего, оставшегося в нашей памяти вечно молодым.

Думаю, небезынтересно вкратце рассказать об их поэтической дружбе. Ладо Асатиани, семнадцатилетний студент Кутаисского педагогического института, в 1935 году посылает писательнице в Тбилиси письмо, положившее начало их интереснейшей переписке. Несмотря на большую разницу в возрасте, между ними завязалась теплая дружба. Много общего было у юного поэта и вдумчивой, мечтательной писательницы. К сожалению, увидеться им не суждено было.

В чем же обаяние произведений Сафо Мгеладзе, так полюбившихся читателю? Прежде всего в том, что в них с чисто женской утонченностью воспевается самое прекрасное, возвышенное чувство — любовь. В романе «Лиана Лордиа» в какой-то момент начинает

казаться, что героине грозит погружение в волны сентиментальности, но это ощущение вскоре исчезает, ибо автор тонко, продуманно ведет ее по жизненному пути. Лиана Лордиа по профессии живописец. Она отдает работе все свои физические и душевные силы. Окружающим Лиана представляется несколько странной, и, безусловно, не без основания. Ценою огромной жертвы возвращается она из мира мечты в мир реальности, чтобы в полной мере ощутить весь трагизм потерянной, отвергнутой любви. Парящую, неземную, недостижимую в своих мечтах Лиану любил Ладо Асатиани и его поколение, видевшее в ней воплощение своей мечты.

В романе «На крыльях урагана» на первый план выдвинуты социальные проблемы. Героини этого произведения всеми силами стремятся вырваться из удушливой атмосферы, порожденной режимом самодержавия, борются за крылья, которые так беспощадно обламывала окружающая среда, а главное, за лучшее будущее своей родины. Читатель в самой Сафо Мгеладзе ищет сходство с ее героинями, считает ее их прототипом. И в этом есть доля правды.

Сафо Мгеладзе родилась в живописной гурийской деревне Эцери в 1894 году. Мечтательная, романтическая девочка, декламировавшая наизусть «Витязя в тигровой шкуре», уже в восемь лет пишет свое первое стихотворение. Как верно, преданного друга запомнили ее сверстники. Они вспоминают, как самоотверженно учила девушка деревенских детей грамоте, рукоделью. Затем женский пансион, раннее замужество, семья, дети, Тбилиси. В Союзе писателей и сегодня помнят полные горячий убежденности выступления Сафо Мгеладзе, огромную популярность, которой она пользовалась.

Архив Сафо — личную переписку, записи, стенограммы произнесенных речей — свято хранят ее дочери. Жизнь Сафо Мгеладзе — писательницы продолжается.

Яркий факт испытанной дружбы

ЖИВОЙ интерес к шедевру грузинской поэзии «Витязю в тигровой шкуре» в социалистической Румынии — органическая и неотъемлемая часть испытанной дружбы, которая связывает румынский и грузинский народы, уходя корнями в глубь веков.

Интересно отметить, что впервые поэма Руставели была напечатана в 1712 г. в Тбилиси румыном — типографом Михаем Штефановичем (Штефанишвили), учеником славного грузина Антимоза Ивериели, румынского просветителя, писателя, проповедника, зодчего и художника, сыгравшего большую роль в развитии румынской культуры.

Имеются сведения, что изданный в 1938 году в Париже французский перевод поэмы¹ был известен в Румынии очень ограниченному кругу лиц. Поэма ждала своего перевода на язык Эминеску и Караджале, который сделал бы доступным румынскому читателю бессмертное творение великого Руставели.

И вот в 1947 году в Бухаресте был впервые издан сокращенный перевод поэмы Руставели. Перевод на румынский язык осуществлен В. Роман². В этом первом румынском издании поэма «Витязь в тигровой шкуре» представляет собой сказанье в прозе, переработанное для юношества. Румынская книга состоит из предисловия (без подписи), 30 глав или сказаний и заключения (всего 189 стр.) и снабжена иллюстрациями С. Кобуладзе.

Переводчица нигде не указывает, какими материалами пользовалась для перевода. Как выяснилось, предисловие принадлежит Н. Заболоцкому. В. Роман перевела его, внося лишь незначительные изменения. Вызывает сожаление отсутствие хотя бы небольшого предисловия от переводчицы либо комментариев, содержащих какие-либо сведения о том, что ее привело к Руставели, как она узнала о поэме, как работала над переводом. Благодаря переведенному В. Роман предисловию Н. Заболоцкого румынский читатель получает сведения о Грузии и об эпохе Руставели, об исторических условиях, в которых создавалась поэма. Затем дано вкратце содержание поэмы, описано место действия, даны характеристики героев.

Дополняя характеристику, данную Н. Заболоцким героиням поэмы Тина-тин и Нестан-Дареджан, В. Роман отмечает, что женщина у Руставели обладает стойким, мужественным характером. Это не беспомощная Леана Косынзьяна из румынских народных сказок³.

При сравнении поэмы на румынском языке с переводом Н. Заболоцкого выясняется, что названия некоторых глав не всегда совпадают, есть и существенные ошибки в переводе оглавлений, например: сказанье XII у Н. Заболоцкого озаглавлено: «О том, как царь разгневался на любимого везира»⁴. В ру-

¹ Ш. Руставели. Витязь в тигровой шкуре. Французский текст Г. Гвазава и А. Марсель-Паон. Париж, 1938.

² Ш. Руставели. Витязь в тигровой шкуре. Переработка с русского языка В. Роман, Лучеафарул, Бухарест, 1947.

³ Леана Косынзьяна — героиня румынских сказок, воплощение изнеженности и хрупкости.

⁴ В оригинале эта глава называется «Автандил просит Ростевана отпустить его. Беседа с везирем».

мынском переводе — «О гневе царя на своего любимого витязя». Сказанье XXIII «О том, как витязи отправились к Нурадину Фридону» — в румынском переводе «Об отъезде Нурадина Фридона». Наблюдаются неточности в написании имен героев поэмы: «Афтандил» вместо «Автандил», «Ростован» вместо «Ростован», «Шермандин» вместо «Шермадин», а также в названии местности: «Рустови» вместо «Рустави».

Как известно, поэма в оригинале состоит из трех частей: пролога, основной части и эпилога. Особое значение для уяснения проблематики и особенностей поэмы имеет пролог.

А. Барамидзе в своем труде «Ш. Руставели»⁵ приводит авторитетное мнение Н. Я. Марра: «Пролог — это образцовое творение по содержанию, по глубине мысли. Он органически связан с повествовательной частью поэмы, в нем четко звучит лейтмотив всей поэмы, в нем сконцентрированы все основные идеи и мотивы. В прологе автор представляет себя. По музыкальности, сжатости слога и образности мысли мы здесь находим лучшее, что только вышло из-под пера Ш. Руставели. Неизвестно, чем руководствовался переводчик поэмы на русский язык, когда упустил пролог, на наш взгляд, пролог является неотъемлемой частью поэмы. Он является ключом к мыслям и идеям, высказанным поэтом в поэме. В VII и VIII строфах пролога автор представляет себя».

Тем более досадно, что румынский перевод лишен пролога, который делает поэму более понятной. Наличие пролога помогло бы понять, кому посвящена поэма, какие цели преследует поэт, какова проблематика произведения, философский подход великого Руставели к любви, дружбе, жизни.

Что касается самой поэмы, то даже при поверхностном анализе можно предположить, что она переведена с вышеуказанного перевода Н. Заболоцкого (изд. 1937 г.), который, как утверждает сам переводчик, был выполнен в несколько необычных условиях. Прежде чем приступить к работе над переводом, Н. Заболоцкий в письме к Т. Табидзе⁶ писал: «Ленинградский Детиздат поручает мне сокращенный перевод и обработку для детей Руставели. Обработка, которую я делаю, послужила бы делу популяризации Руставели. Моя обработка по своему объему не будет превышать 1/3 подлинника. Тем более будет трудно в этом сжатом виде передать дух и поэтические особенности оригинала».

Как явствует из этого письма, перевод сокращен и умышленно упрощен: «Ведь Руставели написал народную вещь, в Грузии она известна всему народу, значит, и в русском переводе мы должны постараться довести до широких масс читателей... Перевод, сделанный в прозе, естественно, не мог передать художественной красоты оригинала».

Анализировать перевод в прозе знаменитого поэтического произведения несколько сложно, однако сопоставление румынского перевода с поэмой Руставели довольно интересно, так как это позволяет судить о том, как выглядит первый румынский перевод «Витязя в тигровой шкуре», в какой степени удалось переводчику сохранить художественную и философскую ценность произведения.

Нам кажется, для исследователей и руставелологов небезынтересно знать, что представляет собой первый перевод «Витязя в тигровой шкуре» на румынский язык, какие имеются сокращения, упущения, ошибки, с одной стороны, и, с другой — насколько хорошо передан смысл, какими удачными художественными приемами пользовалась переводчица и т. д. Совершенно ясно, что в прозе все экспрессивные свойства языка проявляются с гораздо меньшей яркостью, поэтому мы не будем анализировать подробно и последовательно каждую строфу, ограничимся лишь некоторыми примерами.

Поскольку, когда В. Роман работала над переводом поэмы, в Румынии был известен «Витязь в тигровой шкуре» на французском языке в переводе Г. Гвазава и Анни Марсель-Паон, осуществленный также в прозе, интересно сравнить перевод В. Роман и с французским переводом. Возьмем один из интересных афоризмов Руставели, в который вложен глубокий смысл. Развивая свою идею о равных правах мужчины и женщины, Руставели нашел яркую поэтическую формулу «Львята все равны...». Рассмотрим, как она передана в переводе.

У В. Роман: Львом детеныш одинаково любим, будь он лев или львица⁷.

У Н. Заболоцкого: Льву всегда детеныш равен, будь он львенок или львица.

У Г. Гвазава: Львята равны, будь то самцы или самки.

Из приведенного выше примера явствует, что во французском переводе сохранен правильный смысл, в румынском же переводе смысл искажен и утра-

⁵ А. Барамидзе. Шота Руставели. Изд. «Знание», Москва, 1966.

⁶ «Деятели русской культуры о Ш. Руставели». Н. Заболоцкий из писем к Т. Табидзе, с. 67. Издательство «Литература да хеловнеба», Тбилиси, 1966.

⁷ Здесь и далее предлагается подстрочный перевод с румынского.

чена мысль Руставели, провозглашающая, прекрасную прогрессивную для того времени идею о равноправии женщин: «Льва щенки равны друг другу, будь то львенок или львица».

В переводе Н. Заболоцкого — Льву всегда детеныш равен... а уже в румынском переводе скорее речь идет об отцовской любви — Львом детеныш одинаково любим.

III. Руставели говорит, что сама природа (солнце в данном случае) распределяет поровну блага на всех людей, не делая никакого различия, и приводит этот веский аргумент, чтобы призвать царицу к гуманности и справедливости. Очень жаль, что эти мысли, имеющие огромное значение для характеристики философии, носителем которой был великий Руставели, не нашли своего отражения ни в русском, ни в румынском переводе.

ვარღთა და ნეზვთა ვინათგან
მზე სწორად მოეფინების.

დიღთა და წერიღთა წყალობა
შენმცა ნუ მოეწყინების!

«Как блеснит солнце, греет золотыми лучами, будь и ты такой же милостивой к твоему народу» (В. Роман); «Посмотри, как солнце греет нас лучами золотыми, будь такой же милосердной ты с народами своими». (Н. Заболоцкий).

В описании портрета Тинатин утрачены замечательные метафорические выражения, столь образно передающие внутренние и внешние качества Тинатин, тогда как в румынском языке, столь богатом красочными метафорами, можно было подобрать эквиваленты оригиналу.

У В. Роман: «И была у царя Ростована дочь, принцесса Тинатин, неограниченной красоты и безграничной доброты».

У Н. Заболоцкого: «И была у Ростевана дочь, царевна Тинатин, и красота ее сияла, безмятежна и невинна. Слово звезды в ясном небе, очи юные сверкали, увидав красу такую, люди разум свой теряли».

Однако в целом В. Роман в переводе хорошо передала смысл, сохранила сюжетную линию поэмы, а также ее художественные особенности: стилистические обороты, метафоры, сравнения, эпитеты, которые находят соответствие в румынском переводе, несмотря на то, что перевод сделан в прозе. В румынском языке имеются яркие стилистические обороты, сходные с грузинскими, и переводчица нашла очень подходящие формулы для перевода многих метафор, эпитетов, метафорических выражений бессмертной поэмы на румынский язык.

Приведем для примера несколько из них.

III. Руставели

რა ვარღმან მისი ყვაილი
გაახმოს, დაამკნაროსა,
იგი წავა და სხვა მოვა
ტურფასა საბაღნაროსა.

В. Роман

Вот в прекрасном моем
саду увядает роза, но
вместо нее расцветает
другая.

Н. Заболоцкий

Вот в саду моем пре-
красном сохнет роза, увя-
дая, посмотрите, ей на
смену появляется другая.

В. Роман находит точные эквиваленты в румынском языке для прекрасных строк Руставели.

III. Руставели

ვარდი თუ გახმეს,
ეგრეტა გემართებს მისივე
ჯერობა

მისივე ჰმეტობს ყოველსა.

სული და ტურფა ფერობა
მთვარესა მცხრალსა
ვარსკვლავმან ვითამცა
ჰკადრა მტერობა?!

В. Роман

С умирающей луной не
может сравниться ни
одна звезда, которая
светит на небе.

В твоём прекрасном са-
ду вянет роза, а увяд-
шая роза благоухает
сильнее всех остальных.

Н. Заболоцкий

С умирающей луной,
сколько звезд ни све-
тит в небе, не сравнить-
ся ни одной.

Пусть в саду твоём
прекрасном роза тихо
увядает, увядающая ро-
за слаще всех благоухает.

III. Руставели

ღღეს არა, ხვალე
მოკვდები,
სოფელი ასრე მქმნელია.

დაგიღრეჯია, მეფეო,
აღარ გიცინის პიროო.

სიცილით ლაღობს, მიეცა
გულით ამოსვლა დარღისა.

В. Роман

Смерть ко мне стучится
в дверь.

Солнце наклонялось к
закату, золотистый день
заканчивался.

Почему твой гордый
лик оттенен печалью?

С его утомленного ли-
ца стерся всякий след пе-
чали.

Н. Заболоцкий

Смерть ко мне стучит-
ся.

Солнце близилось к за-
кату, день померкнул зо-
лотой.

Почему твой лик пре-
красный затуманился
тоской?

И уныние слетело с
утомленного лица.

Интересно и образно звучит на румынском языке:

Ш. Руставели

ზოგსა გადაჰკრის მთარაზი
მკერლამდის გასაპოხელად

В. Роман

Кровь текла из рассе-
ченной груди. Лошади
храпели. Люди падали
как снопы.

Н. Заболоцкий

Он иных ударом плети
рассекал до самой груди,
Кровь текла, храпели
кони,
Как снопы валились
люди.

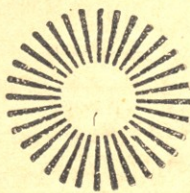
Несмотря на большие сокращения и то, что перевод сделан в прозе, приятно отметить, что не утрачены прекрасные афоризмы, мудрые изречения Руставели хорошо переведены на румынский язык.

После сравнительного анализа отдельных строф становится очевидным, что румынская переводчица совершенно не пользовалась французским текстом (упомянутый выше перевод Г. Гвазава и А. Марсель-Паон), напротив, у нее очень большие расхождения с французским текстом.

Анализ показал, что В. Роман переводила с русского перевода Н. Заболоцкого и никакими другими источниками не пользовалась. Нужно признать безусловно большую заслугу переводчицы, которая при наличии одной только книги Н. Заболоцкого взялась за такую трудоемкую работу и так хорошо с ней справилась. Особое значение этот перевод приобретает, если учитывать время его появления — 1947 год, когда поэма Руставели была известна только лишь в нескольких странах, а в Румынии вообще очень мало знали о грузинской литературе.

Появление такого шедевра грузинской литературы, как «Вепхисткаосани», на румынском языке является очень важным фактом именно потому, что первое знакомство румын с грузинской литературой произошло через Руставели. Нет сомнений и в том, что последующие переводчики В. Кернбах и даже переводчик отдельных глав поэмы Думитру М. Ион были знакомы с переводом В. Роман и он оказал на них определенное влияние.

Благодаря переводу на румынский язык поэмы Ш. Руставели, выполненному В. Роман, румынский читатель познакомился с бессмертным творением великого поэта, его прогрессивной философией, мудрыми понятиями о дружбе, о любви. В этом мы и видим важное значение появления данного перевода в Румынии, в чем большая заслуга переводчицы В. Роман.

Я СЛУШАЛ БАГРИЦКОГО...

ЭТО БЫЛО почти полвека назад. В 1928—1932 годах мне довелось видеть в Москве в Большой аудитории Политехнического музея и в клубе Федерации объединения советских писателей на улице Воровского в доме № 52 знаменитых поэтов нашего времени — Владимира Маяковского, Эдуарда Багрицкого, Владимира Луговского, Михаила Светлова, Александра Безыменского, Александра Жарова, Иосифа Уткина, Джека Алтаузена и многих других.

Да, это было большое счастье — видеть и слушать таких выдающихся представителей нашей творческой интеллигенции. Как ярчайшее событие, на всю жизнь запомнились их живые образы.

Эдуарда Георгиевича Багрицкого я видел и слушал в 1932 году в клубе писателей на улице Воровского, где сейчас находится правление Союза советских писателей СССР.

Эдуард Багрицкий запечатлелся в моей памяти высоким, плечистым человеком. Серебристые волосы украшали его мужественное лицо, лицо поэта, мудрого оратора, друга-собеседника и охотника. Он был обут в высокие охотничьи сапоги. Любитель природы и охоты, Эдуард Георгиевич в 1923 году в стихотворении «Осень» писал: «...Я свистну собаку, возьму ружье и в сумку засуну хлеб... И вот над садами и над водой охотничий день встает». Голос у Багрицкого был могучий, зычный, но какой-то спокойный, убедительный и приятный.

И весь его несколько грузноватый облик, крупное лицо, пробор в густых посеребренных сединах, густой, мягко рокочущий голос, неотразаемая сила его великолепного — сочно, колоритного — слова все больше напоминают мне теперь другого его жреца и волшебника — народного поэта Грузии Георгия Николаевича Леонидзе. Их роднило даже столь страстно любимое обоими Черное море — от Батуми до Одессы, родного города Багрицкого, где он родился, где впервые прозвучали его ранние стихи.

Но вернусь к тому памяtnому, дорожному сердцу вечеру в Москве в 1932 году. Особенно хорошо запомнился мне ответ поэта на вопрос одного из слушателей. Речь шла о прочитанной Багрицким поэме «Смерть пионерки», фабула которой, как известно, основана

на событии, имевшем место в действительности: сын Эдуарда Георгиевича был дружен с пионеркой Вале́й, которая, заболев скарлатиной, умерла. И она действительно отказалась от крестильного крестика. На этой поэме воспитывались целые поколения детворы и молодежи. И мне тоже с тех пор навсегда запало в душу это замечательное произведение. Оно настолько взволновало и покорило меня, что я набрался смелости перевести его на грузинский язык. В этом моем переводе «Смерть пионерки» была опубликована в 1965 году в республиканском молодежном журнале «Цискари» (№ 11), а спустя шесть лет вошла в книгу «Стихотворные переводы», выпущенную издательством «Мерани».

Слушатель, обративший к Багрицкому с вопросом, не вполне разобравшись в поэтическом инвентаре прочитанных поэтом строк, спросил его, почему он употребил слабые рифмы и повторил вместо рифм одни и те же слова: «молодость», «нас» и «мы». За этими повторами он не заметил богатых, близко стоящих и звучных внутренних рифм: «боевые лошади» — «на широкой площади» и т. д. Чтобы не смущать спрашивающего, Эдуард Багрицкий ответил, мягко улыбаясь:

— Дело в том, что надо суметь с такими рифмами или даже без рифм написать хорошую поэму...

В конце вечера он прочел свои стихи. Особенно пламенно прозвучало в его исполнении стихотворение «Разговор с комсомольцем Н. Дементьевым», который был на десять лет моложе Багрицкого, что не мешало их дружбе. Потом они вместе впервые перевели стихи Назыма Хикмета. «Коля, не волнуйтесь, дайте мне...» — обращается к Дементьеву Багрицкий:

Пусть другие дразнятся!
 Наши дни легки...
 Десять лет разницы —
 Это пустяки!..

Произведения выдающегося советского поэта Эдуарда Багрицкого, глубоко эмоциональные, напоенные революционной романтикой, лиричные, звучные, богатые могучим ритмом, оригинальными эпитетами и полнокровными образами, и по сей день воскрешают в моей памяти голос их автора, его неповторимую манеру чтения и общения с аудиторией.

КОГДА играет Лексо Торадзе, с первых же тактов слушателем овладевает ощущение свободы, артистической раскованности и непринужденности. Вот прозвучали три сонаты Скярлатти, блеснули ослепительными гранями и растаяли в воздухе. Коротки эти чудесные мгновения, рожденные композитором и реализованные пианистом, но чувство причастности к Прекрасному, к настоящему искусству остается надолго... Вместишь в столь минимальные масштабы так много неожиданного, разного, причудливого — от бурного веселья Первой и Второй сонат до углубленной лирики и нежно-ласковой сдержанности Третьей, от приподнятой, взволнованной романтичности до сдержанной, суровой задумчивости, — сумеешь подчинить обостренное ощущение момента неумолимой логике стремительной формы, некоторую рафинированность старого мастера динамичности сегодняшнего дня, приведа тем самым в виртуозное равновесие темперамент и требование вкуса, эмоционально-красочный поток и тонкую психологическую нюансировку — все это значило захватить аудиторию, заставить ее затаив дыхание ждать «материализации», воплощения, раскрытия того, что только что промелькнуло, сконцентрированное и сжатое во времени...

В чем же причина душевного волнения, испытываемого по воле музыканта? Ответ напрашивается сам собой: талант и мастерство. Да, именно это сочетание, этот сплав дарованного природой и завоеванного неустанным трудом каждый раз пробуждает в нас высокие чувства, называемые эстетическим наслаждением.

Может возникнуть вопрос: не рано ли говорить о мастерстве двадцатитрехлетнего Лексо Торадзе? К чему же должен стремиться музыкант в будущем, если мастерство уже достигнуто? Нет, не рано. Мастерство, как и талант, категория не абсолютная, не застывшая. Достижением его определенной ступени не прекращается восхождение к новым верши-

МОЛОДО, ТАЛАНТЛИВО

нам, открытие новых, безграничных возможностей совершенствования.

Разумеется, все еще впереди у молодого музыканта, и ему предстоит трудный, но увлекательный путь, тающий в себе радость побед и, возможно, горечь неудач. Мы же говорим о той степени технического, исполнительского мастерства, без которой нет необходимой свободы самовыражения и даже яркие творческие намерения подчас так и остаются намерениями, не нашедшими своего выражения.

Глубокий, вдохновенный мир бетховенского гения таит поистине неисчерпаемые возможности для исполнителя. Именно здесь пианист проявил основные черты и свойства своего дарования. В основе его лежит глубокая внутренняя контрастность между бурным, порывистым, юношески-стихийным началом и высокой сдержанностью, достоинством, не позволяющим выплескивать наружу все сокровенные переживания и рождающим одухотворенную строгую простоту и мудрость — не боясь этого слова, обозначаю им некое врожденное нравственное свойство интеллекта, не зависящее от опыта и прожитых лет.

На концерте в Малом зале Тбилисской филармонии были исполнены Седьмая и Тридцатая сонаты Бетховена. Можно сказать, что исполнение было предельно романтизировано — подчеркнутая, яркая акцентация, смелые

тембровые и динамические сопоставления, непринужденно-свободное, как бы импровизационное построение фразы. И вместе с тем — обостренное чувство ритма — этого могучего стержня бетховенской музыкальной драматургии, точное ощущение формы, структурного равновесия, архитектурной завершенности. Более того, даже моменты наиболее искреннего лирического повествования всегда контролируются строгим взглядом со стороны, критической самооценкой.

В финале Седьмой (да и Тридцатой с ее бурной мягкостью, заставляющей вспомнить Шумана) сонаты есть разделы гармонических, тональных, структурных поисков, «блужданий», «неопределенностей», столь типичных для романтиков, особенно для Листа и, в частности, для исполненных в том же концерте его вариаций на тему Баха. И тут появляются большие возможности для яркой, открыто-эмоциональной внешней выразительности. Заманчиво, вполне закономерно и оправданно.

Однако Лексо Торадзе идет иными путями. Не подчеркивая остроты и неожиданности перемен, красочной выразительности резких граней и внезапных переходов, уходя от внешних атрибутов переживания, музыкант увлекает нас в его сокровенные глубины, передавая ощущение тревоги и туманной печали, неясного намека и горестного полувопроса, невысказанности тончайших движений человеческой души. Отсюда рождается чудесное piano, полное внутреннего трепета, глубокой сосредоточенности и вместе с тем какой-то благородной недоговоренности, как бы призывающей нас к самостоятельному углублению и развитию мира образов, рожденного магией звука. Эта сдержанность, «философичность» яркой и страстной эмоции в высшей степени проявилась и во второй части Седьмой сонаты, и в Тридцатой сонате, и, как уже было сказано, в листовских вариациях.

Однако все богатство и нюансы глубоких, тонких переживаний, вся сфера «интеллектуализированной» романтичности не заслоняют, а лишь подчеркивают великолепно переданную мощь, несо-

крушимую силу и напор бетховенского духа. Здесь проявилась еще одна черта этого поистине многогранного таланта — его масштабность, умение мыслить крупным планом, строить пласты длительного нарастания динамики, завершаемые мощной и точной кульминацией.

Итак, можно сказать, что если исполнение сонат Скарлатти было некоей заявкой, оповещением о своем творческом «я», то в произведениях Бетховена состоялась реализация этой заявки, полное и всестороннее раскрытие личности молодого музыканта.

В исполнении произведений Листа и Франка (Прелюдия, Хорал и Фуга) проявились блестящие, виртуозные данные Лексо Торадзе, яркое, колористическое владение тембрами («органность» и «оркестровость» фортепианного звучания) и динамическими мощностями высокого накала.

В заключение концерта прозвучала «Альборада» Равеля — сочинение, стилистически резко контрастирующее с остальной программой и предъявляющее исполнителю совершенно иные требования, проистекающие из самой сущности импрессионистического искусства. После длительного, сосредоточенного пребывания в сфере глубокой выразительности классико-романтической музыки — резкий переход к тонкой звукописи, ярким моментальным зарисовкам, ликующей, ослепительной изобразительности.

С первых же звуков нас захватывает острая ритмика бурного праздничного ликования. Но вот его сменяет затаенное, таинственное дыхание благоухающей южной ночи, ощущение свежести, движение воздушных потоков и неясных, как бы размытых под дождем контуров летнего ландшафта.

И вновь яркая вспышка, вихрь прихотливой, расцвеченной неожиданными красками вереницы калейдоскопически сменяющихся образов, захваченных единым порывом, неукротимым стремлением к ослепительной кульминации... Это было достойное завершение прекрасного вечера, неожиданное, как и его начало.

Бондо АРВЕЛАДЗЕ

«КРАЙ

РОДНОЙ

У НАС

ОДИН...»

В ИДНЫЙ представитель армянской литературы прошлого века, основоположник армянской реалистической драматургии Габриэл Сундукян один из популярных писателей в Грузии. Эта любовь нашего народа к нему обусловлена не только его творчеством, но и всей его благородной личностью. Г. Сундукян постоянно внушал своим соотечественникам чувство любви и уважения к грузинскому народу. Большой благодарностью к нему проникнуты слова писателя, произнесенные на юбилее Р. Эристави: «Скажу от имени нашего рода, что мы, воспитавшиеся в Грузии армяне, вскормлены на грузинской земле. Мы всегда разделяли и будем разделять горе и радость Грузии» («Национальный праздник», Тбилиси, 1899, с. 37). В связи с 30-летием постановки «Пепо» он также подчеркивал: «Я трудился для сцен одинаково дорогих мне двух родных народов — грузинского и армянского, старался выразить в своих произведениях высшие общечеловеческие чувства и мысли» (газета «Цнобис пурцели» от 4 мая 1901 года).

Габриэл Никитович Сундукян родился 20 июля 1825 года (по старому стилю) в Тбилиси. Все члены его семьи хорошо говорили по-грузински; их письма близким, написанные на грузинском языке и хранящиеся в Ереванском театральном музее, составляют большой том.

Начальное образование Г. Сундукян получил в частном пансионе, где учился в 1833 — 1838 годах. С 1838 по 1840 годы в пансионе известного армянского писателя и общественного деятеля Х. Абовяна он овладевал русским и армянским языками. В 1840 году поступил в Тбилисскую классическую гимназию, которую закончил в 1846 году. Затем вместе с другими одноклассниками (Иасе Чавчавадзе, Г. Цинамдзгвришвили и другими) продолжил учебу на отделении восточных языков историко-филологического факультета Петербургского университета. Именно в этот период Г. Сундукян приступил к изучению русской литературы, горячо увлекался театром. В 1850 году, окончив университет, он вернулся в Тбилиси и поступил на государственную службу.

За распространение новых идей молодого драматурга в 1853 году сослали в Дербент.

Как выясняется, особую заботу о его переводе в Тбилиси проявил Г. Орбелиани, составивший ходатайство перед начальником гражданского управления Закавказья.

На государственной службе он находился полвека. Скончался 16 марта 1912 года в возрасте 87 лет. Похоронен в Тбилиси.

Г. Сундукян — первый армянский писатель, избравший аренной деятельностью театр. Своей драматургией он способствовал развитию и укреплению армяно-грузинских литературных связей.

Внимание зрителей и литературной общественности привлек первый водевиль Г. Сундукяна «Вечер — один нос выгоды». Это — острая сатира на мелко-торговые круги Тбилиси. Главный герой — купец Оскан Петрович — всеми силами старается разбогатеть. Для этого он решает взять под аренду театр, хотя не имеет о нем ровно никакого представления.

Следующее произведение драматурга — пьеса «Хатабала» (написана в 1879 году). Действие ее происходит на фоне тбилисской жизни в середине XIX века. В этом довольно крупном произведении проявилось отрицательное отношение автора к купцам и ростовщикам; главное действующее лицо здесь Замбахов — типичный представитель тбилисской ростовщической буржуазии. Человека, вещи, ценности разного рода — одним словом, все он измеряет деньгами. Для него не существует совести и чести. С помощью лжи и обмана пытается он построить свое человеческое счастье, приобрести богатство. С этой целью и свою уродливую дочь Маргариту намеревается выдать за молодого образованного человека Георгия Масисянца, обманув его, но эта затея разоблачается.

Интересен реалистический художественный образ Масисянца, характерный для общественной жизни Тбилиси середины XIX века. Как раз в тот период на арену вышли грузинские «тергдалеули», ополчившиеся на устаревшие формы общественного мышления. Это явление в истории грузинской литературы известно как борьба «отцов» и «детей». Аналогичное положение наблюдалось в жизни армянской общественности. Георгий Масисянц — представитель этого поколения. Трезвый, критический подход помогает ему понять, что новизна в жизни носит только внешний характер, что в сущности еще никаких сдвигов в душе народа не наблюдается. В одном из диалогов он говорит: «Тбилиси становится похожим на просвещенный город, но важно, чтобы душа народа просветилась, и с этой стороны, как я вижу, мы пока очень далеки от цели». Не случайно упоминаются в пьесе и воды Терека: Г. Сундукян имеет здесь в виду грузинских «тергдалеули». А это еще раз указывает на тот факт, что среда, которую описывает он в своих произведениях, в частности в «Хатабале», это общественно-политическая жизнь Тбилиси.

Внешние признаки героев своих пьес Г. Сундукян тоже берет из грузинской действительности. Взять хотя бы их имена — Кетеван, Наталья, Георгий и другие. Или одежду. Вот, например: «У Натальи есть два настоящих грузинских платья». Кетеван — «...в грузинской одежде» и т. д. Драматург и в других пьесах особо указывает на грузинские наряды своих персонажей, и это выглядит совершенно естественным, поскольку все его герои тбилисцы, порожденные грузинской действительности.

Маргарита относится к типу несчастных женщин — отец превратил ее в предмет торговли. Когда его проделки раскрылись, в наихудшем положении оказалась именно она. Георгию жалко ее, и, извиняясь перед ней, он говорит: «Сердце болит, но я невольно стал причиной ваших неприятностей, прощайте».

Прототипом Г. Масисянца, видимо, является сам автор. Если Г. Сундукян когда-либо устами своих героев высказывал свои общественные взгляды, то в первую очередь их рупором можно назвать художественный образ Георгия Масисянца. Это подтверждает и воспоминание И. Гришавили: «Во время моего суфлерства от грузинских актеров слышал, что «Хатабалу» автор написал о себе... в Масисянце себя показал...».

Пьеса Г. Сундукяна «Хатабала» на грузинской сцене впервые была поставлена в 1877 году самим автором. Примечательно, что пространную рецензию этой постановке посвятил Акакий Церетели.

Лучшим образцом творчества выдающегося армянского драматурга, несомненно, является «Пепо» (1871). Тема пьесы бытовая. Взята она из жизни Тбилиси середины прошлого века. Богатый тбилисский купец Арутюн Зимзиков был должен отцу Пепо, потерявшему вексель. Воспользовавшись этим, Зимзиков отказывается выплатить долг. Наконец, Пепо находит вексель. Купец просит его не подавать в суд и обещает дать денег больше, чем должен выплатить.

Пепо как честный и порядочный человек не соглашается. К тому же он никому не позволяет оскорбить себя. Пепо пытается разоблачить Зимзимова, всем показать его нечестность, восстановить справедливость не только для себя, но и для всех, для народа.

Еще Сергей Месхи обратил внимание на эту принципиальность: «Пепо такой человек, мозги которого работают, который хорошо понимает ход жизни, который знает общественные порядки и строй. Если кинто и принципы совместимы, тогда я сказал бы, что Пепо человек с принципами». Здесь правильно подчеркнуты справедливость Пепо и его прямой характер, четко вырисовывающийся в отношениях с Зимзимовым.

«Пепо» — художественное произведение социального плана. Правда, Г. Сундукян не доходит в нем до признания классовой борьбы. Он призывает Пепо к порядку, так как в силу своей классовой ограниченности не мог видеть способность к классовой борьбе в трудовом народе (Пепо), который в результате развития капитализма превращался в активную силу.

Пьеса эта в Грузии впервые была поставлена на сцене Кутаисского театра. На это событие откликнулась газета «Дрозба» (1874, № 442), писавшая, что все присутствовавшие на представлении вынесли о ней хорошее впечатление. Особенно привлек зрителей характер Пепо, заслуживший сочувствие нашей общественности.

Интересна пьеса Г. Сундукяна «Еще одна жертва», окончательную редакцию которой автор завершил в 1870 году. Это произведение тоже построено на материале тбилисского быта прошлого века. Богатый купец Бриллиантов хочет женить своего сына-повесу на красивой дочери Суратова—Анани. А она любит Михаила, который тоже равнодушен к ней. Слабохарактерную Анани все же уговорили, и она выходит замуж за сына Бриллиантова. Михаил потрясен вероломством и жадностью людей.

«Тергдалеули» Михаил, который мыслит по-новому, пытается провести в жизнь свои взгляды. Даже отец—представитель старого поколения—выступает против сына. Между ними пропасть, отец—Саркис в лице Михаила критикует тех молодых людей, которые после получения высшего образования приезжали из России с большими намерениями, горя желанием бороться за новые общественные идеалы, но на арене практической деятельности, столкнувшись с первым же препятствием, опускали руки. Михаил не похож на таких молодых людей. Наставление отца позаботиться об устройстве собственной жизни он ни во что не ставит, и чем больше усиливается наступление отца, тем упрямее становится Михаил. Правда, в любви он терпит неудачу, но, по мнению драматурга, это вовсе не означает его идейного поражения.

Здесь же заметим, что в пьесе четко передана лживость буржуазного круга и его духовная нищета, что указывает на его неминуемый крах.

«Еще одна жертва» впервые была поставлена на грузинской сцене в 1876 году. Роль Михаила играл Акакий Церетели.

В пьесах Г. Сундукяна «Разоренная семья» (1882), «В банном узелке» (1907) и других описан быт тбилисских купцов второй половины XIX века. В ткани художественного языка широко использованы грузинские слова, песни, пословицы и поговорки.

Передовая грузинская интеллигенция с самого начала прониклась уважением к личности и творчеству армянского драматурга. Несколько стихотворений посвятил ему, например, Акакий Церетели. В них переданы любовь и дружеские чувства грузинского народа к братскому армянскому народу и его выдающемуся сыну:

Ты армянин, а я грузин,
Но оба братья мы родные.
И край родной у нас один —
Кавказа выси ледяные.

В советскую эпоху эта многовековая дружба грузинского и армянского народов поднялась на качественно новую ступень, так же как и их литературно-культурные взаимосвязи. И сегодня грузинский народ вместе с другими народами Советского Союза с благодарностью отмечает 150-летие со дня рождения славного сына армянского народа, большого гуманиста Габриэла Сундукяна.

В НЫНЕШНЕМ году грузинская общественность отмечает столетие со дня рождения писателя и общественного деятеля Иосифа Захарьевича Имедашвили (1876—1952). Деятельный XIX век подарил нашей культуре многих общественных деятелей самого широкого плана. Такая разносторонность, приложение творческих сил в самых различных областях знаний и искусств были присущи и Иосифу Имедашвили. Бывший церковный крестьянин, он благодаря своему таланту и трудолюбию стал одним из основателей и первым режиссером двух рабочих театров в Тбилиси, книгоиздателем, писателем, редактором и издателем журнала «Театри де цховреба» («Театр и жизнь»), профессиональным революционером, познавшим категорию, составителем «Словаря иностранных слов»... Истинный патриот и интернационалист, Иосиф

Имедашвили не мыслил развитие грузинской культуры без кровной связи с культурами других народов. Им был издан на грузинском языке сборник произведений А. С. Пушкина, а в 1902 году — сборник рассказов Максима Горького. Иосиф Захарьевич Имедашвили близко знал не только грузинских писателей и деятелей культуры XIX и первой половины XX века. Он встречался с Горьким, Есениным, Исаакием, Сундукяном, Туманяном и другими выдающимися представителями братских народов. Об этих встречах рассказано в книге воспоминаний И. З. Имедашвили. В этом году книга выйдет в издательстве «Хеловнеба». Ниже публикуется отрывок из воспоминаний Иосифа Имедашвили о встречах с армянским писателем Г. Сундукяном, юбилей которого в этом году отмечает вся советская общественность.

Иосиф ИМЕДАШВИЛИ

Встречи с Габриэлом Сундукяном

САМ ПОЖАЛОВАЛ!

В ДЕВЯНОСТЫХ годах прошлого века, через год после того, как стихла эпидемия холеры, ученики ремесленной школы — любители сцены поставили публично в бывшей бесплатной чайной на Авчальской улице пьесу Авк. Цагарели «Что видел — больше не увидишь!». Так в 1893 году мы положили начало деятельности рабочего театра.

В 1894 году мы поставили спектакль по пьесе Г. Сундукяна (1825—1912) «Пепо». В спектакле были заняты: Арутин Зимзимов — автор этих воспоминаний, Ефемия — Нино Накашидзе, Пепо — Г. Джабаури, Шушана — Софья Ломаури, Кеке — Софья Цицишвили (или Анна Чачибая), Какули — Давид Швелидзе, Гико — Исако Дзнеладзе, Самсон — Илья Накашидзе и др.

Зал был заполнен до отказа самой разнообразной публикой — рабочими и ремесленниками, женщинами и детьми.

Как только занавес опустился после последнего действия, зал взорвался аплодисментами, а среди нас прошел шепоток:

— Сам Сундукян пожаловал!

Сердце у меня отчаянно застучало, и я испугался: сейчас нам от него достанется!

Не прошло и минуты, как из-за кулис вышел на сцену пожилой, привлекательной внешности мужчина, тщательно выбритый и по-европейски одетый.

— Здравствуйте, молодые люди, здравствуйте! — обратился он к нам и каждому пожал руку. Пожимая руки Нино Накашидзе и Софье Ломаури, он поцеловал их в лоб и произнес: «антик». Мне он крепко пожал руку и сказал: «Настоящий Зимзимов, иф, иф...», «А вы — подлинный Гико, а вот Пепо — настоящий, Какули превосходный», — с восторгом приговаривал автор «Пепо».

Эти похвалы показались мне преувеличенными, и я, с трудом подбирая слова, начал лепетать:

— Простите, пожалуйста, нас, уважаемый, но у нас не получилось так, как у настоящих артистов. Конечно, нам далеко до Васо Абашидзе, Мако Сафаровой, Нато Габуния и...

— Кто ваш режиссер? — прервал меня Сундукян.

— Он сам — наш Зимзимов, — указал на меня Исако Дзnelадзе.

Сундукян еще раз крепко пожал мне руку и сказал:

— Почему вы считаете, что «не так получилось»? Меня очень радует, что вы превосходно сыграли «Пепо». А что касается большой сцены — то Васо, Нато, Мако — это душа и сердце моих пьес. Умрут они, — да продлит господь их дни, — умрут и мои пьесы... Они — мастера сцены, вы же не играете, вы будто пришли из самой жизни, будто на сцене — вы сами!..

Эти слова Габриэла Сундукяна очень подбодрили меня, да и всех нас, вселили уверенность в то, что мы делаем полезное дело. К сожалению, определенная часть интеллигенции в то время скептически относилась к нашей деятельности.

Окрыленные похвалой Г. Сундукяна, мы после «Пепо» в клубе железнодорожников и рабочих депо (в тогдашней Нахаловке — в районе переходного моста) поставили «Хатабалу» («Переполах») с участием Нато Габуния-Цагарели (1859—1910) и Мако Сафаровой-Абашидзе (1860—1940), в которой я исполнял роль Замбахова. В авлабарском театре нами был поставлен «Разоренный очаг» (я играл Осепу), а в составленный мной сборник пьес «Зеркало жизни» я поместил переведенную Д. Тер-Давитяном (1869—1901) на грузинский язык пьесу Г. Сундукяна «Оскан Петрович на том свете».

БОЛЬШОЙ ДРУГ НАШЕГО ТЕАТРА

Прошло пятнадцать лет.

После работы на селе и участия в освободительном движении в 1905 году, испытав на себе жестокость реакции 1906—1909 годов, я вернулся в Тбилиси и нашел прибежище в театре как артист, библиотекарь и... исполняющий обязанности заместителя директора театра. А со 2 января 1910 года начал издавать еженедельный журнал «Театр и жизнь».

Однажды утром в мою редакцию, которая разместилась в фойе грузинского театра (справа от входа в театр), Партен Готуа (1873—1936) ввел Габриэла Сундукяна. В ту пору он уже сильно поседел. Мне неоднократно приходилось видеть его в последнее время.

Едва успев войти в комнату, Партен Готуа воскликнул:

— Мой Иосиф, если б ты знал, кого я привел к тебе! Это наш дорогой, наш любимый Габриэл Никитич! Большой друг нашего театра!..

Поднявшись им навстречу, я ответил:

— Мы знакомы с Габриэлом Никитичем. Мы с ним однажды встретились в народном театре во время постановки «Пепо».

— Так это вы — мой Зимзимов! — воскликнул Габриэл и стал внимательно разглядывать меня.

— Именно он!

Я усадил гостей.

— Ну что ж, это прекрасно, что вы знаете друг друга, — сказал Партен Готуа и обратился к Габриэлу: — Я считаю, что это самый подходящий человек, другого я не знаю, который перевел бы вашу пьесу.

— Но, батоно Партен, я не знаю настолько хорошо армянский язык, — запротестовал я.

— Ничего, Габриэл поможет тебе!

Мы договорились работать ежедневно с часу до трех на квартире Габриэла Сундукяна.

«ЛЮБОВЬ И СВОБОДА»

На другой день, когда до часу дня оставалось несколько минут, я свернул с нынешней улицы Мачабели на Лермонтовскую и посмотрел вверх. Габриэл Сундукян стоял на балконе своего дома — № 16. Мне показалось, что, увидев меня он ударил в ладоши. Как только я подошел к подъезду, дверь открылась, и я, взбежал по лестнице, на последней ступеньке, которой мне улыбался Габриэл Сундукян. Он обеими руками пожал мне руку и заговорил, глядя на часы:

— А вы обязательный человек! Без пяти час... вот это я понимаю!

Я заметил, он был свежевыбритым, накрахмаленный воротник и манжеты сверкали белизной.

Раскрыв дверь гостиной, он рукой указал мне, куда идти. Ни за что не согласившись пройти вперед. В зале меня встретила дама в национальном грузинском женском головном уборе.

— Вот, Софи-джан, переводчик моей пьесы уважаемый господин Имедашвили, — представил он меня. — Его тоже зовут Иосифом, как и переводчика моего «Пепо» — Иосифа Баκραдзе. А это — Иосиф Имедашвили.

— Добро пожаловать! — на чистом грузинском языке произнесла дама и пригласила меня сесть. — За вас уже говорит ваша фамилия, — сказала она. — Известно ведь: не лишайте нас надежды, мы ею живы! (Фамилия Имедашвили в переводе означает «Надеждин»).

— Видимо, плох человек без надежды! — сказал Габриэл.
Внесли кофе.

— Батоно Габриэл, прошу вас, не заставляйте меня терять время.

— Превосходно, превосходно! — сказал Габриэл и повел меня в кабинет. Габриэл сел у стены, я же присел у окна, и окинул комнату взглядом. Здесь все блестело чистотой, на стенах висели семейные фотографии. Я обратил внимание на портрет, висевший прямо над спинкой стула, на котором сидел Габриэл.

Это был красивый мужчина в национальной шапке, типичный старый горожанин, напомнивший мне Гико. Я сказал об этом Габриэлу.

— Дед мой действительно старый горожанин, из Соллолаки. Но давайте приступим к нашему делу! — обратился он ко мне и раскрыл книгу.

Мы приступили к работе.

С вышедшей на армянском языке его пьесой «Любовь и свобода», которая был отпечатана на превосходной бумаге, я был уже знаком.

Габриэл читал мне законченные предложения по-армянски, я же писал их по-грузински. Он снова читал мне этот же текст по-армянски, а я читал ему свой перевод.

Иногда он делал замечания.

— Мысль передана правильно, предложение звучит гладко, все это сценично, но здесь нужна иная интонация. Должен ощущаться городской колорит, что ли, — говорил он, шевеля сложенными щепотью тремя пальцами — большим, указательным и средним, будто это помогало ему подбирать слова. Я старался находить наиболее точные, соответствующие оригиналу выражения, и когда мне это особенно хорошо удавалось, Габриэл восторженно восклицал: «Вот именно так, Иосиф-джан!». Иногда он сам придумывал и предлагал необычайно красочные и сочные выражения. Работа шла гладко, и мы редко прерывали ее в поисках нужных слов и выражений.

В этой пьесе Г. Сундукян несколько раз обращается к строкам из стихов Саят-Нова. Я перевел и их. В одном из стихотворений последняя строчка каждого куплета кончается словом «помните». Когда Габриэл прослушал переведенное мной стихотворение, он зааплодировал и крикнул в другую комнату:

— Софи, Софи... генацвале, Софи-джан, иди и послушай, как наш Иосиф перевел Саят-Нова.

Каждый день ровно в три часа Софья обычно звала нас:

— Прошу к столу!

И мы направлялись в столовую, где нас ждал великолепно накрытый стол. Во главе стола всегда садилась супруга Габриэла — Софья.

Во время обеда и после него беседа обычно шла по-грузински. После обеда Габриэл подходил к Софье, прикладываясь к ее руке и лбу и с ласковой учтивостью произносил: «Благодарю, Софи-джан». Однажды он добавил:

— Благодарю тебя, Софи, твоей милостью я здоров и всегда обеспечен куском хлеба!

— Ты живи и здравствуй, Габриэл-джан, а кусок хлеба всегда найдется, — отвечала Софья.

Не помню дня, чтобы этот ритуал не был соблюден и что-либо нарушило в этом доме атмосферу взаимной теплоты, сердечности, доброжелательности. Мне больше никогда не приходилось наблюдать такое постоянно ровное и нежное расположение супругов друг к другу. Здесь я хочу отметить, что в те времена Габриэлу было уже 85 лет, но он всегда оставался очень учтивым, любезным, подвижным и прекрасным собеседником. Более полувека — 55 лет своей жизни он отдал государственной службе, прослужив все это время на одном месте. Он имел звание и значительные по тем временам награды, но никогда, ни в какой форме не проявил чванства, надменности, спесивости. Наоборот, в обращении со всеми он был необычайно скромным и простым, был подлинным демократом в самом глубоком и благородном смысле этого слова.

Он придавал очень серьезное значение работе над словом, над построением фразы. Всегда примерял каждое предложение и к взаимоотношениям персонажей, и к индивидуальной характеристике каждого действующего лица.

В поисках слова, выражения он был необычайно остроумным и выжим. Не уступала ему в чувстве юмора, как и в пристрастии к шутке, его супруга.

Помню, как однажды Габриэл зашел за мной в редакцию — еще не было половины первого.

Спустя десять минут мы вошли в дом Сундукяна. Поздоровавшись с Софьей, он спросил:

— В мое отсутствие ничего мне не приносили?

— Принесли какую-то коробку...

Открыв коробку, Габриэл извлек из нее черный зонт, оглядел его, погладил ручку, раскрыл, потом спросил Софью:

— Ну, каков он?

— Прекрасен, именно такой ты хотел! Тебе ведь не осмелились бы принести обычный зонтик, — ответила Софья.

Габриэл сложил зонтик, достал второй сверток, развернул и показал второй зонт.

— А этот как?

— Если не лучше, то, во всяком случае, не хуже того! Но для чего тебе два зонта?

— Один — от дождя, другой — от солнца.

— Тогда и от луны тоже купи! — ответила с улыбкой Софья.

Как мне рассказывала дочь Габриэла — Екатерина, такие шуточные диалоги между супругами происходили постоянно.

Два или три месяца продолжалась наша ежедневная двух-, трехчасовая работа. Мы закончили перевод пьесы «Любовь и свобода».

Когда Сундукян поинтересовался моим мнением, я сказал, что мне пьеса нравится, но она не похожа на все, что присуще Сундукяну, что наиболее характерно для его пьес... И воспринимаю я ее несколько иначе, чем все его творчество.

— Значит, нет чего-то, что непременно должно быть. Или наоборот: есть что-то ненужное. Во всех пьесах я всегда старался все подчинить одной какой-либо идее... Так что же все-таки вас здесь смущает?

— Я не могу понять, почему такого добропорядочного, богатого, отзывчивого человека, как Мелко, не любит его жена Нато, вышедшая из бедной семьи. И зачем ей должно было овладеть чувством к его подчиненному — управляющему Тиграну?

— Сердце, — проникновенно ответил мне Габриэл. — Там, где рождается любовь, — продолжал он, — ни богатство, ни бедность ничего не значат. — Он попросил найти и перечитать то место, где высказывается Шакаро.

Я прочитал:

— «Самый цветущий сад — это сердце, наполненное радостью».

— Дальше, дальше читай, что еще говорит Шакаро?

Я продолжал:

— «Для чего мне золотой таз, если я должен харкать туда кровью!».

— А что Нато отвечает? Читай!

— «Я хочу быть сама собой, госпожей своих чувств и поступков. По моему разумению, воровство и убийство человека — это меньший грех перед богом, чем когда женщина живет с мужем не любя...»

Заставив меня перечитать все это, Габриэл будто поделился со мной своими собственными убеждениями.

Мы спорили еще по некоторым вопросам. Это были проблемы супружеской верности, современного семейного уклада. Однажды я сказал ему:

— ...Уважаемый Габриэл, вы разоблачаете фальшь современной семьи, но ваши идеи противоречат закону и устоявшимся традициям, и это обличение нам зачтется как грех!

— Каким образом?

— Не так давно я написал маленькую пьесу под названием «Жена, а не друг» и отнес в цензурный комитет. Знаете, что сказал мне председатель комитета?

— Что?

— Что за вздор вы мелете? Жена — непременно друг, и иначе быть не может.

— Конечно, так и должно быть! Но ведь, к нашей беде, в жизни часто бывает не так... А у председателя того комитета, видимо, ничего нет либо здесь (он прикоснулся ко лбу), либо тут (он показал на сердце), или же он слеп

и глух! Настоящие муж и жена прежде всего должны быть друзьями... Ужасно, что сегодня можно купить любовь за деньги, я имею в виду, конечно, фальшивую любовь, а не настоящую. Я считаю, что долг театра, долг драматурга показать эту фальшь... Даже если не разрешают или не понимают! Но пусть тебя это не удручает: то, что сегодня не принимается и пониманию многих не доступно, завтра и послезавтра будет понятно!..

В период работы над окончательным вариантом перевода пьесы «Любовь и свобода» кое-где он заставил меня добавить отдельные куски. В одной из ремарок сам своей рукой приписывал красными чернилами отдельные слова: «в перчатках» и «со шляпой в руках». А в конце также собственноручно приписал, где на сцене должны были стоять действующие лица:

садовник		Ефемия
нянька		Гаспар
слуга	Шакаро	
Гайяна		Мелко
Нато...	Тигран	

Когда работа была закончена, я заполнил первую страницу: Габриэл Сундукян. «Любовь и свобода», 1910.

— А где фамилия переводчика? — спросил Габриэл.

— Для чего?

— То есть как это для чего? Вы, что же, работали напрасно? Ваш труд — не труд, что ли? — сказал он и крикнул в комнату: — Софи-джан, послушай-ка, что изволил молвить наш Иосиф: «Для чего писать мою фамилию?». Или вы просто считаете недостойным поставить свое имя?! — негодовал Габриэл.

— Что вы, для меня большая честь поставить свое имя рядом с именем Габриэла Сундукяна, — я начал сдаваться.

— Знаете, я очень обижусь, если не найду здесь фамилию переводчика! — продолжал волноваться Габриэл.

Я так уважал Габриэла, что считал этот незначительный труд — перевод его пьесы — просто оказанной ему услугой, но, уступив его настояниям, сделал так, как он хотел.

Я подготовил пьесу для цензуры и послал ее в цензурный комитет с сотрудником нашего театра.

Но вскоре жандармерия меня арестовала, затем меня перевели в Метехскую тюрьму и в конце концов, присудив четыре года каторги, заточили в одиночку.

О кончине Габриэла Сундукяна я узнал в тюрьме. Там же я прочел его замечательное завещание. Я был очень опечален смертью этого прекрасного человека, который всегда искал и находил в человеке — человека... Мне было больно от того, что не имел возможности проводить его в последний путь, положить к его благородному сердцу хотя бы одну красную розу!..

* * *

Вспоминая о Габриэле Сундукяне, я не могу не рассказать еще одну историю, которая, мне кажется, не будет здесь неуместной.

Прошло два года после Великой Октябрьской революции. Я в ту пору был поглощен работой над давно задуманным и начатым трудом — «Словарем грузинских деятелей». Тогда меня очень торопил с этой работой заведующий Тбилисской государственной типографией А. Датишвили, мой друг, который считал целесообразным ускорить выпуск этой книги. Однажды ко мне зашел мой близкий друг — сын известного ашуга Дживана — Гарегин Левонян.

— Как вовремя ты пришел, Гарегин! — искренне воскликнул я. — А ну, будь добр, дорогой, и скажи: Габриэл Сундукян армянин или грузин?

Гарегин Левонян в изумлении уставился на меня. Я понял бестактность своего вопроса.

— Я неправильно выразился, и ты меня, конечно, не понял. Габриэл Сундукян, ясно, по происхождению армянин, но я думаю, что я вправе причислить его к деятелям Грузии, поскольку вся его деятельность протекала здесь. Дело в том, что я составляю «Словарь грузинских литературных и общественных деятелей», над которым работаю уже много лет, — разъяснил я ему. — В этой книге в алфавитном порядке будут представлены краткие биографии, библиография трудов и портреты выдающихся деятелей Грузии. Хочу, чтобы имя Сундукяна тоже вошло в эту книгу.

— О, какое большое, какое важное дело ты начал!.. Это прекрасно, что славный сын армянского народа Габриэл Сундукян, деятельность которого проходила в Грузии, войдет в эту книгу.

— Я считаю, что у таких людей, как Сундукян, родиной не может быть только один какой-либо маленький уголок земли. Они принадлежат всему человечеству.

Когда в 1937 году вся страна отмечала юбилей Шота Руставели, я прибыл в Ереван как один из руководителей бригады персональных пенсионеров Грузинской ССР.

В то время в Ереване прокладывали первые рельсы для трамвая. Мужчины, женщины, особенно молодежь — комсомольцы работали с горячим энтузиазмом. Я с восхищением наблюдал за их трудовым рвением, любовался ими.

Вдруг я почувствовал, что кто-то взял меня за руку. Оглянулся — предомной был Гарегин Левонян.

— Какой счастливый ветер забросил тебя?.. Я приветствую твое появление и рад нашей встрече! Пойдем вместе со мной, удели мне хоть полчаса...

Я объяснил ему, что возглавляю бригаду и не могу оставить товарищей.

— Но я ведь должен выразить тебе свою благодарность.

— Я не понимаю, о чем ты говоришь?!

Он взял уже меня под руку и повел, говоря о том, что в свое время я надумил его составить словарь армянских деятелей.

— Как только я поделился этой идеей с нашим руководством, то мне тотчас же были созданы все условия для работы: предоставлено помещение, библиотека, сотрудники, и дело было поставлено на широкую ногу. Так я начал работу над словарем.

Беседа, мы пришли к его дому. Он повел меня по лестнице. Показал помещение, библиотеку, типографию...

— Твоя работа заставила меня взяться за это дело. Надеюсь, что удастся довести ее до конца, — говорил Гарегин Левонян, надписывая мне на память книгу песен его отца Дживана. Он проводил меня, поскольку я торопился к товарищам, и, пожимая мне руку, сказал:

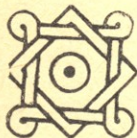
— Знай, что сейчас мне твое имя дорого так же, как светлая память нашего дорогого Габриэла Сундукяна, так как благодаря тебе я начал это большое и важное дело.

От поэта-драматурга Сурена Авчяна я узнал, что Гарегин Левонян действительно завершил работу над этим словарем, но не дождался его издания — Левонян скончался.

* * *

В своем завещании Габриэл Сундукян писал: «Прощайте, любимые люди, какого бы рода, племени и вероисповедания вы ни были, прощай, любимый город Тбилиси!». Так прощался он перед смертью, оставив живущим напутствие, преисполненное человеческого тепла и человеческого мужества.

Публикация Кобы ИМЕДАШВИЛИ

ОТНОС АНТИСОВЕТЧИКАМ ОТ ЛИТЕРАТУРЫ

БЕСКОМПРОМИССНАЯ идеологическая борьба между силами прогресса и реакции сопутствует человечеству со дня появления антагонистических классов. Но думается, никогда она не была столь ожесточенной, как в наши дни. И это не случайно: такая борьба — не каприз или причуда истории. Убедившись, что силой оружия нового мира не одолеть, апологеты оживающего свой век империализма ведут отчаянную борьбу на всех участках идеологии, включая фронт науки, литературы, разные области культуры и искусства, не оставляя без внимания ни одной отрасли духовной деятельности людей.

Видя бесплодность своих расчетов, антисоветчики всех мастей беснуются, затевают самые неожиданные авантюры. Писаниями Глеба Струве — отпрыска именитого антисоветчика Петра Струве или «сочинениями» Марка Слонима, Абрама Ярмолинского, Веры Александровой, Макса Истмена, Германа Ермолаева, Эдварда Брауна, Джеймса Биллингтона и иже с ними не могут быть поколеблены устои наших эстетических, литературных или идеологических позиций. Но тем не менее нужно знать, из каких подворотен налетают, о чем шипят стервятники литературной холодной войны. Ведь зачастую нам как раз и не хватает информации о том, что происходит в стане врагов, а именно это затрудняет борьбу с идеологическим противником социализма. Такой пробел в определенной степени восполняет очень интересное исследование Альберта Беляева «Идеологическая борьба и литература», Москва, «Советский писатель», 1975, уже получившее в центральной прессе высокую и безусловно справедливую положительную оценку.

А. А. Беляев — не новичок на фрон-

тах идеологической борьбы. Без преувеличения можно сказать, что автор рецензируемой книги многие годы следит за происками наших идеологических противников, организует против них борьбу на таком важном участке, как литература. Он в своей книге рассказывает, что вся черная свора лженаучных антисоветчиков обосновалась главным образом в разных колледжах и университетах США, орудует в ФРГ, Англии, Франции, да и в некоторых других странах Западной Европы. Как это ни парадоксально, к недобитой историей рати отщепенцев с некоторых пор примкнули малосведущие в литературе, вульгарнейшие из вульгарнейших антисоветчиков — «критики» маоистского толка.

В отличие от других работ подобного плана книга А. А. Беляева изобилует фактическим материалом. В этой солидной работе критика наших идеологических противников хоть подчас и немногословна, но весьма убедительна.

Простое перечисление глав исследования даст читателю представление не только о его содержании, но и о смысле трактуемых проблем: «Ренессанс или «своевластие безответственной мысли», «Дворцовый переворот или народная революция?», «Интервенция или «иностранные контакты», «Горький и революция», «Советская власть и культурное наследство России», «Откуда течет Волга?», «НЭП и фантазии советологов», «Постановление ЦК РКП(б) о политике партии в области литературы (1925 г.) и волхование советологов», «Герои подлинны и герои выдуманные», «Пятилетка в кривом зеркале «культурных кремлинологов», «Ничто не вечно под луной (или кое-что о РАППе)», «Правда жизни и ложь советологов», «Год тридцатый. Вежа или шлагбаум», «Год

1932-й. Чем он не нравится советологам», «Первый съезд советских писателей в оценке советологов», «Социалистический реализм сквозь призму советологии, или о мертвом теоретизировании и вечно зеленом древе социалистического реализма», «Мертвые сраму не имут», «Выгодный бизнес «холодной войны», «Спекуляции советологов после XX съезда КПСС», «Воздушные замки советологов или хлопоты на пустом месте», «Кто есть кто? Или как с ног ставят на голову», «Один человек сказал», «Советская литература в кривом зеркале журнала «Проблемы коммунизма», «Книп смиллинг! Или советологи у разбитого корыта»...

Мы так подробно и точно передали содержание книги потому, что достать ее фактически невозможно. И не только у нас в Грузии. Тираж книги — 25.000 экземпляров — пожалуй, не удовлетворил бы потребности даже библиотек одного лишь Советского Закавказья. Совершенно очевидно, что эту работу Альберта Беляева требуется переиздать, не говоря уж о том, что ее следовало бы срочно перевести и издать на грузинском языке. Во многих случаях литература, критикуемая в книге, нашему читателю, в особенности вузовской молодежи, малодоступна, да и литературоведом и литературным критикам тоже.

Альберт Беляев ни одного из называемых им «советологов» не критикует голословно. Все мысли автора исследования подкреплены цитатами, необходимыми ссылками на источники. В подтверждение приведу следующие данные: не говоря о классиках марксизма-ленинизма, о советских авторах, А. А. Беляев называет, цитирует 42 книги и 20 журнальных статей зарубежных авторов. Одно это обстоятельство убедительно говорит о научной солидности его работы.

На огромном количестве фактов книга А. А. Беляева убеждает, что североамериканские литературные антисоветчики, пусть со своих позиций, не только теоретизируют, анализируя нашу литературу. Нередко они занимаются прямым жульничеством. В этом А. А. Беляевым уличен профессор из Айовского университета Д. Маркхэм. Сей горе-ученый выдает за статью фельетон, напечатанный в нашей «Литературной газете». Пользуясь таким, с позволения сказать, «литературным приемом», он вопит, что в СССР литераторы «творят по прямым директивам властей». Как выясняется, этот «профессор» «Литературной газеты», на которую ссылается, в глаза не видел. Он пользовался шпалгалкой некой Людмилы Туркевич. Такова «методология» научных изысканий западных литературных антисоветчиков. Альберт Беляев уличает в подобных жульнических подтасовках не только

Маркхэма, но и многих других литературных прислужников «желтого дьявола».

Как констатирует А. А. Беляев, «активное участие советских писателей в военно-патриотическом воспитании народа очень не по сердцу пришлось советологам». Именно по сему поводу поносят они замечательные романы А. Толстого, В. Шишкова, Л. Степанова, С. Голубова, многих других. Просто удивительно, что эти господа не поносят Льва Николаевича Толстого: ведь гений мировой литературы писал «Воину и мир» не без патриотических намерений. Чего хотят, чего требуют зарубежные антисоветчики от наших писателей? Это яснее ясного...

Некая госпожа Гарриет Борман, вроде бы занимавшая историей РАИШа, ничтоже сумняшеся строчит (цитируем по книге А. А. Беляева): «В годы первого пятилетнего плана в Советском Союзе были предприняты наиболее широкие и упорные усилия по мобилизации художественной литературы для целей пропаганды». По поводу этой мысли Г. Борман Альберт Беляев справедливо замечает: «Читаешь подобное и невольно думаешь: да знает ли автор советскую литературу тех лет, читала ли она книги, о которых судит так решительно и безоговорочно?». Это замечание А. А. Беляева можно вполне отнести не только к Г. Борман, но к подавляющему большинству литературных антисоветчиков, разоблачению которых посвящена его книга.

Не обходит стороной А. А. Беляев провокационную возню, поднятую в определенных кругах Запада вокруг Солженицына — сына крупного русского помещика, владевшего тысячами десятин земли в царской России, того Солженицына, который, служа в Советской Армии в годы Великой Отечественной войны, за пораженческую агитацию в войсках был осужден на длительное заключение. Совершенно справедливо пишет А. А. Беляев: «антисоциалистическая (прибавим от себя: патологическая. — В. М.) направленность сочинений Солженицына, обывательская расчетливость, корыстность его действий (и тут мы вновь добавим от себя: классовая ненависть к Стране Советов. — В. М.) становились со временем очевидными все более широкому кругу иностранных литераторов и читателей, которые не раз высказывали на страницах советской и зарубежной печати свое отрицательное мнение о сочинениях Солженицына и возмущались его недостойным и антипатриотическим поведением». Нам кажется, что в случае с Солженицыным мы имеем дело не только с недостойным и антипатриотическим пове-

дением, а с контрреволюционным, анти-советским, а в ряде случаев монархическим поведением. Если бы было иначе, зачем шумели бы о Солженицыне во все голоса средства информации на Западе?

Краткая рецензия не дает возможности подробнее отметить все достоинства, повторяем, очень нужного и интересного исследования Альберта Беляева, написанной им единственной в своем роде книги, которая на множестве примеров разоблачает различного рода литературных «деятелей», а в ряде случаев откровенных проходимцев, льющих во-

ду на мельницу не в меру ретивых и весьма безответственных людей, которые в эпоху термоядерного оружия, грозящего миру тотальным уничтожением человечества, разжигают антисоветские страсти.

Думается, эта работа Альберта Беляева вызовет самый широкий общественный отклик. Не претендуя на полноту оценок, мы рассматриваем свою рецензию лишь как напоминание о книге, заслуживающей самого пристального внимания читателей.

Владимир МАЧАВАРИАНИ

ПОВЕСТЬ О ДОРОГЕ К СОЛНЦУ

М РАЧНЫЙ и темный Тбилиси 1942 года, малолодные села в горах — мне очень хорошо знакома и близка эта картина Грузии военных лет. Я был ненамного старше Сосой и Хатии и мог бы их повстречать, попади тогда со своим взводом в их село. Но мне привелось с ними встретиться только теперь — в чудесной повести Нодара Думбадзе «Я вижу солнце», вышедшей на украинском языке (перевод А. Мушкудяни) в киевском республиканском издательстве детской литературы «Веселка» в конце 1975 года.

Несмотря на то, что имеешь дело с переводом, улавливаешь особенности характеров героев повести — жителей небольшой деревушки в долине реки Супсы, представляешь неповторимый пейзаж юго-западного Кавказа, ощущаешь специфические особенности грузинского народного быта, речи, сам на некоторое время становишься грузином! И книга увлекает не только того, кто лично знаком с описанными в ней местами; знакомые мне подростки запоем читали повесть, долгое время после этого находясь в раздумье. А это не так часто увидишь сейчас среди читателей современной прозы. Значит, книжка, как говорится, «берет за живое», и заслуга в этом принадлежит как писателю, так и переводчику.

В чем же заключается притягательная сила, которая явно присутствует в повести Нодара Думбадзе? Вполне можно согласиться с коротеньким издательским вступлением, лаконично определяющим идейную ценность произведения: в холоде и голоде, при всех при-

несенных тяжких жертвах «дружба, человечность, готовность разделить последнее объединяет всех, прибавляет силы побороть невероятные трудности и испытания», принесенные войной. Именно социалистический гуманизм и интернационализм высокой пробы нашли свое отражение в повести.

Повесть эта оптимистична, так как наполнена непоколебимой уверенностью советских людей, простых крестьян в неизбежной победе Советской Армии, всего трудового народа, частицей которого является и потерявший единственного сына Лукайя Поцхивили, и геройский участник боев на Хасане Леван Гуриелидзе, и нестареющий мельник Беглар, и внешне неуживчивый Бенедикте и старый почталон Коция, и соученики Сосо и Хатии — восьмиклассники Леван, Отия, Ната, Тина, Гурам, и все их односельчане, для которых далекая линия фронта прошла через их дома, виноградники, через плантации чая.

Наиболее драматичными можно назвать главы «Страшный день» и «Бегларова мельница», но и они разнообразны по природе своего драматизма: в первой он — событийный, а во второй — психологический. Нужно подчеркнуть, что более трудный психологический драматизм вполне подвластен творческому мастерству Нодара Думбадзе. С глубоким внутренним подтекстом он звучит не только здесь, но и в главах «Кукура», «Данке шён!» и других.

Драматично писатель решает и проблему моральной ответственности советского человека перед Родиной и народом, сталкивая два полярно противопо-

ложных характера — Анатолия, олицетворяющего весь сражающийся советский народ, и ничтожного предателя Дати́ко. Этот конфликт дополняется и линией Бежана. Душевно больной Бежан и физически немощный Анатолий (тяжело раненный на фронте) оказываются **духовно** выше и сильнее здоровья Дати́ко.

В центре повести, привлекая все читательские симпатии, находятся великолепно выписанные образы юных героев Сосойи и Хатии. Чистота и искренность во взаимоотношениях подростков, формирование нежной и самоотверженной любви, созревание и несколько ускоренное в условиях военного времени взросление вчерашних детей, обостренное проявление в исключительных обстоятельствах чувства советского патриотизма, мужание и четкое обозначение характеров школьников — вот основные области проникновения художественного видения Нодара Думбадзе, писателя-психолога. И в этом проникновении утверждаются самые значительные достоинства повести.

Нельзя не сказать и о мастерстве художественного обобщения писателя. Лично мне кажется, что действие повести происходит где-то в знакомых мне местах между Чохатаури и Шуа-Суроба. Однако по типичности изображенных событий их можно отнести и к району Цители-Цкаро, и к окрестностям Зугди-

ди, и к любому уголку напрягшей все свои силы военной Грузии.

Интересно, что у читателя повести подсознательно, в результате эстетического воздействия произведения возникают свои собственные обобщения, граничащие с литературно-философской символикой. Так, Бегларова мельница входит в память как символ вечного движения народа в труде, остановить которое возможно только по воле народа. Образ Бежана ассоциируется со сказочным образом различных Иванушек, которые олицетворяют скрывающиеся за внешней простоватостью и наивностью самые светлые и здоровые силы добра и справедливости. Наконец, солнце, которое видит слепая девочка и которое дает медицине и ей уверенность в неизбежности прозрения, символизирует собой нескорую и трудную, но закономерную и неминуемую победу над фашизмом, видимую сквозь мрак даже первого года войны.

Таким образом, в руках юного читателя одно из тех произведений, какие хочется видеть на полках книжных магазинов не только чаще, но и в более значительных тиражах. Нужно сказать, что повесть «Я вижу солнце» при республиканском тираже в 30 000 экземпляров исчезла с прилавков в первые дни своего выхода в свет. Это многоговорящий показатель.

Анатолий ДЬЯЧЕНКО

Сдано в набор 21 апреля 1976 года. Подписано к печати 7 июня 1976 года.
6 печ. листов, усл. листов 8,4, Формат бумаги 80×108¹/₁₆.

Заказ № 1495

Тираж 5.200

УЭ 05817

26-1976.

76-435

ბიბლიოთეკის
ნიშნობა

Цена 40 коп.

ИНДЕКС
76117

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК КП ГРУЗИИ
საქ. კპ ცკ-ის გამომცემლობა.